T-13 4/144

T13 4/144.

КН. В. В. БАРЯТИНСКІЙ.

ЦАРСТВЕННЫЙ МИСТИКЪ.

(ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I-Й — ѲЕДОРЪ КОЗЬМИЧЪ)

Кн-во „ПРОМЕТЕЙ“
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

ЦАРСТВЕННЫЙ МИСТИКЪ.

КН. В. В. БАРЯТИНСКІЙ.

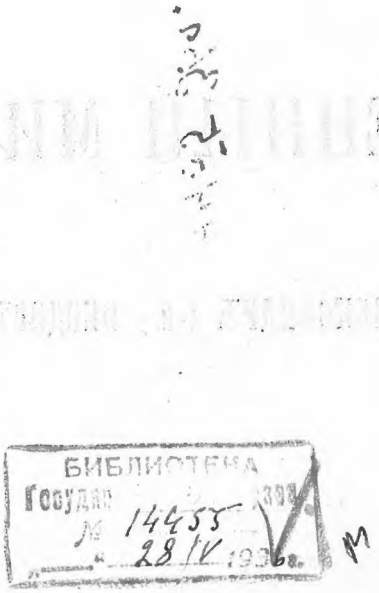
Т 13 4/144.

ЦАРСТВЕННЫЙ МИСТИКЪ.

(ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ 1-й — ѲЕОДОРЪ КОЗЬМИЧЪ).

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

КН-ВО «ПРОМЕТЕЙ»
Н. Н. МИХАЙЛОВА.



БИБЛИОТЕКА
Государ... ...
№ 14455
„ 28/IV 193..г.

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Издат. дѣла „Трудъ“. Кавалергардская, 40.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.

Скончался-ли Императоръ Александръ I въ Таганрогѣ 19-го Ноября 1825 г., или-же, предоставивъ хоронить чье-то чужое тѣло, таинственно удалился отъ міра и окончилъ жизнь въ образѣ старца Федора Кузьмича въ окрестностяхъ Томска 20-го Января 1864 г.?

Разрѣшеніе этого вопроса—хотя-бы приблизительное разрѣшеніе—составляетъ цѣль этой книги.

Вотъ схема, которой я буду стараться придерживаться:

1) Имѣлъ-ли Императоръ Александръ I намѣреніе оставить тронъ и удалиться отъ міра?

2) Если онъ имѣлъ это намѣреніе, то привелъ-ли онъ его въ исполненіе въ бытность свою въ Таганрогѣ, или-же скончался, не выполнивъ своего намѣренія?

3) Если онъ скрылся изъ Таганрога, а не умеръ, то можно-ли отождествлять съ его личностью личность сибирскаго старца Федора Кузьмича?

I.

Во время поѣздки по Россіи въ 1817 г., въ день отъѣзда своего изъ Кіева, 8-го сентября, за обѣдомъ, когда разговоръ коснулся обязанностей людей различныхъ состояній «равно и монарховъ», Александръ I неожиданно произнесъ твердымъ голосомъ:

«Quand quelqu'un a l'honneur d'être à la tête d'une nation comme la nôtre, il doit au moment du danger être le premierà l'affronter. Il ne doit rester à sa place qu'aussi longtemps que ses forces physiques le lui permettent... Passé ce temps, il faut qu'il se retire».

(Когда кто-нибудь имѣетъ честь находиться во главѣ такого народа, какъ нашъ, онъ долженъ въ минуту опасности первый идти ей навстрѣчу. Онъ долженъ оставаться на своемъ посту только до тѣхъ поръ, пока его физическія силы ему это позволяютъ. По прошествіи этого срока онъ долженъ удалиться).

«При этихъ словахъ», пишетъ любимый флигель-адъютантъ императора, Михайловскій-Данилевскій», «на устахъ государя явилась улыбка выразительная», и онъ продолжалъ:

«Quant à moi, je me porte bien à prèsent, mais dans dix ou quinze ans, quand j'aurai 50 ans, alors...»

(Что касается меня,—я пока чувствую себя хорошо, но черезъ 10 или 15 лѣтъ, когда мнѣ будетъ 50 лѣтъ...).

«Тутъ», продолжаетъ Михайловскій-Данилевскій, «нѣсколько присутствующихъ прервали императора, и, какъ не трудно догадаться, увѣряли, что и въ 60 лѣтъ онъ будетъ здоровъ и свѣжъ... Неужели, подумалъ я, Государь питаетъ въ душѣ своей мысль объ отреченіи отъ престола, приведенную

въ исполненіе Діоклетіаномъ и Карломъ Пятымъ? Какъ бы то ни было, но сіи слова Александра должны принадлежать исторіи».

Мѣсяцъ спустя Императоръ былъ въ Москвѣ и присутствовалъ на закладкѣ храма на Воробьевыхъ горахъ, въ память отступленія наполеоновской арміи изъ Москвы. Наканунѣ этого дня, онъ имѣлъ бесѣду съ иниціаторомъ проекта, академикомъ Карломъ Лаврентьевичемъ Витбергъ, и между прочимъ, сказалъ: «Конечно, я не могу надѣяться что-либо видѣть при себѣ».

Н. К. Шильдеръ, цитируя эти слова въ т. IV своего извѣстнаго труда «Императоръ Александръ I» (стр. 80), добавляетъ:

«Этимъ словамъ суждено было, къ сожалѣнію, осуществиться. Мало того, послѣ кончины государя все это грандіозное предпріятіе рушилось, не оставивъ по себѣ и слѣдовъ, а творецъ его А. (К?) Л. Витбергъ, былъ сосланъ въ Вятку».

Позволю себѣ и я сдѣлать краткое добавленіе: Императору Александру было въ то время 40 лѣтъ; онъ отличался превосходнымъ здоровьемъ, и—при всей медленности производства работъ, особенно художественныхъ въ Россіи,—могъ-бы надѣяться «видѣть что-либо при себѣ».

Воздерживаюсь отъ дальнѣйшихъ толкованій и продолжаю. Лѣтомъ 1819 г. въ Красномъ Селѣ, послѣ смотра воинской части (2 бригады 1-ой Гвард. пѣхотной дивизіи), находившейся подъ командой Вел. Князя Николая Павловича, императоръ Александръ I обѣдалъ у своего брата.

По поводу этого обѣда мы находимъ слѣдующія строки въ запискахъ Великой Княгини (впослѣдствіи императрицы) Александры Феодоровны, супруги Николая Павловича.

«Ce fut à Krasnoïe, l'été 1819, q'un jour l'Empereur Alexandre ayant dîné chez nous, s'assit entre nous deux et causant familiérement, changea tout à coup de ton et devenant trés sérieux il commença en termes suivants à peu prés à nous dire qu'il avait été trés satisfait ce matin de la manière dont son frére s'acquittait de son commandement militaire, qu'il se rejouissait doublement de voir Nicolas remplir bien ses devoirs, puisque sur lui reposerait un jour un grand poids, qu'il le regardait comme son remplaçant et cela beaucoup plus tôt qu'on ne pouvait présumer, puisque cela arriverait de son vivant. Nous étions assis comme

deux statues, les yeux ouverts, la bouche muette. L'Empereur continua: vous semblez étonnés, mais sachez que mon frère Constantin qui ne s'est jamais soucié du trône est plus que jamais decidé à y renoncer formellement en faisant passer ses droits sur son frère Nicolas et ses descendants. Pour moi même je suis decidé à me défaire de mes fonctions et à me retirer du monde. L'Europe a plus que jamais besoin de souverains jeunes et dans toute l'energie de leur force; pour moi je ne suis plus ce que j'ai été, et je crois de mon devoir de me retirer à temps... Nous voyant prêts à sanglotter, il tâcha de nous consoler, de nous rassurer, nous disant que cela n'arriverait pas incessament, que des années se passeraient avant qu'il mette son projet en execution».

(Это было въ Красномъ Селѣ, лѣтомъ 1819 г., когда однажды императоръ Александръ, пообѣдавъ у насъ, сѣлъ между нами двумя и, бесѣдуя интимно, внезапно измѣнилъ тонъ, сталъ очень серьезнымъ и началъ приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ высказывать намъ, что онъ остался очень доволенъ, какъ утромъ его братъ справился съ порученнымъ ему командованіемъ; что онъ вдвойнѣ радъ тому, что Николай хорошо исполняетъ свои обязанности, такъ какъ на немъ когда-нибудь будетъ лежать большая отвѣтственность, что онъ видитъ въ немъ своего преемника и что это случится гораздо раньше, чѣмъ можно предполагать, т. к. то случится еще при его жизни. Мы сидѣли какъ два изваянія, съ раскрытыми глазами и замкнутыми устами. Императоръ продолжалъ: вы удивлены, но знайте-же, что мой братъ Константинъ, который никогда не интересовался престоломъ, рѣшился тверже, чѣмъ когда-либо отказаться отъ него офиціально и передать свои права своему брату Николаю и его потомству... Что касается меня я рѣшилъ сложить съ себя мои обязанности и удалиться отъ міра. Европа болѣе чѣмъ когда-либо нуждается въ монархахъ молодыхъ и въ расцвѣтѣ силъ и энергіи; я уже не тотъ, какимъ былъ и считаю своимъ долгомъ удалиться вовремя... Увидавъ, что мы готовы разрыдаться, онъ старался насъ утѣшить, ободрить, говоря, что все это случится не сейчасъ, что пройдутъ еще годы, прежде чѣмъ онъ приведетъ свой замыселъ въ исполненіе).

Объ этомъ же знаменательномъ разговорѣ мы находимъ въ книгѣ барона М. А. Корфа «Восшествіе на престолъ Импера-

тора Николая Павловича», слѣдующія строки, заимствованныя изъ записокъ самого Императора Николая I.

«Минута переворота такъ васъ устрашившаго, сказалъ онъ (Александръ I), еще не наступила; до нея, быть можетъ, пройдетъ еще лѣтъ десять, а моя цѣль теперь была только та, чтобы Вы заблаговременно пріучили себя къ мысли о непреложно и неизбѣжно ожидающей васъ будущности».

Въ томъ-же 1819 году, осенью, въ бытность свою въ Варшавѣ, Александръ I сказалъ своему брату, Великому Князю Константину Павловичу, намѣстнику Царства Польскаго:

— «Я долженъ сказать тебѣ, братъ, что я хочу абдикировать; я усталъ и не въ силахъ сносить тягость правительства: я предупреждаю тебя для того, чтобъ ты подумалъ, что тебѣ надобно будетъ дѣлать въ семъ случаѣ».

«Цесаревичъ (Константинъ Павловичъ) отвѣтилъ: «тогда я буду просить у васъ мѣсто второго камердинера вашего; я буду служить вамъ, и, ежели нужно, чистить вамъ сапоги. Когда бы я это теперь сдѣлалъ, то почли-бы подлостью, но когда вы будете не на престолѣ, я докажу преданность мою къ Вамъ, какъ благодѣтелю моему».

«При сихъ словахъ» (говорилъ В. Кн. Константинъ Павловичъ) «Государь поцѣловалъ меня такъ крѣпко, какъ еще никогда въ 45 лѣтъ нашей жизни онъ меня не цѣловалъ».

— «Когда придетъ время абдикировать», сказалъ въ заключеніе Александръ, «то я тебѣ дамъ знать, и ты мысли свои напиши матушкѣ» (Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ).

Вышеприведенный разговоръ Александра съ Цесаревичемъ взятъ изъ рукописнаго журнала Михайловскаго-Данилевскаго со словъ самого Вел. Князя Константина Павловича (1829 г.).

Въ январѣ 1824 г. Императоръ заболѣлъ рожистымъ воспаленіемъ на л ѣ в о й ногѣ, и болѣзнь приняла было серьезный оборотъ. Подробное описаніе этого происшествія мы находимъ въ «Воспоминаніяхъ» доктора Дм. Клим. Тарасова, который вмѣстѣ съ лейбъ-медикомъ баронетомъ Як. Вас. Вилліе пользовалъ больного. Не могу не остановиться на странномъ противорѣчіи, встрѣчающемся по этому поводу въ «Воспоминаніяхъ» д-ра Тарасова.

«Когда я доложилъ», пишетъ онъ: «все это баронету Вилліе, онъ крайне встревожился и сказалъ: «Боже сохрани, если это

перейдетъ въ антоновъ». Опасеніе его было справедливо, ибо рожа сосредоточилась на серединѣ берца, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нога въ послѣдній разъ была ушиблена копытомъ лошади на маневрахъ въ Брестѣ-Литовскомъ».

Между тѣмъ упоминаемый Тарасовымъ случай на маневрахъ разсказывается Н. К. Шильдеромъ такъ:

«...19 сентября (1-го октября) на маневрахъ случилось прискорбное происшествіе. Во время проѣзда Императора Александра по фронту польской кавалеріи, одинъ полковникъ, по требованію Государя, подъѣхалъ къ нему для полученія приказанія; когда-же онъ поворотилъ свою лошадь, она лягнула и подковой задней ноги ударила императора въ правое берцо». (Шильдеръ, т. 4, стр. 283).

Иначе говоря, Тарасовъ ошибается: рожистое воспаленіе было на лѣвой ногѣ, а ушибъ лошадинымъ копытомъ—на правой. Я отмѣчаю этотъ фактъ, какъ не имѣющій отношенія къ разбираемому нами теперь вопросу, потому что намъ придется встрѣтиться съ нимъ позже.

«Какъ-то послѣ того», пишетъ Шильдеръ: «какъ государь оправился отъ своей болѣзни, онъ сказалъ Васильчикову, что дешево отдѣлался отъ нея (qu'il l'avait echappé belle).

Васильчиковъ возразилъ ему, что весь городъ принимаетъ участіе въ его болѣзни.—«Тѣ, которые меня любятъ? (Ceux qui m'aiment)—возразилъ Императоръ.—«Всѣ», отвѣчалъ Васильчиковъ.—«По крайней мѣрѣ мнѣ пріятно вѣрить этому», сказалъ Александръ: «но въ сущности я не былъ бы недоволенъ сбросить съ себя бремя короны, страшно тяготящей меня». (J'aime du moins à le croire, mais je n'aurais pas été fâché au fond de me débarasser de ce fardeau de la couronne qui me pèse terriblement".)

Приведемъ еще одну выдержку изъ сочиненія того-же историка:

«Весною 1825 года пріѣхалъ въ Петербургъ принцъ Оранскій, которому императоръ Александръ повѣрилъ свое намѣреніе сойти съ престола и удалиться въ частную жизнь. Принцъ ужаснулся и старался отклонить Государя отъ подобнаго намѣренія. Но Александръ остался при своемъ мнѣніи, и старанія принца не привели къ желаемой цѣли; ему не удалось поколебать намѣренія Государя» (Шильдеръ, т. 4, стр. 350).

Попутно Шильдеръ упоминаетъ о загадочномъ молчаніи, которое Александръ I хранилъ до конца относительно отреченія отъ престола цесаревича Константина Павловича.

Отреченіе это формально состоялось 14-го января 1822 г., когда Константинъ Павловичъ въ бытность свою въ Петербургѣ прислалъ императору письмо:

«Не чувствую въ себѣ ни тѣхъ дарованій, ни тѣхъ силъ, ни того духа, чтобъ быть когда бы то ни было возведену на то достоинство, къ которому по рожденію моему могу имѣть право, осмѣливаюсь просить Вашего Императорскаго Величества передать сіе право тому, кому оно принадлежитъ послѣ меня и тѣмъ самымъ утвердить навсегда непоколебимое положеніе нашего государства».

Только около трехъ недѣль спустя (2-го февраля), Александръ отвѣтилъ короткимъ письмомъ:

«Любезнѣйшій братъ. Съ должнымъ вниманіемъ читалъ я письмо ваше. Умѣвъ всегда цѣнить возвышенныя чувства вашей доброй души, сіе письмо меня не удивило. Оно мнѣ дало новое доказательство искренней любви вашей къ государству и попеченія о непоколебимомъ спокойствіи онаго. По вашему желанію предъявилъ я письмо сіе любезнѣйшей родительницѣ нашей. Она его читала съ тѣмъ-же, какъ и я, чувствомъ признательности къ почтеннымъ побужденіямъ, васъ руководившимъ. Намъ обоимъ остается, уваживъ причины вами изъявленныя, дать полную свободу вамъ слѣдовать непоколебимому рѣшенію вашему, прося всемогущаго Бога, дабы онъ благословилъ послѣдствія столь чистѣйшихъ намѣреній».

«На этомъ»—пишетъ Шильдеръ — «пока дѣло остановилось». «Только въ 1823 году Императоръ Александръ, томимый предчувствіемъ близкой кончины, пожелалъ облечь силою закона семейное распоряженіе, условленное имъ съ цесаревичемъ».

Какъ-же «облекъ силою закона» это «распоряженіе» Александръ?.

Никакъ.

Лишь лѣтомъ 1823 г. Императоръ «томимый (какъ загадочно выражается Н. К. Шильдеръ) предчувствіемъ близкой кончины», поручаетъ митрополиту Филарету составить манифестъ о назначеніи Великаго Князя Николая Павловича

престолонаслѣдникомъ и запечатываетъ этотъ манифестъ въ конвертъ, на которомъ собственноручно дѣлаетъ надпись: «хранить въ Успенскомъ соборѣ съ государственными актами до востребованія моего, а въ случаѣ моей кончины открыть московскому епархіальному архіерею и московскому генералъ-губернатору въ Успенскомъ соборѣ прежде всякаго другого дѣйствія».

Затѣмъ Александръ отдаетъ этотъ важнѣйшій документъ митрополиту Филарету и приказываетъ положить его безъ всякой огласки въ ковчегъ государственныхъ актовъ въ Успенскомъ соборѣ.

Филаретъ весьма правильно изумился подобной таинственности: какъ согласовать восшествіе на престолъ, вѣроятнѣе всего могущее произойти въ Петербургѣ, съ манифестомъ, тайно хранящимся въ Москвѣ? По его совѣту, копіи манифеста были направлены въ Государственный Совѣтъ, Синодъ и Сенатъ.

Нельзя не согласиться съ Шильдеромъ, а за нимъ и съ другими изслѣдователями занимающаго насъ вопроса, что поведеніе Императора Александра въ этомъ дѣлѣ было очень загадочно.

Г. Василичъ, авторъ «Легенды о старцѣ Кузьмичѣ и Александрѣ I», весьма прозрачно намекаетъ по этому поводу на состояніе, близкое къ психическому разстройству и приводитъ въ подтвержденіе своего взгляда слова современниковъ о томъ, что государь находился «какъ-бы въ какомъ-то душевномъ затменіи», которое Меттернихъ въ своихъ Запискахъ назвалъ «утомленіемъ жизнью».

Мнѣ кажется, что психическаго разстройства въ томъ смыслѣ, въ какомъ предполагаетъ г. Василичъ, не было; объ этомъ свидѣтельствуетъ все дальнѣйшее поведеніе Александра вплоть до Таганрогской катастрофы; всѣ-же эти «душевныя затменія», «утомленія жизнью», такъ-же какъ и бесѣды и совмѣстныя моленія съ квакерами, увлеченіе пресловутымъ архимандритомъ Фотіемъ (предшественникомъ современнаго намъ іеромонаха Иліодора)—вполнѣ гармонируютъ съ постепенно все болѣе укрѣплявшемся въ душѣ императора намѣреніемъ удалиться отъ міра подъ вліяніемъ все болѣе охватывающаго его мистицизма.

Обнародованіе манифеста о передачѣ права престолонаслѣдія Николаю Павловичу являлось крупнымъ шагомъ, весьма рѣшительнымъ, и немудрено, что императоръ Александръ, не отличавшійся особой силой воли, призадумался, заколебался. Люди, подобные ему, часто совершенно неожиданно совершаютъ изумительный по смѣлости поступокъ, то, что французы называютъ «coup de tête», бросаются, такъ сказать, «головой въ пропасть», но обнаруживаютъ робость, когда имъ нужно сдѣлать серьезный, но промежуточный шагъ по направленію къ этой пропасти. Какъ мы видѣли, онъ не скрывалъ своего намѣренія «удалиться отъ міра»; даже, наоборотъ, онъ упорно годъ за годомъ подтверждалъ свое рѣшеніе, словно съ цѣлью подбодрить самого себя на послѣдній шагъ, какъ это часто дѣлаютъ люди со слабой волей; но высказывалъ онъ это намѣреніе только родственникамъ и близкимъ друзьямъ. Опубликованіе-же манифеста о престолонаслѣдіи, вѣроятно, представлялось ему чѣмъ-то въ родѣ пролога къ своему собственному всенародному отреченію.

Тутъ кстати будетъ упомянуть о томъ, что въ концѣ манифеста митрополитъ Филаретъ написалъ: «чаемъ непреемственнаго царствія на небесахъ». Александръ подчеркнулъ эту фразу въ представленномъ ему черновикѣ, и князь А. Н. Голицынъ замѣнилъ ее словами «о принятіи души нашей, по неизреченному Его милосердію, въ Царствіе Его Вѣчное».

Это очень характерно.

Теперь, прежде чѣмъ закончить перечень указаній на желаніе императора Александра I отречься отъ престола, мнѣ кажется необходимымъ обратить особое вниманіе на слѣдующія строки изъ дневника императрицы Александры Феодоровны, супруги императора Николая I.

Эти строки писаны 15-го августа 1826 года во время коронаціи въ Москвѣ; ихъ приводитъ Вел. Князь Николай Михайловичъ на стр. 40 своего труда «Легенда о кончинѣ Имп. Александра I въ Сибири въ образѣ старца Федора Козьмича»:

„Gewiss werde ich beim Anblick des Volkes denken wie der Selige Kaiser einst sagte, als er von seiner Abdankung sprach: „et comme je me rejouirai quand je vous verrai passer et que moi dans la foule je vous crierai hourrah, en remuant mon bonnet dans les airs.“ Ich wollte ihn immer prügeln wenn

er mir so etwas sagte". (Навѣрно при видѣ народа я буду думать о томъ, какъ покойный императоръ, говоря намъ однажды о своемъ отреченіи, сказалъ: «какъ я буду радоваться, когда я увижу васъ проѣзжающими мимо меня, и я, потерянный въ толпѣ, буду кричать вамъ «Ура»...).

Нужно признаться, что Великій Князь Николай Михайловичъ, знатокъ александровской эпохи и убѣжденный противникъ «Легенды о Кузьмичѣ», выказалъ большое мужество и безпристрастіе, помѣстивъ въ своемъ трудѣ вышеприведенныя строки, которыя даже Шильдеръ, его оппонентъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, не упоминаетъ.

Итакъ—«имѣлъ-ли Императоръ Александръ I намѣреніе оставить тронъ и удалиться отъ міра»?

На этотъ вопросъ можно вполнѣ утвердительно, съ полнымъ безпристрастіемъ, отвѣтить—да, безусловно онъ имѣлъ намѣреніе отречься отъ престола и удалиться отъ міра.

Когда созрѣло въ его душѣ это рѣшеніе—какъ знать? Во всякомъ случаѣ онъ открыто объ этомъ высказался еще въ сентябрѣ 1817 г., и это не было минутнымъ увлеченіемъ, красивою мечтою. Нѣтъ, онъ настойчиво повторяетъ упоминаніе объ этомъ намѣреніи: въ 1819 г. лѣтомъ—Вел. Князю Николаю Павловичу, осенью—Вел. Князю Константину Павловичу; въ 1822 г.—болѣе чѣмъ странно держитъ себя въ вопросѣ о престолонаслѣдіи; въ 1824 говоритъ Васильчикову, что былъ бы радъ избавиться отъ гнетущей его короны и, наконецъ, весной 1825 г. всего только за нѣсколько мѣсяцевъ до таганрогской катастрофы подтверждаетъ принцу Оранскому свое рѣшеніе; рѣшеніе, которое никакіе доводы принца не могутъ поколебать.

Обратимъ также вниманіе на эпизодъ съ манифестомъ о престолонаслѣдіи; сопоставимъ даты и нѣкоторыя подробности.

1819 г. (осень). Александръ сообщаетъ цесаревичу Константину о своемъ намѣреніи «абдикировать» и прибавляетъ: «когда придетъ время я дамъ тебѣ знать и ты мысли свои напиши къ матушкѣ».

На это цесаревичъ не отвѣчаетъ желаніемъ «абдикировать» въ свою очередь отъ принадлежащихъ ему правъ на престолъ, а только въ льстивыхъ—искренно или неискренно, это не играетъ роли—словахъ указываетъ, что въ случаѣ отреченія

Александра, онъ попроситъ дать ему «должность его второго камердинера». Эти слова, несомнѣнно, даютъ понять, что Константинъ Павловичъ былъ настолько испуганъ перспективой вступить на престолъ при такихъ неслыханныхъ еще въ исторіи Россіи обстоятельствахъ, какъ самовольное отреченіе царствующаго государя, что онъ—Константинъ Павловичъ—при такихъ обстоятельствахъ отказался-бы унаслѣдовать престолъ.

Затѣмъ проходитъ годъ. Ни Александръ, ни Константинъ не возбуждаютъ разговоровъ устныхъ или письменныхъ на тему объ отреченіи. Мало того, — Константинъ Павловичъ вступаетъ въ морганатическій бракъ съ Іоанной Грудзинской; его молодая супруга получаетъ отъ императора титулъ княгини Ловичъ. Казалось-бы вотъ моментъ, когда Константинъ Павловичъ могъ извѣстить своего державнаго брата о своемъ намѣреніи отречься отъ принадлежащихъ ему правъ на престолъ. Онъ этого не дѣлаетъ. Проходитъ еще два года. Цесаревичъ внезапно пріѣзжаетъ въ Петербургъ и—

1822 г. (14 январь) находясь въ Петербургѣ (и слѣдовательно ежедневно видаясь, или—имѣя возможность видаться съ Императоромъ), пишетъ ему письмо о желаніи своемъ отречься отъ права престолонаслѣдія.

И Александръ только три недѣли спустя отвѣчаетъ ему короткимъ, спокойнымъ письмомъ, содержаніе котораго въ переводѣ на современный языкъ можно было бы исчерпать фразой—«къ свѣдѣнію принято».

Въ этомъ-же отвѣтномъ письмѣ Императоръ пишетъ: «по вашему желанію предъявилъ я письмо сіе любезнѣйшей родительницѣ нашей», чего нельзя не сопоставить съ вышеприведенной фразой Александра, когда онъ впервые сообщилъ Цесаревичу о своемъ намѣреніи оставить тронъ—«когда придетъ время абдикировать, то я тебѣ дамъ знать, и ты мысли свои напиши къ матушкѣ».

Что-же случилось? Невольно приходитъ на умъ, что Александръ сообщилъ брату о томъ, что онъ намѣренъ въ ближайшемъ будущемъ «абдикировать». Это единственно возможное объясненіе, которое, вѣроятно, допускалъ и Шильдеръ, облекая его въ загадочную форму—«томимый предчувствіемъ близкой кончины». Надо полагать, что Александръ, по тѣмъ

или инымъ, причинамъ, внезапно почувствовалъ извѣстный приливъ энергіи, силы привести въ исполненіе свою мечту—«удалиться отъ міра» и извѣстилъ брата. А Константинъ Павловичъ, перепуганный неожиданной перспективой вступить на престолъ при живомъ императорѣ, поспѣшилъ въ свою очередь отречься, упустивъ изъ виду, страдая самъ болѣзнью воли, что Александръ могъ еще снова измѣнить свое рѣшеніе, или по крайней мѣрѣ отсрочить приведеніе его въ исполненіе.

Отмѣтимъ еще, что приведенный нами выше разговоръ въ Красномъ Селѣ (по Запискамъ Великой Княгини, впослѣдствіи—Императрицы Александры Феодоровны) имѣлъ мѣсто въ іюнѣ 1819 г., т. е. за нѣсколько мѣсяцевъ до бесѣды Императора съ Цесаревичемъ въ Варшавѣ. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что Константинъ Павловичъ еще и раньше подумывалъ объ отреченіи, но не облекалъ свое намѣреніе въ оффиціальную форму, почему императоръ, вѣроятно, и сказалъ ему, сообщая о своемъ собственномъ намѣреніи отречься, «предупреждаю тебя для того, чтобы ты подумалъ, что тебѣ надобно будетъ дѣлать въ семъ случаѣ».

Еще одно слово, прежде чѣмъ окончить эту главу.

Прошу читателя обратить вниманіе на то обстоятельство, что какъ императоръ Александръ, такъ и Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, какъ въ разговорахъ, такъ и въ письмахъ своихъ, касающихся отреченія отъ престола, настойчиво упоминаютъ о своей матери, императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, которая, казалось-бы, никакого отношенія къ дѣлу не могла имѣть, по крайней мѣрѣ, оффиціально.

Подчеркиваю эту на видъ незначущую подробность, т. к. намъ придется въ дальнѣйшемъ вернуться къ ней, такъ же какъ и къ упомянутому противорѣчію въ дневникѣ доктора Тарасова касательно ушиба, полученнаго Александромъ I во время маневровъ въ Царствѣ Польскомъ.

II.

Несомнѣнно, очень заманчиво придерживаться мысли, что русскій императоръ привелъ въ исполненіе давно лелѣянную имъ мечту оставить тронъ, власть и потеряться среди ста милліоновъ своихъ собственныхъ подданныхъ, руководимый исключительно желаніемъ возвысить такимъ подвигомъ свою душу, отвѣтить на ея сокровенные запросы, стать «живымъ трупомъ».

Но мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ исторической проблемой, которую стараемся по мѣрѣ возможности разрѣшить; тутъ нѣтъ мѣста красивымъ сказкамъ, легендамъ, преданіямъ; нужно суммировать не мечты, а факты.

И я буду придерживаться, повторяю, только фактовъ, документовъ.

Отъѣздъ императора Александра I въ Таганрогъ былъ, какъ извѣстно, вызванъ совѣтомъ врачей, которые нашли необходимымъ для здоровья его супруги, императрицы Елизаветы Алексѣевны, пребываніе на югѣ въ теченіи зимы. Нельзя по этому поводу не согласиться съ замѣчаніемъ, сдѣланнымъ кн. П. М. Волконскимъ, генералъ-адъютантомъ и другомъ Александра I, въ письмѣ его къ А. А. Закревскому (14-го августа 1825 г.)—«не понимаю, какъ доктора могли избрать такое мѣсто, какъ бы въ Россіи другихъ мѣстъ лучше сего нѣтъ».

Въ самомъ дѣлѣ—почему Таганрогъ?

Шильдеръ пишетъ (т. 4, стр. 349), что доктора «указывали на Италію, южную Францію или южную Россію» причемъ надо полагать, они врядъ-ли, говоря о южной Россіи, имѣли въ виду побережье Азовскаго моря, славящееся и понынѣ своими

вѣтрами, снѣжными заносами, стужами, мало соотвѣтствующими признакамъ итальянской или южно-французской зимы. Скорѣе всего, доктора, упоминая о южной Россіи, могли подразумѣвать южное побережье Крыма, или, если ужъ такъ необходимо было избрать какой-либо крупный городъ—Одессу. Я думаю, что не дамъ слишкомъ большого хода фантазіи, если допущу мысль, что Таганрогъ былъ избранъ самимъ Александромъ I, посѣтившимъ этотъ городъ еще въ маѣ 1818 г.

Какъ бы то ни было, но рѣшено было провести зиму въ Таганрогѣ, и когда рѣшеніе это было окончательно принято, Императоръ обнаружилъ какую-то странную суетливость: отмѣнивъ смотръ войскамъ 2-й арміи въ Бѣлой Церкви, назначенный на осень, онъ поручаетъ кн. Волконскому, только что возвратившемуся изъ Парижа съ коронаціи Карла X, сопровождать императрицу, и 1-го сентября уѣзжаетъ изъ Петербурга всего только за два дня до отъѣзда самой Императрицы. Въ теченіи всего пути онъ нигдѣ не останавливается, кромѣ какъ для отдыха, отмѣняетъ всѣ военные смотры, парады, маневры. Его сопровождаютъ только начальникъ главнаго штаба, ген.-ад.-баронъ Дибичъ, доктора—лейбъ-медикъ Виллiе и Тарасовъ, и вагенмейстеръ полк. Саломка, четыре оберъ-офицера и прислуга.

При какихъ-же обстоятельствахъ совершился его отъѣздъ изъ столицы?

«При совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ», какъ справедливо замѣчаетъ г. Василичъ.

Незадолго передъ своимъ отъѣздомъ (см. «Восшествіе на престолъ имп. Николая I» барона М. А. Корфа), на замѣчаніе кн. Голицына о неудобствѣ сохранять въ тайнѣ передъ продолжительнымъ путешествіемъ такіе документы, какъ актъ о престолонаслѣдіи, Александръ отвѣтилъ: «Положимся на Бога: онъ устроитъ все лучше насъ, слабыхъ смертныхъ».

Собственно говоря, трудно опредѣлить, что болѣе странно: слова-ли Императора, или замѣчаніе Голицына, вызвавшее эти слова. Императоръ поручилъ Голицыну привести въ порядокъ бумаги, хранившіяся въ его кабинетѣ; происходило это въ присутствіи Императора. Почему Голицынъ заговорилъ о «престолонаслѣдіи»? Александръ I постоянно отлучался изъ столицы и на краткіе и на продолжительные сроки. Почему

именно этотъ отъѣздъ вызвалъ замѣчаніе—весьма, впрочемъ, справедливое—министра духовныхъ дѣлъ.

Но это, впрочемъ, такъ сказать — прологъ къ отъѣзду. Перехожу къ описанію самого отъѣзда, которое я цѣликомъ заимствую у Шильдера (т. IV, стр. 352—355):

«1-го сентября Императоръ Александръ покинулъ свою столицу уже навсегда; ночная тишина и мракъ царствовали надъ городомъ, когда онъ выѣхалъ одинъ безъ всякой свиты, изъ каменноостровскаго дворца. Въ 4 часа съ четвертью пополуночи коляска, запряженная тройкой, остановилась у монастырскихъ воротъ Невской лавры. Здѣсь ожидали Государя, предупрежденные о его посѣщеніи, митрополитъ Серафимъ, архимандриты въ полномъ облаченіи и вся братія. Александръ въ фуражкѣ, шинели и сюртукѣ, безъ шпаги, поспѣшно вышелъ изъ коляски, приложился къ кресту, былъ окропленъ святою водою, принялъ благословеніе отъ митрополита и, приказавъ затворить за собою ворота, направился въ соборную церковь. Монашествующіе пѣли тропарь: «Спаси, Господи, люди Твоя». Войдя въ соборъ, Государь остановился передъ ракою святаго Александра Невскаго, и началось молебствіе...»

«Когда наступило время чтенія Св. Евангелія, императоръ, приблизившись къ митрополиту, сказалъ: «Положите мнѣ Евангеліе на голову», и съ сими словами, сталъ на колѣни подъ Евангеліе».

«По окончаніи молебна, Государь возложилъ три земныхъ поклона передъ мощами благовѣрнаго князя, приложился къ его образу и раскланялся съ бывшими при молебствіи... Вышедши изъ собора, митрополитъ Серафимъ сказалъ Государю:

— «Ваше Величество, не угодно-ли пожаловать ко мнѣ въ келью»?

— «Очень хорошо, — отвѣчалъ императоръ, — только не надолго; я уже и такъ полчаса по маршруту промѣшкалъ».

«Тогда всѣ провожавшіе повернули отъ собора къ дому митрополита и вошли въ залу. Государь съ Серафимомъ удалились въ гостиную...»

Затѣмъ Шильдеръ разсказываетъ о томъ, что митрополитъ представилъ государю схимника «достопочтеннаго отца Алексѣя», который просилъ его удостоить и его келью своимъ посѣщеніемъ, и что императоръ принялъ это приглашеніе.

Когда дверь кельи отворилась, мрачная картина представилась глазамъ государя: полъ и всѣ стѣны до половины были обиты чернымъ сукномъ; съ лѣвой стороны у стѣны виднѣлось большое Распятіе съ предстоящими Богоматерью и евангелистомъ Іоанномъ; у другой стѣны кельи находилась черная, длинная деревянная скамейка; лампада, горѣвшая передъ иконами, тускло освѣщала печальное жилище схимника. При входѣ Императора, схимникъ палъ передъ Распятіемъ и въ то же время, обратясь къ своему высокому гостю, сказалъ: «Государь, молись». Александръ положилъ три земныхъ поклона, а схимникъ, взявши крестъ, прочелъ отпускъ и осѣнилъ государя. По окончаніи молитвы... продолжая разговаривать вполголоса съ митрополитомъ, государь спросилъ его: «все-ли здѣсь имущество схимника? Гдѣ онъ спитъ? Я не вижу постели».—«Спитъ онъ, отвѣчалъ митрополитъ,—на томъ же полу, передъ симъ самымъ распятіемъ, предъ которымъ молится».

«Схимникъ, вслушиваясь въ слова эти, всталъ и сказалъ: «Нѣтъ, Государь, и у меня есть постель, пойдемъ я покажу тебѣ ее». Съ этими словами онъ повелъ императора за перегородку въ своей кельѣ, гдѣ представилось поразительное для государя зрѣлище: на столѣ стоялъ черный гробъ, въ которомъ лежала схима, свѣчи и все относящееся къ погребенію. «Смотри, сказалъ схимникъ: вотъ постель моя, и не моя только, а постель всѣхъ насъ: въ ней всѣ мы, государь, ляжемъ и будемъ спать долго».

«Молча, погруженный въ размышленіе, стоялъ монархъ нѣсколько времени. Когда государь отошелъ отъ гроба, то схимникъ обратился къ нему со слѣдующими словами: «Государь, я человѣкъ старый и многое видѣлъ на свѣтѣ; благоволи выслушать слова мои. До великой чумы въ Москвѣ нравы были чище, народъ набожнѣе, но послѣ чумы нравы испортились; въ 1812 г. наступило время исправленія и набожности: но по окончаніи войны сей нравы еще болѣе испортились. Ты—государь нашъ и долженъ бдѣть надъ нравами. Ты сынъ православныя церкви и долженъ любить и охранять ее. Такъ хощетъ Господь Богъ нашъ».

«Выслушавъ эти слова, Александръ обратился къ митрополиту и сказалъ ему: «Многія длинныя и краснорѣчивыя рѣчи

слышалъ я, но ни одна такъ мнѣ не понравилась, какъ краткія слова сего старца».—«Жалѣю», сказалъ онъ потомъ схимнику: «что я давно съ тобою не познакомился», и обѣщалъ посѣщать его. Затѣмъ, принявъ отъ него благословеніе, вышелъ изъ кельи съ митрополитомъ...»

«Садясь въ коляску, онъ поднялъ къ небу глаза, наполненные слезами, и обратясь еще разъ къ митрополиту и братіи, сказалъ: «Помолитесь обо мнѣ и женѣ моей». Лаврою до самыхъ воротъ онъ ѣхалъ съ открытою головою, часто оборачиваясь, кланялся и крестился, смотря на соборъ».

«Итакъ, мрачная келья, открытый гробъ со всѣми принадлежностями похоронъ были послѣдними впечатлѣніями, вынесенными императоромъ Александромъ при разставаніи съ столицею. Передъ выѣздомъ изъ Петербурга, Государь остановился у заставы, привсталъ въ коляскѣ и, обратившись назадъ, въ задумчивости нѣсколько минутъ глядѣлъ на городъ, какъ бы прощаясь съ нимъ. Было-ли то грустное предчувствіе, навѣянное встрѣчею со схимникомъ, было-ли то твердая рѣшимость не возвращаться болѣе императоромъ—кто можетъ рѣшить этотъ загадочный вопросъ?»

Такъ излагаетъ въ своей «Исторіи Александра I» Н. К. Шильдеръ по истинѣ драматическую сцену прощанія императора со своей столицей, причемъ приводитъ (т. IV, стр. 482), прим. 399) и источники, на основаніи которыхъ онъ обрисовалъ эту сцену. Источники эти слѣдующіе:

1) «Послѣдніе дни жизни императора Александра I». Издано Заикинымъ.—С.-Петербургъ, 1827.

2) «Taganrog ou les derniers jours d'Alexandre I». Traduit du russe par D. Priklonskoy. St. Petersbourg. 1834.

3) «Таганрогъ или подробное описаніе болѣзни и кончины императора Александра I»—составленное Н. Данилевскимъ. Москва, 1828.

4) «Духъ вѣнценосныхъ супруговъ, въ Бозѣ почивающихъ императора Александра I и императрицы Елисаветы». Сочиненіе Николая Данилевскаго. Москва, 1829.

5) «Графъ Блудовъ и его время (Царствованіе императора Александра I). Евг. Ковалевскаго. С.-Петербургъ, 1866.

Тутъ-же считаю нужнымъ привести дословно и прим. 398;

«Иностранные историки повѣствуютъ, что будто-бы императоръ Александръ служилъ передъ отъѣздомъ панихиду въ Невской Лаврѣ. Неудивительно, что, не зная порядковъ и смысла нашего богослуженія, они перепутали напутственный молебенъ съ панихидой. Но нельзя не удивляться, что Богдановичъ въ своей исторіи Александра I... нашелъ возможнымъ повторить подобную басню».

Это послѣднее примѣчаніе очень характерно для Н. К. Шильдера, маститаго историка, который въ своей «Исторіи Александръ I» былъ вынужденъ лавировать между официальной «правдой» и той правдой, которую онъ, какъ ученый изслѣдователь эпохи, въ душѣ своей считалъ «настоящей» правдой. Шильдеръ, какъ прямой честный человѣкъ, не обладалъ искусствомъ лавировать и потому, когда онъ чувствовалъ, что наступаетъ моментъ лавировать, онъ дѣлалъ это очень неумѣло и «садился на мель». Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли выдержать мало-мальски серьезную критику его выше приведенное примѣчаніе 398-ое?

Кто присутствовалъ при таинственномъ богослуженіи въ Александро-Невской лаврѣ въ ночь 1-го сентября 1825 года? Митрополитъ, архимандриты и братія; никого изъ свиты, никого изъ свѣтскихъ людей, и тѣмъ болѣе—никого изъ «иностранцевъ», которые могли бы «перепутать напутственный молебенъ съ панихидой»; хотя, кстати сказать, какъ бы иновѣрецъ или иностранецъ ни былъ невѣжественъ въ православныхъ обрядахъ, врядъ-ли могло придти ему въ голову, что при отъѣздѣ монарха въ путешествіе служатъ панихиду (messe de morts), а не молебенъ (Te Deum).

Съ чьихъ-же словъ могли иностранные историки и нашъ русскій Богдановичъ напечатать въ своихъ сочиненіяхъ, что служилась именно панихида, а не молебенъ? Только со словъ присутствующихъ, конечно. Но вѣдь эти присутствовавшіе были духовныя православныя лица; не могли-же эти лица не различить панихиду отъ молебна! А Богдановичъ, русскій, православный, развѣ онъ не исправилъ бы ошибки своихъ иностранныхъ коллегъ, если-бы у него не было положительныхъ данныхъ, что служилась именно панихида, а не молебенъ. Наконецъ, самый фактъ, что Александръ, часто уѣзжавшій изъ Петербурга на продолжительные сроки и по религіозности своей

всегда напутствовавшій свои отъѣзды молебнами въ присутствіи близкихъ людей и свиты,—на этотъ разъ пріѣхалъ въ Лавру далеко за полночь совсѣмъ одинъ, и по пріѣздѣ велѣлъ запереть за собой ворота,—развѣ этотъ фактъ не указываетъ на то, что въ Лаврѣ въ эту ночь происходило что-то необычное? Развѣ не достойно вниманія также то обстоятельство, что онъ пріѣхалъ безъ шпаги, безъ этого символа братоубійства, и затѣмъ за все время своего путешествія въ Таганрогъ повсюду отмѣнилъ воинскіе смотры?

Все это очень странно, и нельзя не повторить еще разъ слова г. Василича, что отъѣздъ Александра изъ Петербурга происходилъ «при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ».

Поэтому, отнесемся съ исключительнымъ-же вниманіемъ и къ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ пріѣздъ императора Александра въ Таганрогъ и его пребываніе на югѣ вплоть до роковаго дня 19 ноября.

Онъ пріѣхалъ въ Таганрогъ 13 сентября.

Лейбъ-медикъ Виллié пишетъ въ своемъ дневникѣ за это число: «Nous arrivâmes à Taganrog où finit la premiére partie du voyage». И затѣмъ подъ чертой ставитъ слово «finis».

По этому поводу Шильдеръ пишетъ (т. IV, стр. 355):

«Въ то время онъ, конечно, не подозрѣвалъ того пророческаго значенія, которое заключало въ себѣ это слово. Первая часть была и послѣднею».

Не могу не признаться, что на меня вышеприведенныя слова Виллié производятъ нѣсколько иное впечатлѣніе.

Виллié, по имѣющимся даннымъ зналъ болѣе или менѣе недурно французскій языкъ, хотя и владѣлъ имъ далеко не въ совершенствѣ. Въ оставленныхъ имъ Запискахъ попадаются подчасъ очень грубыя ошибки. Но, приглядѣвшись къ стилю Виллié, меня въ цитированной выше фразѣ удивляетъ глагольная форма «arrivâmes». Она наводитъ на мысль, что дневникъ этотъ былъ писанъ post-factum, т. к., если бы Виллié записывалъ свои впечатлѣнія день за днемъ, то онъ, конечно, употребилъ форму «nous sommes arrivés». Собственно и слово «finit» (... la premiére partie, и т. д.) тоже производитъ впечатлѣніе скорѣе формы passé défini, хотя по тексту Шильдера надъ вторымъ «i» стоитъ точка, а не «accent circonflexe» (î).

Если допустить, что Вилліе писалъ «заднимъ числомъ», тогда станетъ понятнымъ и показавшееся Шильдеру «пророческимъ» слово подъ чертой—«finis». Иначе, почему бы Вилліе его написалъ, какъ и всю фразу «... la premièrе partie de notre voyage?» Вѣдь въ день пріѣзда въ Таганрогъ не было никакихъ предположеній о дальнѣйшихъ путешествіяхъ, о послѣдующихъ «parties de voyage». Напротивъ, Александръ занялся исключительно устройствомъ и убранствомъ дома, разставлялъ мебель, вбивалъ гвозди для картинъ, приводилъ въ порядокъ городской садъ; заботился о возможномъ комфортѣ для императрицы, въ ожиданіи ея пріѣзда.

Пріѣздъ этотъ состоялся 23 сентября, и по этому поводу Шильдеръ пишетъ: «Замѣчательно, что императрица, которой слабое здоровье и изнуреніе силъ едва позволяли въ Петербургѣ сдѣлать самое ничтожное движеніе, по прибытіи въ Таганрогъ довольно бодро сама, безъ помощи, вышла изъ экипажа и вступила въ церковь подъ руку съ императоромъ».

Вообще здоровье императрицы Елизаветы Алексѣевны съ пріѣздомъ ея въ Таганрогъ начало быстро поправляться: «черезъ нѣсколько дней она окрѣпла и физически и морально». Объясненіе этого быстраго поправленія—неожиданнаго послѣ долгаго и утомительнаго переѣзда—нѣкоторые историки видятъ въ томъ, что «государь окружилъ ее самою нѣжною заботливостью, предупреждалъ ея малѣйшія желанія и старался доставлять ей возможныя развлеченія, стремясь къ одной цѣли, чтобъ пребываніе ея въ этомъ городѣ сдѣлать по мѣрѣ силъ пріятнѣйшимъ. Таганрогское уединеніе возобновило между ними прежнія узы, ослабленныя на первыхъ порахъ разсѣянною молодостью, а потомъ заботами государственными» (Шильдеръ, т. 4, стр. 356).

Это объясненіе очень трогательно, но не очень удовлетворительно. Оно было бы таковымъ, если-бы императрица страдала неврастеніей, а не тяжелымъ физическимъ недугомъ, да и то «нѣсколько дней» врядъ-ли могли бы и въ такомъ случаѣ оказать значительное вліяніе на ея здоровье. Это—странность, на которую нельзя не обратить вниманія, такъ-же, какъ и на вышеприведенныя слова Шильдера о томъ, что императрица, которая едва могла двигаться въ бытность свою въ Петербургѣ, оказалась довольно сильной и здоровой при пріѣздѣ въ Таган-

рогъ, несмотря на 20-ти дневный переѣздъ. Отмѣтимъ попутно, что здоровье ея не ухудшилось и впослѣдствіи, вплоть до отъѣзда ея изъ Таганрога въ апрѣлѣ 1826 г., т. е. пять мѣсяцевъ спустя послѣ рокового 19 ноября.

Я не дѣлаю никакихъ комментарій, а подчеркиваю только нѣкоторые факты, какими бы ничтожными они ни оказались, т. к. самый предметъ разбираемаго нами вопроса настолько затуманенъ, что изслѣдователю приходится бродить почти впотьмахъ и потому внимательно и осторожно нащупывать каждый встрѣчающійся на его пути камешекъ.

Итакъ—съ пріѣздомъ императрицы въ скромномъ таганрогскомъ дворцѣ началась тихая, спокойная жизнь. Составъ Двора пополнился слѣдующими лицами: ген.-адъютантъ князь П. М. Волконскій, статсъ-секретарь Лонгиновъ, камерфрейлины—Княжна В. М. Волконская и Е. П. Валуева, лейбъ-медикъ Стоффрегенъ, доктора Доббертъ и Рейнгольдъ, придворный аптекарь Проттъ и двѣ камеръ-юнгферы.

«Государь ежедневно гулялъ пѣшкомъ по городу; въ обращеніи онъ былъ необыкновенно доступенъ. Повидимому, Александръ казался покоенъ духомъ и веселъ, несмотря на это его мучили подозрѣнія...» (Шильдеръ, т. IV, стр. 358). Какія подозрѣнія? Найдя въ сухарѣ камешекъ, онъ велѣлъ разслѣдовать, что это такое и какъ это могло случиться. Это обстоятельство совершенно незначительное и я привелъ его только потому, что не хотѣлъ оборвать цитату на словахъ «покоенъ и веселъ», дабы не быть заподозрѣннымъ въ тенденціозномъ подборѣ цитатъ. Императоръ Александръ вообще страдалъ подозрительностью, развившейся въ немъ параллельно съ глухотой.

Таганрогская идиллія продолжалась недолго. Александромъ скоро опять овладѣло свойственная ему «охота къ перемѣнѣ мѣстъ» и онъ уѣхалъ сперва въ Землю Войска Донского на пять дней (съ 11 по 15 октября), а затѣмъ въ Крымъ по просьбѣ новороссійскаго генералъ-губернатора графа (впослѣдствіи свѣтл. князя) М. С. Воронцова.

Наканунѣ отъѣзда въ Крымъ произошелъ слѣдующій случай, о которомъ я упоминаю только потому, что о немъ такъ сказать «принято» упоминать, описывая поѣздку императора Александра по Крыму.

Цитирую по книгѣ Вел. Князя Николая Михайловича («Легенда о кончинѣ Императора Александра I», стр. 13):

«Это было пополудни въ 4-мъ часу, въ сіе время нашла туча и сдѣлалось очень темно. Государь приказалъ камердинеру подать свѣчки; между тѣмъ, какъ небо прояснилось, сдѣлалось по-прежнему свѣтло и солнце, камердинеръ осмѣлился подойти и доложить: «не прикажете-ли, ваше величество, свѣчи принять? Государь спросилъ: «Для чего?—«Для того, Государь, что по-русски со свѣчьми днемъ писать не хорошо».—«Развѣ въ этомъ что заключается? Скажи правду, вѣрно ты думаешь сказать, что, видѣвъ съ улицы свѣчи, подумаютъ, что здѣсь покойникъ?—«Такъ, Государь, по замѣчанію русскихъ».—«Ну, когда такъ, сказалъ государь, то возьми свѣчи».

Великій князь Николай Михайловичъ приводитъ здѣсь точныя слова изъ «Выписки изъ письма, полученнаго въ С.-Петербургѣ отъ управляющаго Демидовскою конторою въ Таганрогѣ о свѣдѣніяхъ, имъ полученныхъ отъ камердинера Федорова и кучера Ильи».

Шильдеръ разсказываетъ объ этомъ эпизодѣ нѣсколько иначе.

«Государь занимался за своимъ письменнымъ столомъ, какъ вдругъ надъ городомъ пронеслась туча и водворилась такая темнота, что Александръ позвонилъ и приказалъ камердинеру Анисимову подать свѣчи. Вскорѣ затѣмъ прояснилось и показалось солнце. Тогда Анисимовъ снова вошелъ и хотѣлъ вынести свѣчи. На вопросъ Государя, зачѣмъ? онъ отвѣтилъ, что на Руси считается худой примѣтой—сидѣть при свѣчахъ днемъ: могутъ подумать, что лежитъ покойникъ. Государь отвѣтилъ: «Ты правъ, и я такъ думаю—унеси свѣчи» (т. 4, стр. 368).

Разница между обѣими версіями та, что по первой изъ нихъ Александръ самъ заговорилъ о покойникѣ, а по второй Анисимовъ указалъ ему на существующую примѣту.

20-го октября, въ сопровожденіи ген.-ад. барона Дибича, лейбъ-медика баронета Вилліе, доктора Тарасова и вагенмейстера полковника Саломки, императоръ выѣхалъ изъ Таганрога въ Крымъ.

«Въ первые дни», какъ пишетъ Шильдеръ, «все обошлось благополучно и государь былъ очень веселъ и разговорчивъ».

Посѣтили Маріуполь, менонитскія колоніи на рѣкѣ Молочной, Симферополь, Гурзуфъ, Никитскій садъ и Оріанду, пріобрѣтенную Государемъ у графа Кушелева-Безбородко.

«Тамъ, повидимому, Александръ нашелъ тотъ уголокъ въ Европѣ, о которомъ нѣкогда мечталъ и гдѣ желалъ бы навсегда поселиться. Вообще, со времени переѣзда въ Таганрогъ казалось, что Государь снова возвратился къ прежнимъ своимъ мечтамъ и помышлялъ объ удаленіи въ частную жизнь.—«Я скоро переселюсь въ Крымъ», сказалъ Александръ: «я буду жить частнымъ человѣкомъ. Я отслужилъ 25 лѣтъ, и солдату въ этотъ срокъ даютъ отставку». Князю Волконскому онъ говаривалъ: «И ты выйдешь въ отставку и будешь у меня библіотекаремъ». (Шильдеръ, т. IV, стр. 376).

Побывъ у Воронцова въ Алупкѣ, Александръ верхомъ поѣхалъ въ Байдары, гдѣ его ожидалъ экипажъ и обѣдъ (онъ и въ Алупку пріѣхалъ верхомъ изъ Симферополя).

Обѣдъ онъ отослалъ въ Севастополь, а самъ въ коляскѣ съ Дибичемъ поѣхалъ въ Балаклаву, гдѣ и завтракалъ у командира греческаго батальона (Равальота).

«Изъ Балаклавы императоръ Александръ прослѣдовалъ въ коляскѣ до мѣста, откуда идетъ дорога въ Георгіевскій монастырь. Тамъ онъ опять сѣлъ на лошадь, въ мундирѣ, безъ шинели, отпустилъ свиту въ Севастополь и, взявъ съ собою фельдсгеря Годефроа, направился въ монастырь въ сопровожденіи только одного татарина. Это было 27-го октября (8-го ноября) въ 6 часовъ пополудни. День былъ теплый и прекрасный, но къ вечеру подулъ сѣверовосточный вѣтеръ и насталъ чувствительный холодъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что императоръ Александръ простудился во время этой неосторожной и несвоевременной поѣздки въ Георгіевскій монастырь, и такимъ образомъ утомительные переѣзды 27-го октября послужили исходной точкой поразившаго его вскорѣ смертельнаго недуга». (Шильдеръ, т. IV, стр. 370).

И съ описанія этой поѣздки Александра въ Георгіевскій монастырь, Шильдеръ, колеблясь между официальнымъ изложеніемъ исторіи и своимъ собственнымъ убѣжденіемъ, начи-

наетъ, что называется—путаться, или опять-таки «лавировать между Сциллой и Харибдой».

Это настроеніе покойнаго историка вполнѣ ясно высказывается имъ въ слѣдующихъ словахъ: «Вообще слѣдуетъ замѣтить, что трудно согласовать между собою разсказы о послѣднихъ трехъ мѣсяцахъ жизни императора Александра; на каждомъ шагу встрѣчаются противорѣчія, недомолвки, очевидныя неточности и даже несообразности». (т. IV, стр. 483, прим. 410).

И, дѣйствительно, даже самый пріѣздъ императора изъ Георгіевскаго монастыря въ Севастополь описывается совершенно различно. Достойно вниманія то обстоятельство, что именно начиная съ этого дня, считающагося днемъ роковой для Александра простуды, противорѣчія принимаютъ исключительно рѣзкій характеръ.

Привожу для примѣра три описанія этого дня.

«Наступила темнота, и холодный вѣтеръ усиливался, становился порывистымъ, а Государь все не возвращался. Всѣ ожидавшіе его мѣстные начальники и свита начали безпокоиться, не зная, чему приписать такое замедленіе въ пріѣздѣ императора. Адмиралъ Грейгъ приказалъ полицмейстеру поспѣшить съ факелами навстрѣчу къ императору, чтобы освѣщать ему дорогу. Наконецъ, ровно въ 8 часовъ прибылъ государь. Принявъ адмирала Грейга и коменданта въ залѣ, Александръ отправился прямо въ кабинетъ, приказавъ поскорѣе подать себѣ чаю, отъ обѣда-же отказался...» («Воспоминанія моей жизни» почетнаго лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова).

«Вечеромъ, въ 10-мъ часу, при свѣтѣ факеловъ, прибылъ (Александръ) въ Севастополь, посѣтилъ храмъ Божій и, при свѣтѣ же факеловъ, дѣлалъ смотръ морскимъ полкамъ. Потомъ спросилъ обѣдать, но ничего не кушалъ, а занялся приказаніями на слѣдующій день». («Послѣдніе дни жизни Александра I.—С.-Петербургъ, 1827 г.).

«Arrivé à Sevastopol pour y coucher...» (Histoire de la maladie et des derniers moments de l'empereur Alexandre fondée sur les informations les plus authentiques»). Госуд. арх. (Разрядъ 3, № 163).

Нужно признаться, что болѣе разительнаго противорѣчія,

чѣмъ то, которое представляютъ эти три источника, трудно подобрать.

А между тѣмъ—первый источникъ—воспоминанія очевидца (д-ра Тарасова), второй—оффиціозный, если не оффиціальный разсказъ, т. к. трудно предположить, чтобы въ 1827 г. была разрѣшена къ печатанію и продажѣ книга не оффиціозная о таганрогской трагедіи; а третій—документъ,—одно заглавіе котораго свидѣтельствуетъ о его, скажемъ, достовѣрности.

Между прочимъ, этотъ послѣдній документъ весьма загадоченъ; кто и когда его составилъ? Но объ этомъ послѣ.

Будемъ слѣдить съ особо напряженнымъ вниманіемъ за всѣмъ тѣмъ, что происходило въ послѣдующіе дни.

«День 28-го октября государь посвятилъ осмотру укрѣпленій, флота, морскаго госпиталя и казармъ; затѣмъ былъ большой обѣдъ у императора, и въ наружности Императора не было замѣтно никакой неблагопріятной перемѣны».

«На другой день, 29-го октября, Александръ переправился на сѣверную сторону, осмотрѣлъ тамъ укрѣпленія и затѣмъ проѣхалъ въ коляскѣ въ Бахчисарай, гдѣ остановился въ ханскомъ дворцѣ, подобно тому какъ во время путешествія въ 1818 году».

«Здѣсь императоръ, призвавъ Тарасова въ кабинетъ, приказалъ ему приготовить изъ рису то самое питье, которое онъ пилъ въ 1824 г., въ январѣ, во время горячки съ рожею на ногѣ. Тарасовъ немедленно выполнилъ полученное повелѣніе и въ то же время счелъ нужнымъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Вилліе, присовокупивъ, что у Государя разстроенъ желудокъ. «Впрочемъ, добавляетъ Тарасовъ въ своихъ запискахъ, «онъ ни мнѣ, ни Вилліе не жаловался на какое-либо разстройство въ своемъ здоровьѣ, однако-жъ, кушалъ въ этотъ день одинъ перловый супъ и котлету». Несмотря на начавшееся нездоровье, государь не далъ себѣ покоя и, между прочимъ, совершилъ поѣздку верхомъ въ Гурзуфъ-Кале и на обратномъ пути посѣтилъ Успенскій монастырь; онъ казался совсѣмъ здоровымъ, былъ весьма веселъ и со всѣми обращался съ обычной своей благосклонностью. 1-го ноября Александръ выѣхалъ на ночлегъ въ Евпаторію и посѣтилъ тамъ церкви, мечети, синагоги, казармы и карантины. 2-го ноября онъ ночевалъ въ

Перекопѣ, гдѣ осматривалъ госпиталь. На слѣдующій день рано поутру государь продолжалъ путь, согласно маршруту, и въ селеніи Знаменскомъ осматривалъ квартировавшую тамъ артиллерійскую бригаду, а потомъ лазаретъ, при посѣщеніи котораго остался особенно доволенъ пищею и преимущественно овсянымъ супомъ, котораго довольно покушалъ... Въ этотъ день обѣденный столъ былъ въ большомъ селеніи и между Знаменской и Орѣховымъ».

«Императоръ», пишетъ Тарасовъ, «съ самого Бахчисарая, гдѣ онъ приказалъ приготовить для себя питье, казался совершенно здоровымъ, и ни мнѣ, ни баронету Вилліе, немало не жаловался на свое здоровье»...

Все вышеприведенное описаніе путешествія императора, съ 28-го октября по 4-ое ноября, заимствовано мною дословно изъ книги Шильдера, который въ свою очередь заимствовалъ его изъ воспоминаній Д. К. Тарасова.

Анонимный авторъ документа, хранящагося въ Госуд. Архивѣ. («Histoire de la Maladie et des derniers moments de l'emepreur Alexandre») передаетъ это такъ:

«Il employa la matinée du 28 à voir la ville, les hôpitaux, les casernes etc. Au nombre de ces dernières plusieurs étaient étouffantes de chaleur, d'autres au contraire à peine achevée n'avaient point de croisées et il y régnait un vent coulis pernicieux. Droit d'une caserne très chaude l'empereur s'est mis en bâteau, en uniforme, refusant le manteau et a monté un vaisseau de guerre. Descendu à terre, il a déjeûné avec l'amiral Greigh sous une tente Daus l'aprés - dîner il a parcouru une autre partie de la ville et le 29 les arsenanx, le port etc. Comme il n'a rien voulu prendre pour son rhume, le mal est allé empirant les jours suivants, d'autant plus qu'il ne s'est point ménagé surtout à Baktchisaray, ou il a parcouru les environs à cheval. Le 1-er Novembre à Kozlow, le 2 à Pérékop il se sentait indisposé; le 3 à Orekhow il l'était encore plus et le temps était assez mauvais».

Сопоставляя эти два разсказа, нельзя не обратить вниманія на заключающіяся въ нихъ противорѣчія, какъ въ подробностяхъ, такъ и въ общемъ тонѣ. Такъ, напр., 28-го числа по одной версіи у императора былъ большой обѣдъ, а по другой—онъ обѣдалъ въ палаткѣ съ адмираломъ Грейгомъ, (т. к. во французскомъ текстѣ слово «déjeûné» очевидно обозна-

чаетъ обѣдъ, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая затѣмъ фраза «dans l'aprés-dîner»).

Въ описаніи другихъ дней Тарасовъ говоритъ, «онъ ни мнѣ, ни Вилліе не жаловался на какое-либо разстройство въ своемъ здоровіи»... «Казался совершенно здоровымъ, былъ весьма веселъ» и т. п.

Во французскомъ документѣ: «le mal est allé empirant les jours suivants». (Болѣзнь ухудшилась въ теченіе послѣдующихъ дней).

Затѣмъ подъ датою 1-го ноября въ этомъ документѣ значится, что государь былъ въ «Козловѣ» (Kozlow), тогда какъ онъ былъ въ Евпаторіи; трудно даже понять, какое мѣсто слѣдуетъ подразумѣвать подъ именемъ «Козловъ», т. к. очевидно, что рѣчь не можетъ идти объ уѣздномъ городѣ Тамбовской губерніи.

Общій же тонъ этой «Histoire de la Maladie» и т. д. производитъ впечатлѣніе, что авторъ ея нарочито старается доказать, что государь простудился въ Севастополѣ, даже вопреки показаніямъ врачей.

Документъ этотъ составленъ неизвѣстно кѣмъ и когда, но во всякомъ случаѣ, конечно, послѣ 19-го ноября. Можно только сказать одно съ увѣренностью, что авторъ его былъ въ свитѣ государя въ Таганрогѣ, но не изъ близкихъ приближенныхъ, т. к. нигдѣ не упоминается о личномъ разговорѣ между имъ и Александромъ, но зато встрѣчаются фразы вродѣ: «je l'ai vu à 10 heures sortant des appartements de l'Imperatrice», (я его видѣлъ въ 10 часовъ выходящимъ изъ аппартаментовъ Императрицы) «Sa Majesté m'a dit que l'Empereur allait mieux...» (Ея Величество мнѣ сказала, что государю лучше)—что даетъ возможность предполагать, что это лицо было, вѣроятно, въ свитѣ императрицы. Кромѣ того, въ документѣ есть указаніе, что лицо это жило не во дворцѣ.

Очень характерна также одна фраза въ концѣ документа: «je n'écris pas pour le public, mais pour moi et mes amis» (я пишу не для общества, а для себя и своихъ друзей); это утвержденіе, которое авторъ очевидно старается подчеркнуть, какъ-то не вяжется съ тѣмъ обстоятельствомъ, что документъ оказался въ Государственномъ Архивѣ. «Histoire de la maladie» и т. д. производитъ скорѣе впечатлѣніе меморандума, соста-

вленнаго по особому, такъ сказать, заказу на основаніи «самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній» (fondée sur les informations les plus authentiques), какъ о томъ упоминается въ самомъ заголовкѣ, а вовсе не записки «для себя и друзей». Впрочемъ, документъ этотъ особенной важности за собой не имѣетъ, кромѣ развѣ указаннаго мной общаго тона, которымъ онъ написанъ; намъ придется разбираться въ гораздо болѣе серьезныхъ документахъ, какъ-то: журналы врачей, кн. Волконскаго, письма императрицы Елизаветы Алексѣевны и т. п.

Вернемся къ нашему разсказу о возвращеніи Александра изъ Крыма въ Таганрогъ.

3-го ноября, послѣ обѣда, на послѣдней станціи, не доѣзжая Орѣхова, государь встрѣтилъ фельдъегера Маскова съ бумагами изъ Петербурга и Таганрога. Принявъ бумаги, онъ приказалъ фельдъегеру сопровождать его въ Таганрогъ. По дорогѣ, ямщикъ, везшій Маскова, погналъ лошадей и на поворотѣ, наѣхавъ на глинистую кочку, вывалилъ сѣдока, причемъ такъ несчастливо, что Масковъ, ударившись головой, остался на мосту безъ движенія. Государь увидѣлъ это и приказалъ доктору Тарасову оказать помощь пострадавшему, а по пріѣздѣ въ Орѣховъ лично доложить ему о положеніи больного.

Тарасовъ пріѣхалъ въ Орѣховъ около полуночи; ген.-ад. баронъ Дибичъ поджидалъ его и приказалъ тотчасъ-же явиться къ императору, который съ нетерпѣніемъ ожидалъ извѣстій о Масковѣ.

Д. К. Тарасовъ разсказываетъ такъ:

«По докладѣ камердинера, я вошелъ въ опочивальню государя. Его величество сидѣлъ противъ камина въ шинели въ рукава и читалъ бумаги. Я замѣтилъ, что онъ имѣетъ безпокойный видъ и старается согрѣться у горящаго камина. Онъ тотчасъ, при переступленіи моемъ черезъ порогъ, спросилъ меня отрывисто: «Въ какомъ положеніи Масковъ?»— «Онъ при паденіи получилъ смертельный ударъ въ голову, съ сильнымъ сотрясеніемъ мозга и большой трещиной въ самомъ основаніи черепа; я нашелъ его на мѣстѣ уже безъ дыханія и всякое врачебное пособіе оказалось тщетнымъ». Выслушавъ мое донесеніе, государь всталъ съ мѣста и въ слезахъ сказалъ: «какое несчастье, очень жаль этого человѣка!» Потомъ, обра-

тясь, къ столу, позвонилъ въ колокольчикъ, а я вышелъ. При этомъ я не могъ не замѣтить въ государѣ необыкновеннаго выраженія въ чертахъ его лица, хорошо изученнаго мной въ продолженіи многихъ лѣтъ; оно представляло что-то тревожное и вмѣстѣ болѣзненное, выражающее чувство лихорадочнаго озноба».

На слѣдующій день, 4-го ноября, государь принималъ въ Орѣховѣ вызванныхъ имъ туда екатеринославскаго гражданскаго губернатора и архіепископа Феофила, между которыми до того «произошла ссора, дошедшая до личной расправы». Сдѣлавъ обоимъ соотвѣтствующее внушеніе, онъ выѣхалъ въ Маріуполь, куда и прибылъ въ 7 часовъ вечера. Въ 10-мъ часу онъ потребовалъ къ себѣ лейбъ-медика Вилліе, который нашелъ его «въ полномъ развитіи лихорадочнаго сильнаго пароксизма».

Тарасовъ пишетъ: «Вилліе былъ крайне встревоженъ положеніемъ государя, казался потерявшимъ свое практическое присутствіе духа и наконецъ рѣшился дать государю стаканъ крѣпкаго пунша съ ромомъ, уложилъ его въ постель и покрылъ сколько можно теплѣе. Это усилило только безпокойство императора, и онъ немного заснулъ лишь къ утру. Вилліе предлагалъ остаться въ Маріуполѣ, но государь не согласился на это, ибо отъ Маріуполя до Таганрога только 90 верстъ, и его величество спѣшилъ для свиданія съ императрицею, ожидавшею его прибытія въ назначенное время, т. е. 5-го ноября. Такъ было назначено по маршруту. 5 ноября, послѣ сильнаго пароксизма, по утру государь чувствовалъ утомленіе и слабость. Часу въ десятомъ утра въ закрытой коляскѣ съ медвѣжьею полостью въ теплой шинели, отправился изъ Маріуполя».

III.

Пріѣздъ въ Таганрогъ состоялся въ 7-мъ часу вечера 5-го ноября. Съ этого-же числа начинаютъ вести свои записки кн. Волконскій и баронетъ Вилліе.

Какъ я уже упоминалъ, самыми важными документами, относящимися къ таганрогской катастрофѣ и дающими возможность признать фактъ кончины императора Александра въ Таганрогѣ, являются именно записки этихъ двухъ лицъ, а также д-ра Тарасова и императрицы Елизаветы Алексѣевны. Въ виду этого я буду излагать дальнѣйшія событія день за днемъ, основываясь на журналѣ кн. П. М. Волконскаго и отмѣчая случаи, когда другіе документы или пополняютъ даваемыя имъ свѣдѣнія, или противорѣчатъ имъ.

5-го ноября.

«Государь императоръ изволилъ возвратиться изъ Крыма въ 6 часовъ вечера. Вошедши въ свою уборную, на вопросъ мой о здоровьѣ его, изволилъ отвѣтить по-французски: «Я чувствую маленькую лихорадку, которую схватилъ въ Крыму, несмотря на прекрасный климатъ, который намъ такъ восхваляли. Я болѣе чѣмъ когда-либо думаю, что мы прекрасно сдѣлали, избравъ Таганрогъ мѣстопребываніемъ моей жены». Когда я спросилъ Его Величество, съ какихъ поръ онъ испытываетъ лихорадку, императоръ отвѣтилъ мнѣ, что съ Бахчисарая, гдѣ «прибывъ вечеромъ и почувствовавъ жажду, я спросилъ пить, и мой камердинеръ Федоровъ подалъ мнѣ барбарисоваго сиропа. Такъ какъ во время путешествія въ

Крыму погода была очень жаркая, я подумалъ, что сиропъ могъ испортиться, но мой камердинеръ сказалъ мнѣ, что сиропъ не пострадалъ. Я проглотилъ цѣлый стаканъ и легъ спать. Ночью я почувствовалъ страшные припадки (transes) но, благодаря моему организму и прекрасному желудку, меня сильно прослабило и все обошлось этимъ. По пріѣздѣ въ Перекопъ я посѣтилъ госпиталь, гдѣ почувствовалъ снова небольшую лихорадку». По этому поводу я осмѣлился замѣтить его величеству, что было неблагоразумно съ его стороны отправиться въ госпиталь, гдѣ онъ могъ лишь усилить свою лихорадку, вслѣдствіе нахожденія въ немъ большаго числа лицъ, пораженныхъ этой болѣзнью, и что императоръ постоянно забываетъ, что, приближаясь къ пятому десятку, не пользуешься уже тѣми силами, какъ въ 20 лѣтъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «О, дорогой другъ, я слишкомъ чувствую это и увѣряю васъ, что я очень часто вспоминаю объ этомъ и надѣюсь, что все обойдется благополучно». Спросивъ меня затѣмъ о здоровьѣ императрицы, онъ отправился къ ней, гдѣ ихъ величества и провели вмѣстѣ остальную часть вечера».

Въ запискахъ императрицы Елизаветы Алексѣевны разсказывается такъ объ этомъ ихъ первомъ послѣ Крымской поѣздки свиданіи:

«Когда онъ вошелъ, моимъ первымъ вопросомъ было: «Здоровы ли Вы?» Онъ сказалъ, что нездоровъ, что у него уже второй день лихорадка и онъ думаетъ, что онъ схватилъ Крымскую лихорадку. Я его усадила; у него былъ жаръ... онъ велѣлъ принести чай съ лимономъ, и когда доложили о Вилліе, онъ пригласилъ его войти, чтобы сказать ему, что онъ чувствуетъ себя довольно хорошо и что его не знобитъ, но что у него жаръ. Я безъ труда уговорила его идти спать, хотя онъ еще болѣе получаса разсказывалъ о своемъ путешествіи...»

Относительно ночи съ 5-го на 6-ое Вилліе въ своемъ дневникѣ пишетъ: «Ночь прошла дурно. Отказъ принять лѣкарство. Онъ приводитъ меня въ отчаяніе. Страшусь, что такое упорство не имѣло-бы когда-нибудь дурныхъ послѣдствій».

Между тѣмъ въ запискахъ императрицы встрѣчается фраза: «Въ пятницу утромъ онъ прислалъ мнѣ сказать, что

провелъ ночь хорошо». Такое-же противорѣчіе со словами Вилліе мы находимъ и въ дневникѣ кн. Волконскаго.

6-го ноября.

«По утру въ 8 часовъ позванъ я былъ, какъ по обыкновенію, къ его императорскому величеству во время умыванія: спросилъ о его здоровьѣ, его величество изволилъ отозваться, что ночь провелъ изрядно и лихорадки не чувствовалъ. Взглядъ у государя былъ слабый, и глаза мнѣ показались мутны. Сверхъ того глухота была примѣтнѣе, и до того, что, докладывая по нѣкоторымъ бумагамъ, его величество изволилъ сказать мнѣ, чтобы я остановился чтеніемъ до совершеннаго окончанія его туалета. Одѣвшись, его величество, вышедши въ кабинетъ, сталъ у камина грѣться, приказавъ мнѣ продолжать докладъ, по окончаніи коего, отпустивъ меня, занялся чтеніемъ бумагъ. Изволилъ кушать съ императрицей.

Въ 3-мъ часу въ исходѣ, во время нашего обѣда, камердинеръ его величества, Федоровъ прислалъ записку къ лейбъ-медику Вилліе, въ которой пишетъ, что государь въ весьма большомъ необыкновенномъ поту. Г-нъ Вилліе пошелъ тотчасъ къ его величеству, куда я вслѣдъ за нимъ отправился. Пришедши къ государю, нашли его величество въ кабинетѣ, сидящаго на канапэ въ сюртукѣ и обернутымъ сверху байковымъ одѣяломъ, дабы поддерживать потъ. Г-нъ Вилліе пощупалъ пульсъ и, посмотрѣвъ языкъ, нашелъ лихорадку, предложилъ принять тотчасъ слабительныя пилюли, коихъ его величество изволилъ принять восемь. Послѣ того хотѣлъ было заниматься продолженіемъ чтенія бумагъ, полученныхъ изъ С.-Петербурга во время отсутствія его величества, но я и г-нъ Вилліе отъ сего отклонили, дабы не увеличивать лихорадки занятіемъ бумагами. Того-же вечера въ 7 часовъ лѣкарство произвело свое дѣйствіе и государь почувствовалъ облегченіе, былъ весьма веселъ, доволенъ лѣкарствомъ, благодарилъ Вилліе за пилюли, а меня за все о немъ попеченіе. Потомъ изволилъ позвать императрицу, которая изволила оставаться одна у его величества до 10-ти часовъ вечера».

Въ описаніи этого дня журналъ князя Волконскаго расходится съ записками императрицы и баронета Вилліе, которыя въ свою очередь расходятся между собой. Не буду перечислять

мелочей, но укажу лишь на слѣдующее обстоятельство. Князь Волконскій утверждаетъ, что онъ, вставъ изъ-за стола вмѣстѣ съ Вилліе, оставался съ Вилліе у государя. Императрица пишетъ, что Вилліе былъ одинъ, а потомъ пришла она и уговорила государя принять пилюли; Волконскій же пришелъ гораздо позже. Бар. Вилліе-же не упоминаетъ о присутствіи ни императрицы, ни Волконскаго.

Вилліе по краткости своихъ замѣтокъ (онъ записывалъ только по нѣскольку строкъ въ день) могъ, конечно, не упоминать о Волконскомъ и даже объ императрицѣ. Но, чтобы Волконскій въ своемъ офиціальномъ журналѣ, въ которомъ онъ отмѣчалъ всѣ свиданія Александра съ супругой, не упомянулъ бы о ней, это немного странно; такъ же какъ и утвержденіе императрицы, что она оставалась у императора вдвоемъ съ Вилліе, а что Волконскій пришелъ гораздо позже.

Описаніе князя Волконскаго расходится еще въ одномъ пунктѣ съ записками императрицы.

Князь Волконскій пишетъ, какъ мы видѣли, что лѣкарство произвело дѣйствіе въ семь часовъ вечера, послѣ чего государь почувствовалъ себя лучше, былъ очень веселъ и послалъ за императрицей, которая оставалась у него до 10-ти часовъ; между тѣмъ императрица пишетъ такъ:

«Мы оставались одни до 7 часовъ вечера съ 4-хъ часовъ, когда онъ мнѣ сказалъ, чтобъ я его оставила, т. к. приближается дѣйствіе лѣкарства. Я ему сказала: «я васъ увижу?» «Да, сегодня вечеромъ». Но т. к. онъ не присылалъ за мной и позже 9 часовъ вечера, я вслѣдъ позвать Вилліе, который мнѣ сказалъ, что лѣкарство хорошо подѣйствовало и что онъ послѣ заснулъ и еще спитъ. Вилліе началъ весело болтать, наконецъ, я ему поручила сказать, если онъ увидитъ его по пробужденіи, что поздно и что ложусь спать. Потомъ я простилась съ Вилліе».

7-го ноября.

«Ночь проводилъ государь спокойно и почивалъ хорошо. По утру въ 8 часовъ государь изволилъ дѣлать свой туалетъ по обыкновенію, принималъ слабительную микстуру въ 11 часовъ утра, отъ коей чувствовалъ себя легче; но ввечеру сдѣ-

лался небольшой жаръ оттого, что за всѣми убѣжденіями не хотѣлъ продолжать микстуру».

Нельзя не отмѣтить, что кн. Волконскій въ журналѣ своемъ за это число поскупился на описаніе подробностей.

Императрица описываетъ этотъ день такъ (я опускаю ненужныя подробности):

«Въ субботу 7-го онъ пришелъ ко мнѣ между 11 и 12 часами и сказалъ мнѣ, что онъ себя чувствуетъ лучше... Онъ попрежнему былъ желтъ, но болѣе веселъ. Мы занялись раковинами, которыя я собрала; затѣмъ онъ сказалъ, чтобъ я шла гулять, а онъ будетъ заниматься. Я уговаривала его меньше работать, потому что вчера ему изъ-за этого стало плохо. Онъ отвѣчалъ: «работа настолько сдѣлалась моей привычкой, что я не могу безъ нея обойтись, и если я ничего не дѣлаю, то чувствую пустоту въ головѣ. Еслибы я покинулъ свое мѣсто, я долженъ былъ бы поглощать цѣлыя библіотеки— иначе я бы сошелъ съ ума». Когда я вернулась съ прогулки, онъ мнѣ прислалъ записку—послѣднюю—предлагая мнѣ присутствовать при его обѣдѣ. Я прибѣжала. Онъ кушалъ супъ съ крупой и сухую кашу съ бульономъ, т. к. онъ принялъ еще слабительнаго. Послѣ своего скромнаго обѣда, онъ ходилъ по комнатѣ, остановился у одного изъ комодовъ, привелъ въ порядокъ пакеты готовые къ отправкѣ, но черезъ нѣкоторое время онъ мнѣ сказалъ: «Вамъ придется скоро меня оставить, потому что мое лѣкарство дѣйствуетъ, мой желудокъ не можетъ больше ничего держать». Онъ послалъ меня обѣдать. Между 3 и 4-мя часами онъ пришелъ ко мнѣ и нашелъ меня лежащей на томъ диванѣ, который онъ устраивалъ для меня и изъ котораго я сдѣлала себѣ кровать. Я ему сказала, что скорѣе ему слѣдуетъ лежать, нежели мнѣ, и уговаривала его лечь. Послѣ секуднаго колебанія, онъ сказалъ, что скоро пойдетъ спать къ себѣ. Мы поговорили немного. Онъ всталъ и сказалъ: «я пришелъ узнать, почему вы не пошли гулять послѣ обѣда». Я ему сказала, что дышала воздухомъ у окна и что у меня было два удовольствія: слушать шумъ моря и звонъ прекраснаго колокола изъ греческой церкви Константина и Елены. Я описывала ему съ такимъ жаромъ красоту звуковъ этого колокола, что онъ мнѣ сказалъ улыбаясь: «Вы увидите, вамъ тутъ такъ понравится, что вамъ трудно будетъ уѣзжать».

Около 7 часовъ онъ прислалъ за мной. Я нашла его раздѣтымъ, въ халатѣ, лежащимъ на диванѣ. «Что это?» спросила я. Онъ мнѣ сказалъ, что лѣкарство на него подѣйствовало до боли въ желудкѣ, что онъ надѣлъ фланелевый поясъ и что Вилліе далъ ему чаю и теперь онъ чувствуетъ себя хорошо. Онъ былъ веселъ. (Затѣмъ императрица пишетъ, что она показала ему рисунки ихъ дома, потомъ модные журналы и т. д.). Онъ былъ въ духѣ, еще веселѣе, чѣмъ наканунѣ и много говорилъ... Онъ смѣялся. Въ 9 часовъ вошли Вилліе и князь Волконскій. Вилліе спросилъ, какъ онъ себя чувствуетъ. Онъ сказалъ «хорошо». Между тѣмъ Вилліе нашелъ у него жаръ и сказалъ, что навѣрно онъ слишкомъ много работалъ послѣ обѣда. «Это необходимость и это меня успокаиваетъ», сказалъ онъ. Князь Волконскій сказалъ, что назначенный на завтра въ клубѣ балъ отмѣняется изъ-за траура при Дворѣ (умеръ король Максимиліанъ Баварскій, зять императрицы). Онъ возражалъ. Вошелъ генералъ Дибичъ... Когда эти господа ушли, мы остались одни, онъ вскорѣ пожелалъ мнѣ спокойной ночи и еще приподнялся, чтобы я могла поцѣловать его въ затылокъ».

Это описаніе императрицы, свидѣтельствующее о томъ, что Александръ чувствовалъ себя хорошо, много бесѣдовалъ съ ней, смѣялся, былъ веселъ и—если сопоставить указываемые ею часы—почти не видалъ Вилліе, рѣзко расходятся съ послѣдними строками самого Вилліе за это же число: «Les exacerbations (ожесточеніе болѣзни) слишкомъ часто повторяются, чтобъ я позволилъ себѣ утверждать, что это Hemitritacus Semitertiana, хотя *эта чрезвычайная слабость, эта апатія, эти обмороки имѣютъ большое отношеніе съ нею*» (курсивъ мой).

Такъ-же слова императрицы «лекарство подѣйствовало», «онъ принялъ еще слабительнаго», совсѣмъ не совпадаютъ съ увѣреніемъ князя Волконскаго: «за всѣми убѣжденіями не хотѣлъ продолжать микстуру».

8-го ноября.

«Ночь проводилъ неспокойно и имѣлъ лихорадку. По-утру въ 8 часовъ изволилъ дѣлать свой туалетъ по обыкновенію,

принявъ отъ меня поздравленіе съ праздникомъ, сожалѣлъ, что не можетъ идти къ обѣднѣ, дабы не возобновить лихорадки. Отпустивъ меня къ обѣднѣ, самъ изволилъ въ кабинетѣ, сѣвъ на канапэ, заняться чтеніемъ Библіи. Послѣ обѣдни, пришедши къ его величеству, нашелъ его сидящимъ на канапэ въ маленькомъ жару. Государь изволилъ спрашивать, по обыкновенію, хорошо-ли отправлялась служба, какъ пѣли пѣвчіе, и хорошо-ли служилъ вновь вывезенный его величествомъ изъ Новочеркасска діаконъ? Давъ на все утвердительный ему отвѣтъ, я спросилъ о его здоровьѣ: его величество изволилъ отвѣчать,—что ему лучше, присемъ изволилъ мнѣ сказать, что не знаетъ, что будетъ ему сдѣлать съ бумагами, коихъ много накопляется; на сіе я отвѣчалъ, что теперь не до бумагъ, ибо здоровье его величества теперь всего нужнѣе, а какъ, Богъ дастъ, будетъ ему лучше, тогда успѣетъ обдѣлать все, какъ слѣдуетъ, но и притомъ нужно будетъ ему не вдругъ заниматься безпрестанно бумагами, а понемногу, дабы лихорадка вновь не открылась. Послѣ сего приказалъ позвать къ себѣ императрицу, которая изволила побыть у его величества до самаго своего обѣда. Государь ничего не изволилъ кушать, кромѣ хлѣбной отварной воды, и жаръ немного уменьшился. Государь изволилъ писать въ С.-Петербургъ къ ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, приказалъ сдѣлать отправленіе 6-мъ числомъ, запретивъ писать о его болѣзни, изволилъ мнѣ сказать: «Боюсь я экстра-почтъ, чтобъ не навлекли хлопотъ извѣстіемъ о моей болѣзни и не встревожили бы тѣмъ матушку». На сіе я сказалъ, что напишутъ то, что ему угодно, но вмѣстѣ съ симъ полагалъ я, что лучше писать правду, потому что нельзя совершенно отвѣчать, чтобы кто-нибудь изъ жителей не написалъ чего и болѣе, чѣмъ скорѣе можетъ всѣхъ встревожить. Вечеромъ сдѣлался потъ, который продолжался всю ночь».

Въ этомъ описаніи князя Волконскаго обращаютъ на себя вниманіе два обстоятельства. Почему авторъ журнала пишетъ, что государь «по обыкновенію» спрашивалъ его о томъ, какъ прошла служба въ церкви, какъ пѣли пѣвчіе и т. п.? Изъ этой фразы можно было бы заключить, что государь вообще за послѣднее время не посѣщалъ праздничныхъ службъ, а

ограничивался лишь потомъ разспросомъ. Конечно, можетъ быть, также, что князь Волконскій, который, повидимому писалъ такъ-же плохо по-русски, какъ и по-французски, употребилъ выраженіе «по обыкновенію» въ томъ смыслѣ, что государь былъ «какъ всегда», т.-е. здоровъ.

Другую странность можно усмотрѣть въ эпизодѣ отправки государемъ письма къ вдовствующей императрицѣ. Написавъ письмо 8-го, онъ велѣлъ помѣтить отправку 6-мъ и добавилъ, что «бойтся экстра почтъ». Изъ этого слѣдуетъ заключить, что были обычныя почты и необычныя, т.-е. экстра-почты. Но, вѣдь, если государь не желалъ, чтобы письмо его шло экстра-почтой, то почему-же онъ послалъ его таковою, хотя бы и помѣтивъ его заднимъ числомъ? Содержаніе этого письма неизвѣстно. Далѣе, почему князь Волконскій 8-го числа около полудня (послѣ обѣдни) выражалъ уже опасеніе, чтобы «кто-нибудь изъ жителей не написалъ чего и болѣе, чѣмъ скорѣе можетъ всѣхъ встревожить». Вѣдь государь пріѣхалъ въ Таганрогъ всего только 5-го вечеромъ, болѣзненное состояніе его было очень незначительно: онъ вставалъ, какъ всегда, въ 8 часовъ утра, одѣвался, ходилъ по дворцу, принималъ доклады и т. п. Словомъ, не было никакихъ основаній предполагать, чтобъ какіе-либо тревожные слухи могли распространиться по городу и вызвать съ чьей-либо стороны болѣе нѣмъ тревожную переписку съ Петербургомъ.

Въ запискахъ императрицы за это число встрѣчается слѣдующая курьезная подробность:

«Обѣдъ состоялъ изъ стакана яблочной воды съ сокомъ изъ черной смородины... Виллье сказалъ, что онъ случайно нашелъ запасъ этого питья у князя Волконскаго, получившаго его отъ своей сестры...»

Это, конечно, подробность неважная сама по себѣ—пилъ ли государь «хлѣбную отварную воду», какъ пишетъ Волконскій, или «яблочную воду съ сокомъ изъ черной смородины», какъ пишетъ императрица, но странно то, что по указанію Волконскаго, который, казалось-бы, могъ запомнить рецептъ несланнаго имъ питья и не называть его «хлѣбной отварной водой».

Дальше императрица разсказываетъ: «между 5 и 6 часами

онъ прислалъ за мной и сказалъ, что посылаетъ въ Петербургъ курьера, и далъ мнѣ для этого распоряженія. У него былъ очень больной видъ, былъ жаръ въ головѣ. Я пошла исполнить распоряженія и сообщила о сдѣланномъ. Онъ сказалъ: «Хорошо, отошлите ваши пакеты генералу Дибичу и, когда вы кончите, возвращайтесь». Я вернулась около семи часовъ, ему было лучше. Наканунѣ я ему принесла газеты, прибывшія въ его отсутствіе, которыя его позабавили (во французскомъ оригиналѣ «amuse»), онъ сказалъ мнѣ принести продолженіе. Я ему сказала: «У васъ былъ такой болѣзненный видъ, что мнѣ было больно на васъ смотрѣть. Вамъ теперь, повидимому, лучше».—«Да, я чувствую себя лучше», отвѣтилъ онъ мнѣ, черезъ нѣкоторое время онъ опять началъ читать газеты, а я тоже занялась чтеніемъ. Потомъ онъ приготовился спать и легъ съ видомъ такого хорошаго ощущенія (bien être), что пріятно было на него смотрѣть—онъ улыбался и заснулъ.

Онъ спалъ такимъ образомъ около двухъ часовъ, причемъ дыханіе было вполнѣ спокойное и тихое (la respiration était la plus calme, la plus douce); онъ проснулся только одинъ разъ, посмотрѣлъ вокругъ съ такимъ видомъ, что я сочла его веселымъ—съ тѣмъ самымъ видомъ, который я наблюдала позже, въ ужасныя минуты, и потомъ опять уснулъ, улыбаясь, (une certaine mine que je croyais de la gaieté et que j'ai retrouvé plus tard dans des moments affreux); вошелъ камердинеръ, чтобы доложить о приходѣ Вилліе, но онъ спалъ такъ крѣпко, что его не разбудили. Наконецъ, въ 9 часовъ онъ проснулся. Вошелъ Вилліе.—«Какъ Вы себя чувствуете?»—«Очень хорошо, спокоенъ и свѣжъ».—Вилліе сказалъ: «вы увидите, что будетъ потъ». Поговоривъ нѣкоторое время, ему предложили лечь.—«Мнѣ хорошо такъ здѣсь», сказалъ онъ, тѣмъ не менѣе я ушла, чтобы дать ему возможность лечь, причемъ онъ сказалъ мнѣ: «возьмите газеты, завтра принесете мнѣ остальныя». Въ десять часовъ (въ книгѣ вел. кн. Николая Михайловича сказано въ «шесть часовъ», что очевидно не соотвѣтствуетъ истинѣ; вѣроятно, неопытный переписчикъ прочелъ слово «dix», какъ «six») я послала за Вилліе; я спросила, легъ-ли онъ (императоръ) спать; Вилліе сказалъ, что ему не удалось уговорить его лечь; что онъ (императоръ)

продолжалъ улыбаться, повторяя: «я чувствую себя здѣсь такъ хорошо», но что теперь, однако, онъ сказалъ, чтобы ему приготовили кровать (il avait demandé son lit). И дѣйствительно,—въ теченіи ночи у него былъ обильный и хорошій потъ».

Судя по вышеприведеннымъ запискамъ императрицы, можно заключить, что, если у императора и былъ жаръ, то, начиная съ 7-ми часовъ вечера, онъ чувствовалъ себя хорошо, спокойно спалъ, былъ веселъ и настаивалъ на томъ, что ему «здѣсь такъ хорошо».

Тутъ опять мы наталкиваемся на противорѣчія.

Анонимный авторъ «(Histoire de la Maladie)» пишетъ, что государь 8-го числа чувствовалъ себя настолько дурно, что съ утра призвалъ къ себѣ Стоффрегена (le 8 Stoffregen a été appelé dès le matin).

Стоффрегенъ былъ лейбъ-медикъ, состоявшій при императрицѣ, и государь его къ себѣ не приглашалъ, такъ какъ имѣлъ своего собственнаго, которому онъ довѣрялъ и котораго очень любилъ—баронета Я. В. Вилліе. Поэтому нельзя не удивляться вышеприведенной фразѣ автора «Histoire de la Maladie»; если бы дѣйствительно государь «съ утра пригласилъ» къ себѣ Стоффрегена, то, конечно, кн. Волконскій, а тѣмъ болѣе императрица упомянули бы объ этомъ въ своихъ запискахъ.

Упоминаніе о Стоффрегенѣ мы находимъ только у самого Вилліе, но совершенно разное съ тѣмъ, которое дѣлается въ «Histoire de la Maladie». Вилліе пишетъ подъ той же датой.

8-го ноября.

«Эта лихорадка, очевидно, febris gastrial biliosa, эта гнилая отрыжка, это воспаленіе въ сторонѣ печени, des press-cordes, рвота sine vomite nec dolore pititer comprimendo требуетъ, чтобы premières voies были хорошо очищены. Надо traire печень. Я сказалъ Стоффрегену».

9-го ноября.

«Ночь была изрядная. По утру, хотя потъ и продолжался, но государь чувствовалъ себя лучше, что продолжалось во весь день. Такъ какъ въ тотъ день должна была отправиться

экстра-почта въ С.-Петербургъ, то и просилъ я у его величества, чтобы изволилъ писать ея величеству о болѣзни. Государь императоръ приказалъ государынѣ писать къ ея императорскому величеству гос. имп. Маріи Феодоровнѣ, равномѣрно приказалъ генералъ-адъютанту барону Дибичу писать въ Варшаву къ цесаревичу, что, возвратясь изъ Крыму съ лихорадкою, принужденъ не выходить изъ дома, дабы не увеличивать лихорадки».

Въ дневникѣ императрицы за этотъ день сказано такъ:

«Стоффрегенъ мнѣ сказалъ, что болѣзнь можно считать пресѣченной, что, если лихорадка вернется, то она приметъ перемежающуюся форму и съ ней скоро покончатъ, и что—поэтому—я могу писать въ С.-Петербургъ, что болѣзнь уже прошла (que la maladie n'était plus que du passé). Я видѣла его (императора) передъ тѣмъ, чтобъ выйти на прогулку, а позже, онъ прислалъ за мною передъ его обѣдомъ. Ему подали овсяный супъ, — онъ сказалъ, что ему, дѣйствительно, хочется ѣсть и что это случается съ нимъ впервые послѣ 3-го числа. Онъ нашелъ, однако, что супъ слишкомъ густо сваренъ, и разбавилъ его водой; онъ съѣлъ его съ аппетитомъ, а потомъ съѣлъ и сливы—онъ даже хотѣлъ еще поѣсть, но сказалъ: «надо быть благоразумнымъ». Немного спустя, онъ сказалъ мнѣ, чтобы я шла обѣдать, «а я, какъ порядочный человѣкъ, пойду прилягу послѣ обѣда». Между 6 и 7 час. онъ прислалъ за мною, чтобы я принесла ему газеты.—«Вы мнѣ приносите игрушку, какъ ребенку», сказалъ онъ. Онъ прочелъ, что оставалось прочесть, но ему нездоровилось, у него былъ жаръ. Пока онъ читалъ, я читала «Les Memoires de M-me de Genlis» и онъ задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ по этому поводу... Въ теченіи вечера онъ меня внезапно спросилъ: «почему вы не носите траура (по королѣ Баварскомъ)?» «Я отвѣтила, что сняла трауръ къ его пріѣзду и что мнѣ не хочется его болѣе надѣвать; но что если ему угодно, я завтра опять надѣну».

Улучшеніе въ здоровьѣ, происшедшее за этотъ день, отмѣчаетъ и Вилліе въ своемъ дневникѣ.

Не лишне, можетъ быть, будетъ обратить вниманіе на обстоятельство, что государь приказалъ сообщить о своей болѣзни цесаревичу Константину; это обстоятельство интересно

само по себѣ, а кромѣ того, оно обращаетъ на себя вниманіе потому, что въ подлинникѣ журнала князя Волконскаго къ послѣдней строкѣ позже приписано рукой самого Волконскаго: «сіе приказаніе т. Дибичу дано было 11-го ноября, а не 9-го». Эта помѣтка весьма странна, и мы къ ней еще вернемся при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи обстоятельствъ, предшествовавшихъ событію 19-го ноября.

10-го ноября.

«Государь проводилъ ночь изрядно, но къ утру сдѣлалось хуже. Въ 8 часовъ принялъ шесть слабительныхъ пилюль, въ 11 часовъ утра, вставая съ постели за нуждою, получилъ обморокъ и весьма ослабѣлъ. Во весь день продолжался жаръ, къ вечеру сдѣлался сильный потъ и забывчивость, отъ чего мало уже и почти совсѣмъ не говорилъ, какъ только чего просилъ».

Эти послѣднія строки журнала кн. Волконскаго за 10 ноября рѣзко расходятся съ записками императрицы, въ которыхъ она подтверждаетъ, что императору днемъ было не хорошо, но къ вечеру, т. е. именно тогда, когда по словамъ Волконскаго государь впалъ въ «забывчивость» и «почти совсѣмъ не говорилъ, какъ только чего просилъ», по ея словамъ:

«Перемѣнивъ бѣлье, онъ послалъ за мною; онъ лежалъ на диванѣ (sapare) въ своемъ кабинетѣ и выглядѣлъ поразительно хорошо сравнительно съ тѣмъ, какъ онъ выглядѣлъ днемъ (въ оригиналѣ «Tapres dîner» иначе говоря—послѣ обѣда, т. е. послѣ 3-хъ часовъ пополудни, т. к. Александръ и императрица обѣдали въ 3—4 часа).—Со мной была моя книга и я дѣлала видъ, что читаю, но наблюдала за нимъ; онъ нашелъ, что у меня усталое лицо. Я сказала, что у меня болитъ голова, что не во время закрыли печь, находящуюся около моей кровати, это была правда, но лицо мое было утомлено, потому что я плакала». Послѣ разговора о печкѣ и о томъ, кто въ этомъ виноватъ, они говорили о пріемѣ депутаціи отъ калмыковъ.

— «Кстати,—сказалъ онъ,—они хотятъ съ вами проститься, я не могу ихъ принять, такъ примите вы ихъ».— «Когда?»—спросила я».—«Завтра; скажите объ этомъ Вол-

конскому». Желая ему спокойной ночи, я поцѣловала его и перекрестила его дорогой лобъ. Онъ улыбнулся».

Изъ вышеприведеннаго видно, насколько утвержденія князя Волконскаго въ его официальномъ журналѣ не соотвѣтствуютъ истинѣ. Что касается баронета Вилліе, то подъ этой-же датой отъ 10 ноября онъ пишетъ слѣдующія весьма знаменательныя строки:

«Начиная съ 8-го числа, я замѣчаю, что что-то такое другое его занимаетъ больше, чѣмъ его выздоровленіе и безпокоитъ его мысли. Post hoc ergo propter hoc. Ему сегодня хуже, и Миллеръ по его словамъ, тому причина. Князю Волконскому вслѣдствіе сего препоручено побранить бѣднаго Миллера».

«Въ «Histoire de la Maladie» на это же число (10 ноября) даются указанія, идущія вразрѣзъ не только со словами Волконскаго, но также и самой императрицы, зато они подтверждаютъ до извѣстной степени мнѣніе Вилліе о томъ, что государь былъ чѣмъ то озабоченъ. La nuit a été mauvaise, mais il y avait une amélioration dans la matinée du 10. Il est échappé a l'empereur de dire medecins, — il faut considérer l'état de mes nerfs, qui ne sont que trop détraqués, et les medecines ne feront que les déranger encore plus. (Ночь была нехорошая, но утромъ 10-го послѣдовало улучшеніе. У императора въ обращеніи къ докторамъ вырвались такія слова: надо считаться съ моими нервами, которые слишкомъ разстроены и безъ того, лѣкарства разстроятъ ихъ еще больше).

11-го ноября.

«Государь проводилъ ночь спокойно и по утру чувствовалъ себя лучше; приказалъ позвать императрицу, которая оставалась у его величества до самаго обѣда. Къ вечеру въ шесть часовъ опять сдѣлался жаръ, и, когда его величество всталъ за нуждою, съ нимъ былъ обморокъ, но не столь сильный, какъ первый. Къ ночи жаръ убавился; потомъ продолжался всю ночь, отъ чего его величество худо почивалъ».

Записки императрицы за это число подтверждаютъ улучшеніе въ здоровьѣ государя и заканчиваются такъ:

«Около пяти часовъ я послала за Вилліе и спросила его, какъ обстоитъ дѣло.—Вилліе былъ веселъ, онъ сказалъ мнѣ,

что у него (императора) жаръ, но что я должна войти, что онъ не въ такомъ состояніи, какъ наканунѣ».

Самъ-же Вилліе пишетъ 11-го ноября:

«Болѣзнь продолжается; внутренности еще довольно не чисты; ructus, inflatio. Когда я ему говорю о кровопусканіи и слабительномъ, онъ приходитъ въ бѣшенство и не удостаиваетъ говорить со мною».

Что касается «Histoire de la Maladie», то мы находимъ въ ней слѣдующія строки:

Le 11 j'ai de nouveau appris que l'empereur était emiux le matin mais que la nuit il a eu redoublement de fièvre. Sa Majesté croyait toujours, que c'ètait une fièvre de Crimée tandis que c'ètait toute autre chose. (11-го я опять узналъ (узнала), что императору было лучше утромъ, но что ночью лихорадка усилилась. Его (или ея) величество продолжалъ (или продолжала?) думать, что это крымская лихорадка, тогда какъ это было нѣчто совсѣмъ иное).

Я прошу читателя запомнить это число—11-го ноября, на которомъ «записка императрицы обрывается», какъ отмѣчаетъ великій князь Николай Михайловичъ въ своей книгѣ «Легенда о кончинѣ имп. Александра I».

12-го ноября.

«По утру жаръ продолжался; приказывалъ мнѣ сдѣлать ему питье изъ апельсиновъ, которое я вмѣстѣ съ г. Вилліе ему сдѣлалъ чѣмъ его величество былъ очень доволенъ и меня благодарилъ. Позвать изволилъ къ себѣ императрицу, которая изволила остаться цѣлый день. Къ вечеру сдѣлалось легче».

Вилліе за этотъ день пишетъ слѣдующія строки, начинающіяся довольно странной фразой:

«*Какъ я припоминаю* (курсивъ мой), сегодня ночью я выписалъ лѣкарства для завтрашняго утра, если мы сможемъ посредствомъ хитрости убѣдить его принимать ихъ. Это жестоко. Нѣтъ человѣческой власти, которая могла бы сдѣлать этого человѣка благоразумнымъ. Я—несчастный».

Оставляя въ сторонѣ не совсѣмъ понятное и лирическое восклицаніе Вилліе, нельзя не сопоставить заключительныхъ словъ журнала князя Волконскаго «къ вечеру сдѣлалось легче» со слѣдующими словами автора «Histoire de la Maladie».

«Le soir le redoublement de fièvre était trop violent pour ne pas préssentir le danger. (Къ вечеру лихорадка настолько усилилась, что нельзя было не предвидѣть опасности).

13-го ноября.

«Государь ночь провелъ изрядно и по утру принималъ слабительное; жаръ уменьшился до полудня, потомъ опять начался и продолжался во всю ночь. Вечеромъ принималъ два клистира, которые много облегчили. Во весь день мало изволилъ говорить, кромѣ что просилъ иногда пить; апельсинный лимонадъ ему опротивился, просилъ сдѣлать другой, почему и сдѣлали изъ вишневаго сиропа».

Бар. Виллiе отмѣчаетъ этотъ день такими строками (привожу подлинный текстъ):

«Tout ira mal, parce qu'il ne permet, n'écoute de faire ce qui est absolument necessaire. Cette tendance à dormir est de bien mauvaise augure». (Будетъ плохо, такъ какъ онъ и слышать не хочетъ, чтобы сдѣлать то, что необходимо. Эта сонливость плохой знакъ).

«Histoire de la Maladie» описываетъ этотъ день въ очень мрачныхъ краскахъ, совсѣмъ не совпадающихъ съ указаніемъ кн. Волконскаго на то, что вечеромъ послѣдовало облегченіе:

«Un assoupissement léthargique avec une respiration difficile et entrecoupée et des crispations violentes prouvaient qu'il fallait des remédes plus efficaces, que le malade repoussait pourtant avec opiniatreté. La nuit a été affreuse et les craintes sur cet état redoublaient à mesure que chaque redoublement de fièvre devenait de plus en plus violent».

(Летаргическая сонливость, дыханіе затрудненное и прерываемое сильными спазмами, доказывали, что нужны были болѣе дѣйствительныя мѣры, отъ которыхъ, впрочемъ, больной упорно отказывался. Ночь была ужасная, и опасенія за его здоровье усиливались съ каждымъ усиленьемъ лихорадки).

14-го ноября.

«По утру жаръ у государя былъ поменѣе, и его величество дѣлалъ весь свой туалетъ и брился, какъ обыкновенно. Около обѣда сдѣлался опять сильный жаръ, и за ушами шея къ головѣ замѣтно покраснѣла, почему г. Виллiе и Стоффрегенъ

предложили его величеству поставить за уши піявки; но государь и слышать о семъ не хотѣлъ, всячески былъ уговариваемъ и упрашиваемъ докторами, императрицею и мною, но всѣмъ отказалъ, отсылалъ даже съ гнѣвомъ, чтобы оставили его въ покоѣ, ибо нервы и безъ того разстроены, которые бы должно стараться успокаивать и не умножать раздраженіе ихъ пустыми лѣкарствами. Въ 8 часовъ вечера, при императрицѣ, всталъ и спустилъ ноги съ постели, отъ чего сдѣлался ему сильный обморокъ, видя его упрямство, я при ея величествѣ оказалъ докторамъ, что почитаю однимъ средствомъ склонить государя на принятіе лѣкарства и приставленіе піявокъ—предложить его величеству причащеніе св. таинъ, вмѣсто всѣхъ лѣкарствъ, наставя вмѣстѣ съ тѣмъ духовника, чтобы на духу и послѣ причащенія старался его увѣщевать и согласить на приставленіе піявокъ, говоря, что въ Таганрогѣ сіе средство отъ лихорадки почитается самымъ лучшимъ. Доктора приняли мой совѣтъ и просили императрицу взять на себя сдѣлать таковыя предложенія. Государыня, видя, что жаръ не уменьшается, изволила рѣшиться предложить его величеству пріобщиться, говоря:

«J'ai une grâce à vous demander, comme vous avez refusé tous les remèdes que les médecins vous ont proposés, j'espère que vous accepterez celui que je vous proposerai — Qu'est ce?» dit l'empereur. «C'est la communion», repondit l'impératrice.— «Suis je donc en danger?» demanda Sa Majesté — «Non», dit l'impératrice, «mais c'est comme un remède que tout chrétien emploie dans les maladies». L'empereur repondit, qu'il l'accepte avec bien de plaisir et ordonna de faire chercher le prêtre».

Въ самое сіе время сдѣлался его величеству пресильнѣйшій потъ, почему доктора положили повременить причастіемъ, пока потъ будетъ продолжаться, я между тѣмъ занялся наставленіемъ священника соборной здѣшней церкви, отца Алексѣя Ѳедотова. Въ 11 часовъ вечера государь просилъ императрицу идти къ себѣ почивать. Ея величество ушедши, приказала себѣ дать знать, когда спросятъ духовника».

Вилліе за этотъ день дѣлаетъ краткую, но очень интересную запись такого содержанія (привожу полностью):

«Все очень не хорошо, хотя бреда у него нѣтъ. Я хотѣлъ дать ему acide muriatique въ питьѣ, но по обыкновенію по-

лучилъ отказъ.—«Уходите» (Allez vous en).—Я заплакалъ, и онъ, увидавъ это, сказалъ: «Подойдите (venez), мой дорогой другъ. Я надѣюсь, что вы не сердитесь на меня за это. У меня—мои причины».

Въ этотъ же день, 14-го ноября, въ 9 часовъ вечера государь впервые потребовалъ къ себѣ доктора Д. К. Тарасова, который по этому поводу пишетъ:

«Надобно замѣтить, что я во время болѣзни императора во дворцѣ до того не бывалъ, а о положеніи его величества всѣ подробности знавалъ частью отъ барона Виллие, *не желавшаго, какъ казалось, допустить меня къ пользованію императора*, а частью отъ лейбъ-медика Стоффрегена». (Курсивъ мой).

Любопытно то обстоятельство, что съ этого же перваго дня, когда записки Тарасова пріобрѣтаютъ для насъ интересъ, онѣ становятся въ противорѣчіе съ журналомъ кн. Волконскаго. Такъ, напримѣръ, Волконскій пишетъ, что обморокъ случился въ 8 часовъ вечера, Тарасовъ же утверждаетъ, что это было утромъ въ 7-мъ часу, когда императоръ собирался бриться. Волконскій пишетъ, что когда императрица предложила государю причаститься, онъ спросилъ: «развѣ я въ опасности?» на что она возразила: «нѣтъ». Тарасовъ же описываетъ эту сцену такъ: на предложеніе причаститься, Александръ спросилъ: «Кто вамъ сказалъ, что я въ такомъ положеніи, что уже необходимо для меня это лѣкарство?» Лейбъ-медикъ Виллié, отвѣтила императрица. Тотчасъ Виллié былъ позванъ. Императоръ повелительно спросилъ его: «Вы думаете, что болѣзнь моя уже такъ зашла далеко?» Виллié, до крайности смущенный такимъ вопросомъ, рѣшился положительно объявиться императору, что онъ не можетъ скрывать того, что онъ находится въ опасномъ положеніи. Государь, совершенно спокойнымъ духомъ, сказалъ императрицѣ: «благодарю васъ, другъ мой, приказывать—я готовъ».

Помимо вышеприведенныхъ разногласій между журналомъ Волконскаго и записками Тарасова, попадаются тамъ и другія, менѣе значительныя, такъ, напримѣръ, Волконскій пишетъ, что въ самое это время (когда императрица говорила о причащеніи) сдѣлался съ государемъ [illegible]

потъ», Тарасовъ же утверждаетъ, что императоръ, по выходѣ императрицы, вскорѣ забылся и заснулъ. Волконскій пишетъ, что послѣ этого разговора «въ 11 часовъ вечера государь просилъ императрицу идти къ себѣ почивать»; изъ записокъ же Тарасова видно, что императрица пришла къ государю только въ 12-мъ часу. Это, конечно, мелочи, но я все таки считаю нужнымъ ихъ отмѣтить.

15-го ноября.

«Жаръ продолжался до 4-хъ часовъ утра. Въ 6 часовъ сдѣлалось его величеству хуже, о чемъ я немедленно доложилъ ея величеству, которая, пришедши къ государю, тотчасъ напомнила о духовникѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ г-нъ Вилліе объявилъ государю, что онъ въ опасности. Его величество приказалъ позвать духовника и, прослушавъ молитвы къ исповѣди, обратился къ императрицѣ, сказалъ: «Il faut me laisser seul». Когда всѣ вышли, то государь изволилъ исповѣдываться, а по окончаніи приказалъ духовнику призвать императрицу, съ коей вошелъ опять и я съ ген.-ад. Дибичемъ и съ докторами Вилліе, Стоффрегеномъ, Тарасовымъ и камердинерами; государь изволилъ пріобщиться С. Тайнъ, послѣ чего духовникъ, поздравляя его величество, просилъ его не отказывать помощь медиковъ и совѣтывалъ по обычаю здѣшнему приставить піявки. Умоляя государя не терять времени, сталъ съ крестомъ въ рукахъ на колѣни. Государь сказалъ «встаньте», и, поцѣловавъ крестъ и духовника, сказалъ, что никогда не ощущалъ бо̀льшаго удовольствія, какъ въ сей разъ; обратился къ императрицѣ, взялъ ея руку и, поцѣловавъ оную, сказалъ: «Jamais je n'ai éprouvé un plus grand plaisir et vous remercie beaucoup». Какъ жаръ не убавлялся, напротивъ того усиливался, то доктора предложили опять піявки; его величество, не отказывая съ тѣхъ поръ ничего, употреблялъ всѣ лѣкарства, какія ему были подносимы; начали съ піявокъ, коихъ поставили за уши 35 по обѣимъ сторонамъ, что продолжалось довольно долго и крови довольно было вытянуто; жаръ хотя и уменьшился, но не надолго, и къ ночи было уже хуже. Прикладывали синапизмы къ рукамъ и бедрамъ».

Записки Тарасова опять во многомъ противорѣчатъ журналу князя Волконскаго (отмѣчаю ниже курсивомъ эти противорѣчія).

«Я всю ночь просидѣлъ подлѣ больного, и, наблюдая за положеніемъ его, замѣтилъ, что императоръ, просыпаясь по временамъ, читалъ молитвы и псалмы, не открывая глазъ. Въ пять съ половиной часовъ утра 15-го ноября *императоръ, открывъ глаза и увидѣвъ меня, спросилъ: «Здѣсь священникъ?—Я тотчасъ сказалъ о семъ барону Дибичу, князю Волконскому и баронету Вилліе,* проводившимъ всю ночь въ пріемномъ залѣ подлѣ кабинета. Князь Волконскій доложилъ о семъ императрицѣ, которая поспѣшила прибыть къ государю. Всѣ вошли въ кабинетъ и стали при входѣ у дверей. Немедленно былъ введенъ протоіерей Ѳедотовъ. Императоръ, приподнявшись на лѣвый локоть, привѣтствовалъ пастыря и просилъ его благословить; получивъ благословеніе, поцѣловалъ руку священника. Потомъ твердымъ голосомъ сказалъ: «Я хочу исповѣдаться и пріобщиться Св. Тайнъ; прошу исповѣдать меня не какъ императора, но какъ простого мірянина; извольте начать, я готовъ приступить къ святому таинству».

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе сцены причащенія и просьбы духовника о принятіи лѣкарствъ.

«*Къ вечеру положеніе императора казалось нѣсколько лучше*».

Бар. Вилліе ограничивается за этотъ день нѣсколькими строками:

«Что за печальная моя миссія объявить ему о его близкомъ разрушеніи (dissolution) въ присутствіи ея величества императрицы, которая пошла предложить ему вѣрное средство: sacrementum».

На слѣдующій день (16) Вилліе подтверждаетъ фактъ причащенія и увѣщеваній Ѳедотова, а также принятія императоромъ нѣкоторыхъ лѣкарствъ.

Я соединилъ записи Вилліе за два дня въ одно, т. к. онѣ представляютъ одно цѣлое и въ сущности обѣ относятся къ событіямъ, имѣвшимъ мѣсто 15-го.

Тутъ-же не могу не упомянуть объ одномъ странномъ обстоятельствѣ, опровергающемъ всѣ вышеприведенныя показанія въ томъ числѣ и самого Вилліе.

Въ декабрѣ 1840 года въ Петербургъ пріѣхалъ англійскій дипломатъ, лордъ Лофтусъ. Въ своихъ запискахъ Лофтусъ упоминаетъ о встрѣчѣ съ Вилліе, а также и о томъ, что

Виллiе разсказывалъ одному общему ихъ другу слѣдующее: когда императору Александру съ его согласія поставили піявки, онъ спросилъ императрицу и Виллiе, довольны-ли они теперь? Они только что высказали свое удовольствіе, какъ вдругъ государь сорвалъ съ себя піявки, которыя единственно могли спасти его жизнь. Виллiе сказалъ при этомъ Лофтусу, что повидимому Александръ искалъ смерти и отказывался отъ всѣхъ средствъ, которыя могли отвратить ее. Вѣроятно, Виллiе сказалъ еще что-нибудь своему соотечественнику, т. к. лордъ Лофтусъ пришелъ къ заключенію, что смерть Александра всегда останется необъяснимой тайной, и дала поводъ ко многимъ неправдоподобнымъ разсказамъ о томъ, что его будто бы отравили, что онъ кончилъ самоубійствомъ или-же, наконецъ, что его будто бы умертвили.

Это указаніе англійскаго дипломата очень интересно: перечисляя неправдоподобные слухи, порожденные событіемъ 19-го ноября, онъ не упоминаетъ въ числѣ ихъ исчезновенія императора и похороны другого лица взамѣнъ его, хотя этотъ слухъ распространился по Россіи сейчасъ-же послѣ таганрогской катастрофы.

16-го ноября.

«Ночь проводилъ худо и все почти въ забытіи; въ 2 часа ночи попросилъ лимоннаго мороженаго, котораго откушалъ одну ложечку, потомъ во весь день ему было худо; къ вечеру положили еще къ ляжкамъ синапизмы, но жаръ не уменьшался. Государь былъ все хуже, въ забытіи и ничего не говорилъ».

Этому немногосклонному показанію кн. Волконскаго разительно противорѣчатъ слѣдующія строки, приводимыя Шильдеромъ (т. 4-й, стр. 383) по дневнику Тарасова:

«Ночь государь провелъ нѣсколько спокойнѣе. Жаръ былъ менѣе сильный; поставленная на затылокъ шпанская мушка хорошо подѣйствовала».

Кстати сказать, г. Василичъ, авторъ «Легенды о Старцѣ Кузьмичѣ и императорѣ Александрѣ I-мъ», цитируя записки Тарасова и Волконскаго, совершенно опускаетъ вышеприведенныя строки.

Что-же касается анонимнаго автора «Histoire de la Maladie»,

который все свое повѣствованіе вообще ведетъ въ необычайно мрачныхъ, трагическихъ краскахъ, (такъ что поневолѣ удивляешься иногда, по какимъ такимъ «informations les plus authentiques» онъ ихъ составлялъ)—заявляетъ, что «усиленіе лихорадки между 3 и 4 часами утра 16-го ноября сопровождалось всѣми признаками смерти (le redoublement de fièvre survenu entre 3 et 4 heures du matin le 16 etait accompagné de tous les indices de la mort).

Невольно обращаетъ на себя вниманіе еще и то обстоятельство, что всѣ имѣющіеся документы часто, какъ мы видѣли, противорѣчащіе одинъ другому, послѣ 15 ноября (день причащенія) становятся удивительно, если можно такъ выразиться, «малословными», даютъ очень мало матерьяла и впадаютъ въ еще большія противорѣчія: мы видѣли примѣръ этого подъ датой 16-го ноября. Перейдемъ къ слѣдующему дню:

17-го ноября.

«Ночью было государю худо, по утру въ шесть съ половиной часовъ положили на спину шпанскую муху. Въ 10 часовъ утра сталъ всѣхъ узнавать и немного говорить, то-есть только просилъ пить. Къ вечеру сдѣлалось хуже, однако позвалъ меня и сказалъ «сдѣлай мнѣ», и остановился; я спросилъ у его величества, что прикажете сдѣлать? Посмотрѣвъ на меня, отвѣчалъ: «полосканье»; отошедъ отъ него, замѣтилъ, что уже нельзя ему полоскать рта, потому что силъ не имѣлъ, чтобы подняться а между тѣмъ забылся опять и былъ всю ночь въ опасности».

Тарасовъ пишетъ, что «болѣзнь достигла высшей степени своего развитія».

Императрица же въ этотъ день написала вдовствующей государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ письмо такого содержанія:

Я не была въ состояніи написать Вамъ со вчерашней почтой. Сегодня... наступило очень рѣшительное улучшеніе (du mieux très decidé) въ состояніи здоровья императора... Вы получаете бюллетени. Слѣдовательно вы могли видѣть, что съ нами было вчера (a quoi nous avons été reduits hier)—и даже еще этой ночью. Но сегодня самъ Вилліе говоритъ, что состояніе здоровья нашего дорогого больного удовлетворительно».

У самого же Вилліе находимъ слѣдующія строки:

«Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Смотрите исторію болѣзни. Князь (Волконскій) въ первый разъ завладѣлъ моей постелью, чтобы быть ближе къ императору. Баронъ Дибичъ находится внизу».

Нельзя не обратить вниманія на это «завладѣніе» Волконскимъ постели Вилліе именно тогда, когда казалось близость доктора, а не генералъ-адъютанта была всего нужнѣе.

18-го ноября.

«По утру государь сталъ немного посильнѣе, что и продолжалось до вечера, но къ ночи сдѣлался опять сильный жаръ, отъ коего пришелъ въ совершенную опасность, ничего уже не говорилъ, но узнавалъ, ибо каждый разъ какъ вскрывалъ глаза и видѣлъ императрицу, то, взявъ ея руки, цѣловалъ и прикладывалъ къ сердцу. Когда я къ нему подошелъ, то изволилъ, взглянувъ милостиво, улыбнуться, и когда я поцѣловалъ руку его величеству, то изволилъ сдѣлать знакъ мнѣ глазами, зачѣмъ я сіе дѣлаю, ибо я зналъ, что онъ не жаловалъ давать свою руку цѣловать. Въ 11 часовъ и 40 минутъ вечера опасность начала прибавляться, и съ тѣхъ поръ все уже былъ въ забытіи».

Воспоминанія Тарасова расходятся съ показаніями кн. Волконскаго въ первой ихъ части, т. е. объ улучшеніи въ теченіи утра и дня; но въ дальнѣйшемъ разногласій не встрѣчается.

«Histoire de la Maladie» расходится съ предыдущими источниками въ указаніяхъ времени, кромѣ того описываетъ утро 18-го съ полнымъ противорѣчіемъ Волконскому (le 18 au grand matin le redoublement de fièvre eut lieu avec les mêmes alarmes») а также упоминаетъ о присутствіи духовника, о которомъ не упоминаетъ ни Волконскій, ни Тарасовъ, ни Вилліе.

Вилліе пишетъ: «Ни малѣйшей надежды спасти моего обожаемаго повелителя. Я предупредилъ императрицу и кн. Волконскаго и Дибича, которые находились—первый у себя, а послѣдній—у камердинеровъ».

Кстати слѣдуетъ отмѣтить, что Вилліе не упоминаетъ о Тарасовѣ; Тарасовъ-же не упоминаетъ о Вилліе и пишетъ, что онъ—Тарасовъ—предупредилъ императрицу и что онъ

дежурилъ ночью при государѣ; авторъ-же «Histoire de la Maladie» утверждаетъ, что дежурнымъ былъ докторъ Добберть, причемъ даже императоръ выразилъ изумленіе, т.-к. не привыкъ его видѣть:

«Ses yeux rencontrent un individu qu'il n'était pas habitué de voir — c'était le medecin Dobbert qui était de service pour le veiller. Son regard était plein de curiosité et de surprise».

19-го ноября.

Государь оставался въ забытіи во все время до конца, въ 10 часовъ и 50 минутъ испустилъ послѣдній духъ. Императрица закрыла ему глаза и, подержавъ челюсть, подвязала платкомъ, потомъ изволила пойти къ себѣ».

Привожу полностью описанія этого утра по другимъ источникамъ.

«*Воспоминанія Тарасова*»:

«Наступило 19-е ноября. Утро было пасмурное и мрачное; площадь передъ дворцомъ вся была покрыта народомъ, который изъ церквей, послѣ моленія объ исцѣленіи государя, приходилъ толпами ко дворцу, чтобы получить вѣсти о положеніи императора. Государь постоянно слабѣлъ, часто открывалъ глаза и прямо устремлялъ ихъ на императрицу и святое распятіе. Послѣдніе взоры его были настоль умилительны и выражали столь спокойное и небесное упованіе, что всѣ мы, присутствовавшіе, при безутѣшномъ рыданіи, проникнуты были невыразимымъ благоговѣніемъ. Въ выраженіи лица его не замѣтно было ничего земного, а райское наслажденіе и ни единой черты страданія. Дыханіе становилось все рѣже и тише».

«*Histoire de la Maladie*».

«Въ четвергъ 19-го ноября, день навсегда прискорбный, пароксизмъ закончился продолжительной агоніей, къ дыханію примѣшивались стоны, которые доказывали страданія больного, а также предсмертная икота. Дыханіе становилось все короче; пять разъ оно совершенно останавливалось и столько же разъ возобновлялось. Въ три четверти одиннадцатаго императоръ испустилъ послѣдній вздохъ въ присутствіи императрицы, которая оставалась одна въ молитвахъ около своего

умирающаго супруга. Она осталась около получаса при бездыханномъ тѣлѣ; это была она, которая закрыла глаза и ротъ покойнику»...

Дневникъ Вилліе:

«Ея величество императрица, которая провела много часовъ вмѣстѣ со мною, одна у кровати императора всѣ эти дни, оставалась до тѣхъ поръ, пока наступила кончина въ 11 часовъ безъ 10 минутъ сегодняшняго утра. Князь, баронъ, доктора, дежурные de vita aeterna gauderi spero».

Прибавимъ еще два показанія: первое—д-ра Добберта («Aus dem Leben Dobberts), того самаго, котораго императоръ такъ удивился видѣть у себя въ комнатѣ; второе—камердинера Федорова.

Доббертъ пишетъ: «Er hatte einen qualvollen Tod, beinahe elf Stunden dauerte der Todeskampf».

(Онъ умеръ мучительной смертью. Борьба со смертью — агонія—продолжалась почти одиннадцать часовъ).

По свѣдѣніямъ камердинера Федорова:

«Она (императрица) полторы сутки находилась при императорѣ; за часъ до кончины, государь, открывъ глаза и видя около себя предстоящихъ любезнѣйшую царицу, барона Дибича, князя Волконскаго и прочихъ особъ, не могъ говорить, но память еще имѣлъ; сдѣлалъ движеніе рукою, звалъ государыню, которая къ нему подошла... Наконецъ, на исходѣ души великаго своего супруга, сама изволила закрыть дражайшему своему царю глаза и, подвязавъ ему платкомъ подбородокъ, заливши слезами, получила сильный обморокъ. Немедленно вынесли ее въ другую комнату».

IV.

Въ предыдущей главѣ я привелъ всѣ документы, относящіеся къ болѣзни императора Александра I вплоть до момента его кончины. Документы эти считаются безспорными, и на нихъ основываются изслѣдователи интересующаго насъ вопроса, отстраняя какую-либо возможность отождествленія Александра съ таинственнымъ старцемъ Федоромъ Кузьмичемъ.

— «Вотъ вамъ записки императрицы, вотъ вамъ воспоминанія врачей, вотъ вамъ офиціальные журналы князя Волконскаго и «Histoire de la Maladie»—развѣ можно возражать противъ такихъ аргументовъ? развѣ можетъ оставаться еще хоть тѣнь сомнѣнія въ подлинности кончины государя именно въ Таганрогѣ 19-го ноября 1825 года?»

Такъ говорятъ эти изслѣдователи, и на первый бѣглый взглядъ кажется, что они правы. Какія въ самомъ дѣлѣ могутъ быть тутъ возраженія противъ показаній очевидцевъ? И какихъ очевидцевъ! Вдовы покойнаго, его врачей, его ближайшаго друга Волконскаго и его камердинера...

Признаюсь, что когда года три тому назадъ я началъ изучать этотъ вопросъ, то, прочитавъ эти документы, а затѣмъ и сочиненія, въ основу которыхъ были положены эти документы, я готовъ былъ вполнѣ присоединиться къ высказанному ими мнѣнію и причислить разсказъ о Федорѣ Кузьмичѣ къ категоріи тѣхъ красивыхъ историческихъ легендъ, которыя дѣлаютъ изъ Григорія Отрепьева—царевича Дмитрія Іоанновича и изъ княжны Таракановой—законную дочь императрицы Елизаветы Петровны отъ ея брака съ графомъ А. К. Разумовскимъ.

Но поставить, такъ сказать, крестъ на эту исторію меня

удержало одно соображеніе: почему покойный Н. К. Шильдеръ, этотъ несомнѣнно лучшій знатокъ жизни императора Александра I, почему онъ допускалъ возможность исчезновенія своего героя изъ Таганрога и «перевоплощеніе» его въ сибирскаго отшельника? Вѣдь не могъ же маститый историкъ увлечься романтической сказкой; долженъ же онъ былъ имѣть какія-нибудь серьезныя данныя для этого? А что Шильдеръ допускалъ эту возможность—это я зналъ навѣрное.

Въ колоссальномъ трудѣ своемъ «Императоръ Александръ I» онъ не могъ, конечно, въ качествѣ—если не офиціальнаго, то офиціознаго—историка открыто высказать свое мнѣніе; но во многихъ мѣстахъ онъ дѣлаетъ на это намеки. И самые прозрачные намеки, по моему мнѣнію, заключаются даже не въ самомъ текстѣ, а въ примѣчаніяхъ и приложеніяхъ къ послѣднему тому. Кромѣ того, всегда безпристрастный великій князь Николай Михайловичъ въ своей «Легендѣ о кончинѣ Александра I» открыто констатируетъ фактъ, что Шильдеръ признавалъ эту возможность.

Чѣмъ же могъ руководствоваться Шильдеръ?

Къ сожалѣнію, Н. К. уже не было въ живыхъ, и мнѣ самому пришлось доискиваться этихъ причинъ. Единственный путь былъ тщательное, кропотливое изученіе документовъ, тѣхъ самыхъ, которые, повидимому, опровергаютъ всякую возможность отнестись серьезно къ «исторіи о Федорѣ Кузьмичѣ».

И вотъ, результаты этого изученія я теперь вкратцѣ предлагаю вниманію читателя, причемъ спѣшу прибавить, что въ слѣдующей главѣ я приведу опять всѣ имѣющіеся документы, охватывающіе періодъ съ 19 ноября до дня похоронъ въ Петропавловской крѣпости.

Великій Князь Николай Михайловичъ (на стр. 16 своей книги), приводя уже извѣстные намъ документы, пишетъ:

«Почти всѣ эти документы сходятся даже въ подробностяхъ о ходѣ болѣзни и о самой кончинѣ государя»...

Августѣйшій историкъ былъ правъ, когда написалъ въ началѣ этой фразы осторожное «почти». Документы эти очень рѣдко сходятся, а иногда даже очень разительно расходятся. Въ предыдущей главѣ я день за днемъ отмѣтилъ эти разногласія, почему и не стану возвращаться къ нимъ. Но не могу не указать еще на одно разногласіе, наиболѣе поразившее меня.

Перечитайте документы, относящіеся къ роковому утру 19-го ноября, и вы не сможете отвѣтить даже на слѣдующіе три (казалось бы важные) вопроса:

1. При какихъ обстоятельствахъ скончался Александръ—спокойно или въ мученіяхъ? въ сознаніи или безъ сознанія?

2. Кто присутствовалъ при кончинѣ? одна-ли императрица или еще кто-нибудь? и если кто-нибудь, помимо ея, присутствовалъ, то кто именно?

3. Какъ держала себя императрица послѣ кончины ея супруга? Спокойно или нѣтъ? Плакала или нѣтъ? Ушла-ли она изъ комнаты сама или съ ней сдѣлался обморокъ и ее вынесли?

Къ этимъ тремъ вопросамъ можно, пожалуй, прибавить еще одинъ: когда точно скончался государь въ 10 ч. 45 мин. или въ 10 ч. 50 м.? И этотъ вопросъ даже не былъ бы особенно придиркой, т. к. мы имѣемъ дѣло съ кончиной исключительно выдающагося лица, а такіе моменты, какъ извѣстно, отмѣчаются съ, такъ сказать, хронометрическою точностью. Напримѣръ, смерть геніальнаго противника Александра I, императора Наполеона, извѣстна съ точностью почти до секунды.

Но опуская этотъ послѣдній вопросъ, могущій показаться придиркой—какіе отвѣты можно безпристрастно дать на первые три, основываясь на «безспорныхъ документахъ»? Не знаю, не знаю и не знаю.

Вѣдь нельзя-же въ самомъ дѣлѣ ссылаться, напримѣръ, въ вопросѣ о количествѣ присутствовавшихъ при кончинѣ на «современные рисунки».

Г. Василичъ въ своей книгѣ приводитъ гравюру (изъ собраній Шибанова), изображающую «Смерть Александра I въ Таганрогѣ», причемъ на этой гравюрѣ, кромѣ самихъ императора и императрицы, изображены еще двѣнадцать (!) человѣкъ; а черезъ страницу тотъ же авторъ приводитъ другую гравюру, изображающую «Императора Александра I въ Ал.-Невской Лаврѣ», на которой императоръ изображенъ въ полномъ одиночествѣ.

Впрочемъ, г. Василичъ—замѣчу мимоходомъ—вообще очень неудачно иллюстрируетъ свою книгу. Такъ, напримѣръ, онъ на отдѣльномъ листѣ сопоставляетъ маску, снятую съ покойнаго въ Таганрогѣ съ портретомъ Федора Кузьмича. Какой смыслъ въ такомъ сопоставленіи? Если Александръ умеръ

въ Таганрогѣ и маска снята съ него, то, очевидно, Кузьмичъ не былъ Александромъ, потому сопоставленіе не имѣетъ никакого значенія, такъ же какъ и въ обратномъ случаѣ—если Кузьмичъ былъ Александръ, а маска была снята съ кого-то другого, похороненнаго вмѣсто императора.

Но это, такъ сказать, только маленькій упрекъ по адресу г. Василича, за который, надѣюсь, онъ на меня не посѣтуетъ.

Возвращаюсь къ интересующимъ насъ документамъ.

Я уже обращалъ вниманіе читателя на замѣтки авторовъ этихъ документовъ отъ 11-го ноября. Объяснюсь.

Мнѣ лично кажется, что именно 11-го ноября случилось что-то особенное, чего мы не знаемъ, но что невольно заставляетъ призадуматься.

За этотъ день императрица пишетъ (противорѣча кн. Волконскому въ подробностяхъ):

«Около 5-ти часовъ я послала за Вилліе и спросила его, какъ обстоитъ дѣло. Вилліе былъ веселъ, онъ сказалъ мнѣ, что у императора жаръ, но что я должна войти, что онъ не въ такомъ состояніи, какъ вчера».

На этомъ записки императрицы обрываются...

Но въ этотъ же самый день 11-го ноября, когда здоровью императора не грозила никакая опасность, когда «Вилліе былъ веселъ» и когда она вечеромъ имѣла бесѣду со своимъ супругомъ, императрица пишетъ письмо своей матери, маркграфинѣ Баденской:

— «Гдѣ убѣжище въ этой жизни? Когда вы думаете, что все устроили къ лучшему и можете вкусить этого лучшаго, является неожиданное испытаніе, которое отнимаетъ отъ васъ возможность наслаждаться окружающимъ»... (Où est le refuge dans cette vie? Lorsqu'on croit avoir tout arrangé pour le mieux et pouvoir le gouter, il survient une épreuve inattendu, qui ôte la faculté de jouir du bien dont on est entouré).

Далѣе, почему записки императрицы на этомъ днѣ обрываются? Неужели она вдругъ прекратила писать? А если она продолжала ихъ писать,—куда дѣвалось продолженіе? Записки эти хранились и хранятся по сію пору въ собственной Его Величества библіотекѣ. Или быть можетъ императоръ Николай I, «любившій», по выраженію одного лица въ частномъ

письмѣ ко мнѣ, лица, которое я не считаю себя въ правѣ назвать—«уничтожать многое, касающееся брата и между прочимъ весь дневникъ императрицы Маріи Феодоровны», уничтожилъ также и продолженіе этихъ записокъ вдовы своего брата?

И почему императоръ Николай Павловичъ истреблялъ нѣкоторые документы, относящіеся къ жизни Александра I? Какъ извѣстно, онъ очень любилъ его, высоко почиталъ; ихъ связывала самая сердечная дружба. Слѣдовательно, нельзя допустить мысли, что имъ руководило желаніе загасить воспоминаніе о его братѣ въ будущихъ поколѣніяхъ. Разница въ политическихъ воззрѣніяхъ? Желаніе не обнаруживать передъ исторіей этой разницы? Нѣтъ, и этого нельзя допустить, т. к. именно тѣ документы, которые относятся къ первой половинѣ царствованія Александра, т. е. къ той эпохѣ, которая наиболѣе по своимъ политическимъ идеямъ разнится отъ эпохи императора Николая I,—эти документы не уничтожены.

Да это и не соотвѣтствовало-бы характеру самого Николая I. Можно считать его царствованіе царствованіемъ реакціи, можно не соглашаться съ принципами, положенными имъ въ основу его общественной и политической дѣятельности, но нельзя отрицать того, что онъ былъ цѣльная фигура, сильный и даже самомнѣнный человѣкъ, гордый и немелочный, который не сталъ бы скрывать убѣжденія своего предшественника на престолѣ и уподобляться страусу, прячащему голову подъ крыло и думающему, что его никто не видитъ, потому что онъ самъ никого не видитъ.

Нѣтъ, императоръ Николай уничтожалъ—насколько намъ извѣстно—документы, относящіеся именно къ послѣднимъ годамъ царствованія Александра и преимущественно тѣ, которые носили не офиціальный характеръ, а частный, интимный, семейный.

Повторяю, я считаю невозможнымъ, чтобы императрица Елизавета Алексѣевна внезапно прекратила свои записки на *11-мъ ноябрѣ*. Должно было быть продолженіе; и вотъ это-то продолженіе—не существуетъ, не дошло до насъ.

Если оно существовало—оно, очевидно, было уничтожено, т. к. заключало въ себѣ что-то, что не должно было стать достояніемъ потомства.

Если же я ошибаюсь, и императрица дѣйствительно пре-

кратила на этомъ днѣ свои записки, то передъ нами опять возстаетъ тотъ-же вопросъ—почему она прекратила ихъ писать? Это заколдованный кругъ, изъ котораго нельзя выбраться. Единственный логическій выходъ, размыкающій этотъ кругъ, это предположеніе, или даже увѣренность, что 11-го ноября 1825 года, разговоръ императора Александра съ его супругой былъ не простой бесѣдой, а заключалъ въ себѣ что-то настолько серьезное, что побудило или императрицу прекратить свои записки, или императора Николая уничтожить продолженіе ихъ.

Но это еще не все, что заставляетъ насъ серьезно призадуматься надъ этимъ таинственнымъ числомъ 11-го ноября. Мы видѣли, что П. М. Волконскій въ своемъ офиціальномъ журналѣ отмѣтилъ подъ датой 9-го ноября, что императоръ Александръ приказалъ начальнику штаба, генералъ-адъютанту барону Дибичу извѣстить о своей болѣзни цесаревича Константина Павловича. И тутъ-же кн. Волконскій приписалъ потомъ: «сіе распоряженіе г. Дибичу дано было 11 ноября, а не 9-го».

Какъ понять эту приписку? Не надо забывать, что мы имѣемъ дѣло съ офиціальнымъ документомъ. Не могъ-же кн. Волконскій ошибиться на два дня, приводя такое важное указаніе, какъ офиціальное извѣщеніе цесаревича императоромъ о его болѣзни. Я говорю офиціальное извѣщеніе, т. к. иначе его трудно назвать. Императоръ Александръ былъ въ не менѣе, если даже не болѣе, дружескихъ отношеніяхъ со своимъ братомъ Константиномъ, чѣмъ онъ былъ съ Николаемъ.

9-го ноября онъ лично пишетъ пространное письмо своей матери, вдовствующей императрицѣ Маріи Федоровнѣ, но — Константину Павловичу письма не посылаетъ, а поручаетъ это сдѣлать своему начальнику штаба.

Невольно вспоминаются слова императора, сказанныя имъ еще въ бытность его въ Варшавѣ цесаревичу Константину: «когда придетъ время абдикировать, то я дамъ тебѣ знать, и ты мысли свои напиши къ матушкѣ».

Почему «къ матушкѣ», а не «ко мнѣ»?

По той-же, надо полагать, причинѣ, почему самъ Александръ, «давая знать» о своей болѣзни цесаревичу, написалъ лично письмо «къ матушкѣ».

Очевидно, императрица Марія Федоровна являлась передаточной инстанціей, связующимъ звеномъ между Александромъ

и Константиномъ въ таинственной ихъ перепискѣ о возможныхъ отреченіяхъ отъ престола и престолонаслѣдія. И тутъ снова приходитъ на память фактъ сожженія императоромъ Николаемъ дневника императрицы Маріи Федоровны, «матушки» Александра, Константина и его самого—Николая.

Но, однако,—какъ можно объяснить приписку кн. Волконскаго о томъ, что цесаревичъ былъ извѣщенъ бар. Дибичемъ не 9-го, а 11-го ноября?

Конечно, не невольной ошибкой въ датахъ. Такое предположеніе недопустимо. Ошибиться Волконскій не могъ. Слѣдовательно, онъ сдѣлалъ это намѣренно. Ему, очевидно, по нѣкоторымъ соображеніямъ, внезапно показалось неудобнымъ отнести къ одному и тому же дню письмо Александра къ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ и официальное распоряженіе, данное государемъ Дибичу. Но почему онъ избралъ для своей «поправки» именно 11-е ноября? Или—потому что это число почему-либо особенно запечатлѣлось въ его памяти, или потому что ему понадобилось «пригнать» день, когда государь далъ распоряженіе Дибичу, къ числу особенно значительному, которое когда-нибудь, въ будущемъ могло бы быть выяснено и поставлено въ связь съ другими датами и документами, документами... до насъ недошедшими, по крайней мѣрѣ въ значительной ихъ части.

Но мнѣ еще придется говорить о князѣ Волконскомъ, какъ объ одномъ изъ главнѣйшихъ актеровъ таганрогской драмы. Пока я ограничусь, помимо вышеприведенныхъ строкъ, еще однимъ замѣчаніемъ по поводу его «Журнала».

Журналъ этотъ, несомнѣнно, написанъ былъ post factum, и по особому приказанію.

Онъ помѣченъ 7-мъ декабря и посланъ въ Петербургъ статсъ-секретарю Г. И. Вилламову съ препроводительнымъ письмомъ, начинающимся такими словами:

«Милостивый Государь Григорій Ивановичъ. Получивъ отношеніе Вашего Превосходительства изъ С.-Петербурга отъ 27-го ноября и во исполненіе высочайшей воли государыни императрицы Маріи Феодоровны, мнѣ объявляемой, спѣшу при семъ доставить собранный собственно для себя Журналъ о болѣзни въ Бозѣ почивающаго покойнаго государя императора Александра Павловича, который пола-

галъ хранить драгоцѣннымъ памятникомъ нахожденія моего при послѣднемъ концѣ жизни обожаемаго мною монарха, при лицѣ котораго имѣлъ счастье быть ровно 29 лѣтъ.—Изъ сего журнала ея императорское величество изволитъ усмотрѣть, что 14-го числа покойный государь императоръ, казалось, не полагалъ себя въ опасности и мало вообще изволилъ говорить, съ того-же числа память его начала совершенно упадать, и съ трудомъ выговаривалъ слова, когда просилъ пить или чего другого»...

Продолженіе этого письма Волконскаго къ Вилламову касается обстоятельствъ, послѣдовавшихъ событію 19-го ноября, и я позже приведу его полностью съ тѣхъ самыхъ словъ, на которыхъ прерываю его теперь.

Нельзя не удивиться этому началу письма. Во-первыхъ, какъ я уже упомянулъ, оно свидѣтельствуетъ, что императрица Марія Феодоровна (опять она, добавлю между скобокъ) потребовала отъ Волконскаго, чтобы онъ прислалъ «Журналъ болѣзни».

Письмо Вилламова, сопровождавшее это «требованіе», было послано изъ Петербурга 27-го ноября, и получено было не ранѣе 6-го декабря, т. е. наканунѣ дня, когда князь Волконскій послалъ свой отвѣтъ. Говорю—не ранѣе, т. к. даже экстра-почта не могла прослѣдовать изъ Петербурга до Таганрога скорѣе, чѣмъ въ девять-десять дней; даже извѣстіе о событіи 19-го ноября дошло до Петербурга только на девятый день, а именно 27-го ноября. 27-го ноября, т. е. въ тотъ самый день, когда Вилламовъ по приказанію императрицы Маріи Феодоровны послалъ князю Волконскому свое письмо.

Изъ сопоставленія этихъ чиселъ явствуетъ, что немедленно, всего черезъ нѣсколько часовъ по полученіи извѣстія о событіи въ Таганрогѣ, императрица Марія послала черезъ Вилламова официальный запросъ Волконскому, который въ свою очередь немедленно же послалъ Вилламову наскоро составленный «Журналъ о болѣзни» и приведенное выше письмо.

Князь Волконскій, былъ очевидно, застигнутъ врасплохъ требованіемъ императрицы Маріи, т. к. письмо его противорѣчитъ даже приложенному къ нему журналу.

Изъ письма явствуетъ, что до 14-го ноября «государь мало

вообще говорилъ, съ того-же числа память его начала совершенно упадать, и съ трудомъ выговаривалъ слова»...

Волконскій забылъ, что даже въ его журналѣ—не говоря уже о другихъ журналахъ—до 14-го государь вовсе не чувствовалъ себя такъ ужъ плохо, что въ самое утро 14-го «онъ дѣлалъ весь свой туалетъ и брился какъ обыкновенно», что къ вечеру «онъ отсылалъ всѣхъ съ гнѣвомъ, чтобы оставили его въ покоѣ, ибо нервы и безъ того разстроены»; что 15-го утромъ приходилъ духовникъ, съ которымъ государь говорилъ больше часа и т. д., и т. д.

Все это поневолѣ заставляетъ подумывать о такой возможной сценѣ. Въ Петербургѣ получается извѣстіе о кончинѣ императора. Императрица Марія Федоровна—женщина, какъ извѣстно, большого ума и такта—немедленно, не успѣвъ, такъ сказать, даже и *погоревать* и одного часа, думаетъ о томъ, что необходимы официальныя подробности о болѣзни и смерти, и приказываетъ статсъ-секретарю Вилламову немедленно-же затребовать таковыя—отъ кого—?... не отъ барона Дибича, не отъ лейбъ-медика Вилліе, которые по положенію своему являются лицами, къ кому официальный запросъ могъ бы быть обращенъ, а къ князю П. М. Волконскому, личному другу императора.

Волконскій получаетъ письмо Вилламова, теряется, понимаетъ смыслъ запроса императрицы Маріи, наскоро набрасываетъ краткій дневникъ—не безъ наивности начиная его съ 5-го ноября (т. е. со дня пріѣзда въ Таганрогъ)—перепутываетъ подробности, за неимѣніемъ времени согласовать свои показанія съ показаніями другихъ лицъ, и отсылаетъ его съ приложеніемъ письма, которое онъ опять-таки не имѣетъ времени согласовать даже съ собственнымъ своимъ скороспѣлымъ журналомъ.

Мнѣ скажутъ—это изъ области фантазіи. Я спрошу—а какое вы можете дать другое объясненіе, которое хотя бы маломальски объясняло всѣ указанныя противорѣчія? Эту изумительную поспѣшность, съ которой императрица Марія запросила князя Волконскаго и кн. Волконскій отвѣтилъ на запросъ? Желаніемъ ея узнать немедленно подробности о болѣзни сына?—Нѣтъ. Она получала бюллетени о состояніи его здоровья. Журналъ кн. Волконскаго былъ несомнѣнно соста-

вленъ заднимъ числомъ, наскоро и въ силу особыхъ обстоятельствъ.

Теперь перейдемъ къ другимъ документамъ.

Изъ нихъ первое мѣсто, конечно, занимаютъ записки императрицы; но именно этотъ драгоцѣнный документъ обрывается на загадочномъ 11-го ноября...

Затѣмъ слѣдуютъ записки лейбъ-медика баронета Я. В. Виллiе. Отрывистыя, порою загадочныя фразы, наскоро набросанныя, и значеніе которыхъ сводится на нѣтъ, хотя бы ужъ однимъ вышеприведеннымъ разговоромъ ихъ автора съ другомъ лорда Лофтуса. Кромѣ того, эти записки тоже писаны заднимъ числомъ, хотя и съ явнымъ намѣреніемъ придать имъ видъ писанныхъ день за днемъ. Въ этомъ отношеніи характерна фраза «какъ я припоминаю» (отъ 12-го ноября).

Воспоминанія доктора Д. К. Тарасова. Они написаны много лѣтъ спустя и, какъ говоритъ Шильдеръ, въ нихъ «всѣ числа перепутаны и требуютъ поправокъ». Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что Тарасовъ, по его-же признанію, былъ впервые приглашенъ къ государю только 14-го ноября вечеромъ. Многія его указанія идутъ въ разрѣзъ съ другими источниками; это, конечно, можетъ быть объяснено именно тѣмъ фактомъ, что они написаны много лѣтъ спустя; но что подрываетъ къ нимъ довѣріе, это—невѣрная передача, даже искаженіе фактовъ, имѣвшихъ мѣсто 19-го ноября утромъ.

Тарасовъ могъ перепутать «за давностью лѣтъ», когда съ императоромъ «приключился обморокъ», кто и въ какой часъ приходилъ навѣщать государя, но онъ *не могъ* забыть обстоятельствъ, сопровождавшихъ послѣднія минуты. А между тѣмъ въ описаніи этихъ послѣднихъ минутъ онъ становится въ рѣзкое противорѣчіе даже съ такимъ «высоко-официальнымъ источникомъ», какъ «Histoire de la Maladie».

Но перейдемъ къ описанію того, что происходило послѣ роковаго утра 19-го ноября.

V.

Тѣло оставалось во дворцѣ съ 19-го ноября до 11-го декабря; затѣмъ было перенесено въ соборъ Александровскаго Монастыря и «поставлено на устроенномъ тамъ катафалкѣ, подъ балдахиномъ, увѣнчаннымъ императорскою короною. Въ соборѣ ежедневно совершалось архіерейское служеніе, а поутру и ввечеру панихиды. Тамъ тѣло оставалось до 29-го декабря 1825 г. Въ этотъ день печальная процессія двинулась изъ Таганрога на дальній сѣверъ. (Шильдеръ, т. IV, стр. 433). Перевозъ тѣла продолжался ровно два мѣсяца; процессія прибыла въ Царское Село 28-го февраля 1826 года.

Разберемся сперва въ документахъ, относящихся къ періоду отъ 19-го ноября до 29 декабря, т. е. къ промежутку времени, заключающемуся между днемъ смерти и днемъ, когда тѣло покинуло Таганрогъ.

Александръ скончался 19-го ноября около 11 часовъ утра. Вскрытіе тѣла было сдѣлано 20-го числа въ 7 часовъ вечера, т. е. тридцать два часа спустя послѣ смерти, промежутокъ весьма значительный, особенно принявъ важность обстоятельствъ, необходимость немедленнаго бальзамированія, присутствіе большого количества врачей и т. п.

Что происходило въ таганрогскомъ дворцѣ за эти два дня? Какіе имѣются документы?

Князь П. М. Волконскій обрываетъ свой журналъ на моментѣ смерти. Въ письмѣ къ статсъ-секретарю Т. И. Виллямову онъ не даетъ никакихъ подробностей—да и не только

подробностей, а и вообще никакихъ свѣдѣній—о томъ, что происходило послѣ 10 часовъ 50 мин. утра 19-го ноября.

Я привелъ въ предыдущей главѣ начало этого письма; привожу вторую его часть:

...Касательно печальной церемоніи, то я имѣлъ честь увѣдомить Ваше превосходительство, что мною здѣсь исполнено по сіе время; а вчера свинцовый гробъ съ тѣломъ поставленъ въ деревянный, обитый золотымъ глазетомъ съ золотымъ газомъ и усыпанный шитыми императорскими гербами на томъ-же катафалкѣ подъ тономъ, въ траурномъ залѣ. Сегодня (т. е. 7-го декабря) надѣта порфира и золотая императорская корона. Когда оконченъ будетъ катафалкъ въ церкви греческаго монастыря, тогда тѣло перевезется туда, гдѣ останется впредь до высочайшаго разрѣшенія, ожидаемаго изъ С.-Петербурга, на основаніи объявленнаго мнѣ о томъ изъ Варшавы отъ 27-го ноября повелѣнія отъ его императорскаго величества государя императора Константина Павловича. Мнѣ необходимо нужно знать, совсѣмъ-ли отпѣвать тѣло при отправленіи отсюда, или отпѣваніе будетъ въ С.-Петербургѣ, которое, ежели осмѣливаюсь сказать свое мнѣніе, приличнѣе полагаю сдѣлать-бы здѣсь, ибо хотя тѣло и бальзамировано, но отъ здѣшняго сырого воздуха лицо все почернѣло, и даже черты лица покойнаго совсѣмъ измѣнились, черезъ нѣсколько же времени и еще потерпятъ; почему и думаю, что въ С.-Петербургѣ вскрывать гробъ не нужно, и въ такомъ случаѣ должно будетъ совсѣмъ отпѣть, о чемъ прошу Васъ испросить высочайшее повелѣніе и меня увѣдомить чрезъ нарочнаго.—Здоровье ея императорскаго величества вдовствующей государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны весьма посредственно. Вотъ уже нѣсколько ночей кряду изволятъ худо оныя проводить и чувствуетъ судороги въ груди, принимая однакожъ прописываемыя г-мъ Стоффрегеномъ лекарства. Ежедневно два раза присутствовать изволятъ у панихидъ. Фрейлинѣ Валуевой и г-ну Стоффрегену объявлено, чтобы какъ можно подробнѣе доносили о здоровьѣ ея императорскаго величества.—Покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, повергнуть меня къ стопамъ Е. И. В. Гос. Имп-цы Маріи Феодоровны за всемилостивый отзывъ ея величества обо мнѣ, который остается единственнымъ мнѣ утѣшеніемъ послѣ сдѣланной ужаснѣйшей потери. Да подкрѣ-

питъ Всевышній силы ея императорскаго величества въ столь чрезмѣрной ея печали и продлитъ дни ея, для всѣхъ насъ столь драгоцѣнные. Вашего Превосходительства покорнѣйшій

слуга К. Петръ Волконскій».

Ничто въ этой второй части письма не говоритъ намъ — какъ я уже указывалъ выше—о томъ, что происходило въ Таганрогскомъ дворцѣ послѣ момента смерти: единственное, что мы можемъ изъ него почерпнуть, это что императрица присутствовала ежедневно на панихидахъ. А между тѣмъ не слѣдуетъ забывать, что письмо это было послано 7-го декабря и казалось-бы могло содержать въ себѣ какія-либо подробности о томъ, что происходило между 19-го ноября и 7-го декабря.

Это—первое, что поражаетъ въ письмѣ кн. Волконскаго. Второе, это настойчивость, съ которой князь совѣтуетъ отпѣть тѣло въ Таганрогѣ и, въ связи съ этимъ совѣтомъ, его фраза «лицо все почернѣло и даже черты лица покойнаго совсѣмъ измѣнились, чрезъ нѣсколько же времени и еще потерпятъ».

Что черты лица *измѣнились*—это мы знаемъ также и изъ другихъ документовъ, но что «лицо все почернѣло» и что «чрезъ нѣсколько времени (т. е. при привозѣ тѣла въ Петербургъ) черты лица и еще потерпятъ», эти указанія не находятъ себѣ подтвержденія въ другихъ документахъ и даже противорѣчатъ имъ. Я послѣ приведу эти документы; пока же прошу читателя обратить вниманіе на эти слова Волконскаго, которыя безспорно наводятъ на мысль, что вѣрный другъ императора Александра усиленно настаивалъ на томъ, чтобы гробъ былъ запаянъ въ Таганрогѣ и не открывался болѣе.

Затѣмъ нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что Волконскій пишетъ слова «тѣло» «покойнаго» ни разу не прибавляя къ нимъ какого-либо эпитета, въ родѣ «въ Бозѣ почившаго государя» или «Его императорскаго величества» и т. п.; что совершенно не вяжется съ обычнымъ стилемъ Волконскаго и тѣмъ болѣе въ офиціальномъ письмѣ.

Перехожу къ другимъ документамъ.

Баронетъ Вилліе пишетъ подъ датой 20-го ноября:

«Какъ скоро его величество скончался, даже до того, нѣкоторыя лица удостовѣрились въ вещахъ и въ короткое время

бумаги были запечатаны; обмѣнивались замѣчаніями зависти, горечи объ отсутствующемъ».

Это—все. И мало, и... много.

«Нѣкоторыя лица» даже до того, что государь скончался, «удостовѣрились въ вещахъ» и опечатали бумаги.

Эта картина послѣднихъ минутъ императора не особенно походитъ на ту, которую даетъ Тарасовъ: «всѣ свитскіе и придворные стояли въ опочивальнѣ во всю ночь и ожидали конца этой сценѣ, который приближался ежеминутно».

Эти «нѣкоторыя лица», «удостовѣряющіяся въ вещахъ, заставляютъ скорѣе думать, что въ моментъ кончины, въ спальнѣ дѣйствительно никого не было, кромѣ императрицы, какъ о томъ свидѣтельствуетъ «Histoire de la maladie» и о чемъ можно заключить также и изъ записокъ самого Вилліе (отъ 19-го ноября) и изъ журнала кн. Волконскаго, который, какъ мы видѣли, умалчиваетъ о лицахъ, присутствовавшихъ въ роковую минуту и говоритъ только объ императрицѣ, закрывшей глаза покойному.

Помимо этого, странно еще также, что Вилліе, знавшій всѣхъ придворныхъ, употребляетъ такое энигматическое выраженіе, какъ «нѣкоторыя лица». Почему онъ не называетъ ихъ по именамъ? Да и кто могли быть эти лица? Мы знаемъ поименно весь штатъ императора въ Таганрогѣ. Этими «лицами»—по занимаемому ими положенію—могли быть только кн. П. М. Волконскій и баронъ Дибичъ. И, дѣйствительно, въ письмѣ Дибича на имя «Императора» Константина Павловича отъ 19-го ноября, мы находимъ прямое указаніе на это: «nous avons cacheté avec le prince Volkonsky les papiers qui se trouvaient dans le cabinet de S. M. l'Empereur».

Почему Вилліе предпочелъ не назвать ихъ?

Но перейдемъ къ другимъ документамъ. Во-1-хъ, что сталось съ императрицей?

20-го ноября она уѣхала изъ дворца въ частный домъ г.г. Шихматовыхъ, гдѣ и оставалась до 29-го числа, а затѣмъ спять возвратилась во дворецъ. Въ связи съ ея пребываніемъ у Шихматовыхъ находятся два малоизвѣстныхъ документа, цитируемые полностью великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ въ «Легендѣ о кончинѣ имп. Александра I».

Эти документы—два письма отъ неизвѣстнаго лица изъ семьи Шихматовыхъ къ матери и брату.

Въ нихъ разсказывается съ чужихъ словъ о болѣзни и смерти императора болѣе или менѣе согласно съ приведенными мною въ главѣ III источниками. Новыми въ нихъ являются только слѣдующія сообщенія:

«...Сего дня 18-го по утру прислалъ князь Волконскій къ моему зятю просить, чтобы онъ приготовилъ свой домъ на случай всеобщаго несчастья для императрицы, которую они располагали перевезти къ намъ... Сію минуту пришла моя женщина изъ дворца сказать намъ, что, слава Всевышнему, нашему государю императору сдѣлалось лучше, и сейчасъ взяли здѣшняго штабъ-лѣкаря Александровича, о которомъ предложилъ мой зять, ибо онъ въ моемъ домѣ пользуетъ двадцать лѣтъ, и особливо горячки чудеснымъ образомъ лѣчитъ»... «Сейчасъ пришли сказать, что въ полночь, въ 12 часовъ, сдѣлалось опять очень худо, и онъ страдаетъ...—19-го числа въ 11 часовъ. Нѣтъ у насъ больше нашего отца, и мы несчастные должны Вамъ нашу сердечную горесть сообщить»...

«...Императрицу до сихъ поръ милосердый Богъ укрѣпляетъ, которую просили переѣхать къ намъ на домъ, на что она не хотѣла согласиться и сказала князю Волконскому: «я увѣрена, что Вы раздѣляете со мной мое несчастье, но неужели Вы думаете, что меня привязывала одна корона къ моему мужу? Я прошу Васъ не разлучать меня съ нимъ до тѣхъ поръ, покуда есть возможность»,—послѣ чего никто ее не смѣлъ просить, и она оставалась цѣлый день одна въ своихъ комнатахъ, и ходила безпрестанно къ тѣлу безъ свидѣтелей... На другой день опять просилъ ее князь переѣхать къ намъ въ домъ, хотя на нѣсколько дней, на что она согласилась, и уже 4-ый день у насъ; но она изволитъ ѣздить всякій день къ тѣлу, и совершенно неутѣшна».

Въ приведенныхъ выше письмахъ—оставляя въ сторонѣ сообщеніе о д-рѣ Александровичѣ, о которомъ ни въ одномъ официальномъ документѣ не упоминается, а также и двусмысленную фразу императрицы, обращенную къ Волконскому—нельзя не обратить вниманія на то весьма странное указаніе, что еще 18-го утромъ, когда по журналу Волконскаго «государь сталъ немного посильнѣе, что и продолжалось до вечера»,

тотъ же самый Волконскій проситъ Шихматовыхъ приготовить ихъ домъ для императрицы. Припомнимъ кстати, что именно въ ночь съ 17-го на 18-е, Волконскій «въ первый разъ завладѣлъ» постелью Вилліе, «чтобы быть ближе къ императору».

Есть еще одно обстоятельство, касающееся этихъ писемъ, которое нельзя обойти молчаніемъ.

Копіи эти находились въ футлярѣ, въ которомъ хранится гипсовая маска императора. Маска и бумаги были найдены въ Большомъ Царскосельскомъ дворцѣ въ собственныхъ комнатахъ императора Александра II; нынѣ эти бумаги находятся въ рукописномъ отдѣленіи собственныхъ Его Величества библіотекъ (Вел. Кн. Николай Михайловичъ, «Легенда о конч. Имп. Ал. I»).

Не странно-ли, что кому-то понадобилось снять копіи съ частныхъ семейныхъ писемъ и что копіи эти постигла такая совершенно удивительная судьба: быть найденными въ собственныхъ комнатахъ Александра II, хранящимися въ футлярѣ, вмѣстѣ съ такой реликвіей, какъ маска, снятая съ покойнаго?

Такую участь, пожалуй, могли-бы еще имѣть «Актъ о кончинѣ», «Протоколъ вскрытія тѣла», но какія-то письма, настолько, казалось бы, малозначущія, что даже имя писавшаго ихъ неизвѣстно?...

Но перехожу къ другимъ документамъ, которымъ изслѣдователями занимающаго насъ вопроса приписывается—и вполнѣ справедливо—особо важное значеніе.

Первое мѣсто занимаютъ письма императрицы Елизаветы Алексѣевны къ ея матери Маркграфинѣ Баденской и ея свекрови вдовствующей императрицѣ Маріи Федоровнѣ.

Привожу эти письма полностью:

1. Къ Маркграфинѣ Баденской, 19-го ноября.

«Ah! maman! Je suis la plus malheureuse créature sur la terre. J'ai voulu vous dire seulement que j'existe après la perte, de cet Ange martyrisé par la maladie et qui néanmoins avait toujours pour moi un sourire ou un regard de bienveillance, quand meme il ne reconnaissait personne. Oh! maman, maman! que je suis malheureuse, comme vous souffrirez avec moi! Grand Dieu, quelle destinée! je suis abimée par la douleur, je ne

me comprends pas, je ne comprends pas ma destinée, enfin je suis bien malheureuse. Le souvenir de sa profonde resignation en toute chose me soutiendra. Ma bonne maman! comme vous souffrirez avec moi».

I. Къ маркграфинѣ Баденской, 19 ноября.

«Я самое несчастное созданіе на землѣ. Я хотѣла сказать вамъ только, что я еще существую послѣ потери этого ангела, который, несмотря на измучившую его болѣзнь, всегда находилъ для меня благосклонную улыбку или взглядъ, даже когда онъ никого не узнавалъ. О, матушка! матушка! Какъ я несчастна, какъ вы будете страдать вмѣстѣ со мной! Боже, какая судьба! Я подавлена горемъ, я не понимаю самое себя, я не понимаю своей судьбы, словомъ—я очень несчастна. Воспоминаніе о его глубокой покорности во всемъ—поддержитъ меня. Моя добрая матушка! какъ вы будете страдать со мною!».

2. Къ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, 19-го ноября.

«Chère Maman! Notre ange est au ciel et moi sur la terre; de tous ceux qui le pleurent la créature la plus malheureuse, puissé-je le joindre bientot! Oh, mon Dieu c'est presque au dela des forces humaines, mais puisque je l'a envoyé sans doute il faut pouvoir le supporter. Je ne me comprends pas, je ne sais si je rêve, je ne puis pas combiner, ni comprendre mon existence. Voici de ses cheveux, chere maman! Hélas! Pourquoi a-t-il du souffrir autant! Mais sa figure maintenant ne porte plus que l'expression de la satisfaction et de la bienveillance qui lui sont naturelles. Il semble approuver ce qui se passe autour de lui. Ah! chère maman, que nous sommes tous malheureux! Tant qu'il sera ici, je reste ici, quand il partira si on le trouve possible, je partirai aussi. J'irai avec lui tant que je pourrai. Je ne sais encore ce que je deviendrai; chère maman, conservez moi vos bontés».

II. Къ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, 19-го ноября.

«Дорогая матушка! Нашъ ангелъ на небѣ, а я—на землѣ; о, если бы я, несчастнѣйшее существо изъ всѣхъ тѣхъ, кто его оплакиваетъ, могла скоро соединиться съ нимъ! Боже мой! Это почти свыше силъ человѣческихъ, но разъ Онъ это по-

слалъ, нужно имѣть силы перенести. Я не понимаю самое себя. Я не знаю не сплю-ли я; я ничего не могу сообразить, ни понять моего существованія. Вотъ его волосы, дорогая матушка! Увы! Зачѣмъ ему пришлось такъ страдать! Но теперь его лицо хранитъ только выраженіе удовлетворенности и благосклонности ему свойственной. Кажется, что онъ одобряетъ все то, что происходитъ вокругъ его. Ахъ, дорогая матушка! какъ мы всѣ несчастны! Пока онъ останется здѣсь—и я останусь, а когда онъ уѣдетъ, уѣду и я, если это найдутъ возможнымъ. Я послѣдую за нимъ, пока буду въ состояніи слѣдовать. Я еще не знаю, что будетъ со мною дальше; дорогая матушка, сохраните ваше доброе отношеніе ко мнѣ».

По поводу этого письма Шильдеръ пишетъ.

«Замѣтимъ здѣсь, что до сихъ поръ этотъ историческій документъ передавался въ различныхъ сочиненіяхъ, въ совершенно искаженномъ видѣ».

3. Къ Маркграфинѣ Баденской, 21-го ноября.

Je vous écris, chère et bonne maman, sans savoir que vous dire. Je suis incapable de rendre ce que j'eprouve. C'est une douleur continue, un sentiment de desolation, auquel je crains parfois que ma religion ne succombe. Oh! mon Dieu! c'est presque au dela de mes forces. Si encore je n'avais pas reçu de lui tant de caresses, tant de temoignages de tendresse presque jusqu'au dernier moment et il fallut voir expirer cet être angelique, qui conservait la faculté d'aimer, ayant perdu celle de comprendre. Que faire de ma volonté qui lui etait soumise, de ma vie que j'aimais a lui consacrer. Oh! maman, maman, que faire, que devenir? Je ne vois plus rien devant moi. Je reste ici tant qu'il sera, quand il partira, je partirai aussi, je ne sais quand où j'irai. Je ne puis vous en dire d'avantage, ma bonne maman, je me porte bien, ne souffrez pas trop pour moi, mais si j'osais, je desirerais bien suivre celui qui etait le but de ma vie—».

III. Къ маркгр. Баденской, 21-го ноября.

«Я пишу вамъ, дорогая и добрая матушка, сама не зная, что вамъ сказать. Я не въ силахъ передать то, что я испытываю. Это—непрестанная боль, чувство отчаянія, съ которымъ—я временами борюсь—безсильна бороться моя вѣра. Боже мой!

это почти свыше моихъ силъ. Если бъ еще я не видѣла съ его стороны столько ласки, столько нѣжности почти до послѣдней минуты и если-бъ мнѣ не пришлось присутствовать при кончинѣ этого ангельскаго существа, которое не утеряло способности любить, утерявъ способность понимать. Что мнѣ дѣлать съ моей волей, которая была ему подчинена и съ моей жизнью, которую я любила посвящать ему! О, матушка! что мнѣ дѣлать? что мнѣ дѣлать съ собой? я больше ничего не вижу предъ собой. Я останусь здѣсь, пока онъ здѣсь останется; когда онъ уѣдетъ, уѣду и я. Я не знаю, когда и куда я поѣду. Больше я ничего не могу вамъ сказать, моя дорогая матушка; я чувствую себя хорошо, не терзайтесь слишкомъ много за меня, но если-бъ я смѣла, я бы охотно послѣдовала за тѣмъ, кто являлся цѣлью моей жизни».

Эти письма выражаютъ приличную случаю скорбь, и ничего другого императрица, конечно, не могла написать. Какъ отдѣльные документы—ихъ комментировать нельзя; съ ними надо считаться въ общей картинѣ таганрогской драмы. Изъ отдѣльныхъ фразъ можно обратить вниманіе на ту, въ которой императрица говоритъ, что останется въ Таганрогѣ до тѣхъ поръ, пока «онъ» останется, и уѣдетъ, когда «онъ» уѣдетъ (quand il partira je partirai aussi). Эта фраза дословно повторяется въ письмѣ отъ 19-го ноября къ императрицѣ Маріи и въ письмѣ отъ 21-го къ Маркграфинѣ Баденской, причемъ въ первомъ добавлены слова «si on le trouve possible» (если это найдутъ возможнымъ). Эта приписка въ письмѣ, обращенномъ къ императрицѣ Маріи, довольно характерна, такъ же, какъ и употребленное Елисаветой Алексѣевной безличное мѣстоимѣніе «on». Врядъ-ли подъ этимъ «on» можно подразумѣвать врачей, т. к. если бы Елисавета Алексѣевна видѣла возможное препятствіе къ своему отъѣзду изъ Таганрога одновременно съ тѣломъ покойнаго въ совѣтѣ врачей въ связи съ ея нездоровьемъ, она, вѣроятно, въ такомъ случаѣ написала бы «les medecins» или еще вѣрнѣе «l'état de ma santé». Принимая во вниманіе, что она, цѣликомъ повторяя фразу о своемъ отъѣздѣ, въ письмѣ къ своей матери выпускаетъ эти добавочныя слова, слѣдуетъ допустить, что она считала нужнымъ адресовать ихъ только въ Петербургъ, и потому подъ мѣстоимѣніемъ

«онъ» правильнѣе подразумѣвать не врачей, а кого-либо другого; одно или нѣсколько лицъ, отъ распоряженія котораго или которыхъ зависѣлъ дальнѣйшій распорядокъ дѣлъ, въ связи съ событіемъ 19-го ноября.

Вслѣдъ за вышеприведенными письмами императрицы Елисаветы Алексѣевны, привожу полностью другіе документы, относящіеся къ первымъ днямъ послѣдовавшимъ за смертью.

I. Всеподданнѣйшій рапортъ ген.-ад. барона Дибича къ императору Константину Павловичу, отъ 19-го ноября 1825 г.

«Съ сердечнымъ прискорбіемъ имѣю долгъ донести Вашему императорскому величеству, что Всевышнему угодно было прекратить дни всеавгустѣйшаго нашего государя императора Александра Павловича сего ноября, 19-го дня, въ 10 часовъ и 50 минутъ пополуночи здѣсь въ городѣ Таганрогѣ. Имѣю счастье представить при семъ актъ за подписаніемъ находящихся при семъ бѣдственномъ случаѣ генералъ-адъютантовъ и лейбъ-медиковъ».

II. Актъ о кончинѣ императора Александра.

«Нижеподписавшіеся, находясь въ Екатеринославской губерніи, въ городѣ Таганрогѣ, при высочайшей особѣ, съ глубочайшей вѣрноподданическою скорбію свидѣтельствуемъ, что благочестивѣйшій государь императоръ Александръ Павловичъ самодержецъ всероссійскій и пр., и пр., и пр., на возвратномъ пути изъ Крыма 3-го и въ особенности 4-го числа ноября почувствовалъ первоначальные лихорадочные припадки, кои скоро по прибытіи его величества въ Таганрогъ 5-го числа оказались послабляющею желчною лихорадкою, изъ коей образовалась впослѣдствіи воспалительная жестокая горячка съ прилитіемъ крови въ голову. Сія болѣзнь увеличивалась съ быстротою и продолжалась съ такимъ упорствомъ, что всѣ непрестанно употребляемыя къ прекращенію ея врачебныя средства оставались тщетными. 15-го числа государь императоръ изволилъ пріобщиться св. таинъ. 17-го по утру въ положеніи его величества примѣчена была нѣкоторая перемѣна, возбудившая слабый лучъ надежды къ облегченію страждущаго вѣнценосца; но въ продолженіи того и послѣдующихъ дней при со-

вершенномъ истощеніи послѣднихъ силъ его величества, горячка усиливалась съ сугубой жестокостью, 19-го же числа, по полуночи въ 10 часовъ и 50 минутъ государь императоръ отошелъ изъ сей жизни въ вѣчную. Все сіе къ неописанной горести вѣрныхъ сыновъ Россіи, совершилось въ присутствіи Е. И. В. Гос. Имп-цы Елисаветы Алексѣевны, которая за всю болѣзнь августѣйшаго ея супруга изволила быть при немъ неотлучно, при чемъ и мы, нижеподписавшіеся, непрерывно находились. Настоящее свидѣтельство утверждаемъ подписаніемъ нашимъ въ двухъ экземплярахъ. Писано и подписано Екатеринославской губерніи въ городѣ Таганрогѣ ноября въ 19 день 1825 года.

Членъ Госуд. Совѣта, ген.-отъ-инф. ген.-ад.
князь Петръ Волконскій.
Членъ Госуд. Совѣта, начальникъ главнаго штаба,
генерлъ-адъютантъ баронъ Дибичъ.
Баронетъ Яковъ Вилліе, тайный совѣтн. и лейбъ-мед.
Конрадъ Стоффрегенъ, д. ст. сов. и лейбъ-медикъ.

Съ этого документа былъ сдѣланъ переводъ на французскій языкъ, при чемъ во французскомъ подлинникѣ фигурируетъ, кромѣ четырехъ вышеприведенныхъ подписей, еще и подпись ген.-ад. Чернышева («Alexandre de Czernicheff, lieutenant general et Aide de Camp General). Почему эта разница въ количествѣ подписей между русскимъ и французскимъ актами—объяснить трудно. Впрочемъ спѣшу добавить, что я привелъ эти документы не по подлинникамъ, а по «Приложеніямъ» къ т. VI соч. Шильдера. Возможно, что произошла простая типографская ошибка, недосмотръ корректора при печатаніи книги Шильдера, и что въ оригиналѣ русскаго подлинника имѣется и подпись Чернышева.

Если-же типографской ошибки не произошло, и подпись Чернышева дѣйствительно отсутствуетъ въ русскомъ текстѣ, то такое явленіе, конечно, странно и производитъ впечатлѣніе будто для «заграницы» требовалось увеличить количество подписей, для бо́льшей, такъ сказать, убѣдительности.

Впрочемъ, это, во всякомъ случаѣ, обстоятельство второстепенное.

Къ «рапорту» и «акту о кончинѣ», посланнымъ въ Варшаву Константину Павловичу, бар. Дибичъ присоединилъ еще два частныхъ письма, а также копію съ письма, посланнаго имъ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ.

Въ этихъ письмахъ, которыя Шильдеръ приводитъ полностью въ приложеніяхъ къ своей «Исторіи Александра I», ничего особенно интереснаго не заключается, кромѣ развѣ того факта, что онъ написалъ два письма, а не одно, т. к. оба письма написаны и посланы въ одинъ и тотъ-же день. Первое письмо краткое; оно подтверждаетъ фактъ кончины и присутствіе при оной императрицы Елисаветы Алексѣевны, однако, безъ указанія, что кто-либо кромѣ императрицы присутствовалъ; это является до нѣкоторой степени оффиціальнымъ подтвержденіемъ, что въ моментъ кончины никого, кромѣ государыни, въ комнатѣ не было.

Во второмъ письмѣ Дибичъ пишетъ, что, «не имѣвъ никакихъ инструкцій на случаѣ несчастья», онъ по поводу всего совѣщался съ Волконскимъ (сюда-же относится и вышеприведенная фраза: «nous avons cacheté avec le prince Volkonsky les papiers...»); что онъ (Дибичъ) вставилъ во французскомъ переводѣ акта о кончинѣ титулъ «Roi de Pologne»; что онъ послалъ письмо императрицѣ Маріи съ генераломъ Потаповымъ; что копію съ сего письма онъ «при семъ препровождаетъ»; что, когда болѣзнь Александра приняла опасный оборотъ, онъ (Дибичъ) написалъ князю Лопухину, предсѣдателю Государственнаго Совѣта, петербургскому и московскому генералъ-губернаторамъ, а также «секретныя письма» генераламъ гр. Витгенштейну и Сакену; что онъ надѣется (но сомнѣвается), что Константинъ Павловичъ пріѣдетъ въ Таганрогъ.

Въ общемъ—эти письма носятъ оффиціальный характеръ и содержатъ въ себѣ, особенно второе письмо, перечисленіе тѣхъ мѣръ, которыя начальникъ главнаго штаба счелъ себя обязаннымъ принять въ связи со вступленіемъ на престолъ новаго монарха.

3. *Протоколъ вскрытія тѣла* (20-го ноября 1825 года, 7 ч. веч.) (опускаю вступительную фразу).

...» и нашли слѣдующее:

1. На поверхности тѣла.

Видъ тѣла вообще не показывалъ истощенія и мало отступалъ отъ натуральнаго своего состоянія какъ во всемъ тѣлѣ вообще, такъ и въ особенности въ брюхѣ и ни въ одной изъ наружныхъ частей не примѣтно ни малѣйшей припухлости.

На передней поверхности тѣла, именно на бедрахъ, находятся пятна темноватаго, а нѣкоторыя темнокраснаго цвѣта, отъ прикладыванія къ симъ мѣстамъ горчишниковъ происшедшія; на обѣихъ ногахъ ниже икръ, до самыхъ мыщелковъ примѣтенъ темно-коричневый и различные рубцы (cicatrices) особенно на правой ногѣ, оставшіеся по заживленію ранъ, которыми государь императоръ одержимъ былъ прежде. На задней поверхности тѣла, на спинѣ между крыльцами, до самой шеи простирающееся довольно обширное примѣтно пятно темнокраснаго цвѣта отъ приложеннаго къ сему мѣсту пластыря шпанскихъ мухъ происшедшее. Задняя часть плечъ, вся спина, задница и всѣ мягкія части, гдѣ наиболѣе находится жирной клѣтчатой плевы, имѣютъ темно-оливковый цвѣтъ, происшедшій отъ изліянія подъ кожу венозной крови. При поворотѣ тѣла спиною вверхъ изъ ноздрей и рта истекло немного кровянистой влаги.

2. Въ полости черепа.

При разрѣзѣ общихъ покрововъ головы, начиная отъ одного уха до другого, кожа найдена очень толстою и изобилующею жиромъ. По осторожномъ и аккуратнѣйшемъ отдѣленіи пилою верхней части черепа, изъ затылочной стороны вытекло два унца венозной крови. Черепъ имѣлъ натуральную толстоту. По снятіи твердой оболочки мозга, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно подъ затылочной костью, весьма твердо была приросши къ черепу, кровеносные сосуды на всей поверхности мозга чрезмѣрно были наполнены и растянуты темною, а мѣстами красноватой кровью отъ предшествовавшаго сильнаго прилитія оной къ сему органу. На переднихъ доляхъ мозга подъ лобными возвышеніями (protuberantia frontales) примѣтны два небольшія пятна темно-оливковаго цвѣта отъ тойже причины. При извлеченіи мозга изъ своей полости, на основаніи черепа, равно, какъ и въ желудочкахъ самого мозга, найдено прозрачной сукровицы (serositas) до двухъ унцовъ,

Хоровидное сплетеніе лѣваго мозгового желудочка найдено твердо приросшимъ ко дну онаго.

3. Въ грудной полости.

По сдѣланіи одного прямого разрѣза, начиная отъ гортани чрезъ средину грудной кости до самого соединенія лобковыхъ костей, и двухъ косвенныхъ, отъ пупка до верхняго края подвздошныхъ костей, клѣтчатая плева найдена была повсюду наполненной большимъ количествомъ жира. При соединеніи реберъ съ грудиною, хрящи оныхъ найдены совершенно окостенѣвшими. Оба легкія имѣли темноватый цвѣтъ и нигдѣ не имѣли сращенія съ подреберной плевой. Грудная полость ни мало не содержала въ себѣ водянистой влаги. Сердце имѣло надлежащую величину и во всѣхъ своихъ частяхъ, такъ и существомъ своимъ не мало ни отступало отъ натуральнаго состоянія, равно и всѣ главные сосуды отъ онаго происходящіе. Въ околосердечной сумкѣ (pericordium) найдено сукровицы около одного унца.

4. Въ полости брюшной.

Желудокъ, въ которомъ содержалось немного слизистой смѣси, найденъ въ совершенно здоровомъ положеніи; печень имѣла большую величину и цвѣта темнѣе натуральнаго; желчный пузырь растянутъ былъ большимъ количествомъ испорченной желчи темнаго цвѣта; ободошная кишка была очень растянута содержащимися въ ней вѣтрами. Всѣ-же прочія внутренности, какъ то поджелудочная железа, селезенка, почки и мочевой пузырь ни мало не отступали отъ натуральнаго своего состоянія.

Сіе анатомическое изслѣдованіе очевидно доказываетъ, что августѣйшій нашъ монархъ былъ одержимъ острою болѣзнью, коею первоначально была поражена печень и прочіе, къ отдѣленію желчи служащіе, органы. Болѣзнь сія въ продолженіи своемъ постепенно перешла въ жестокую горячку съ приливомъ крови въ мозговые сосуды и послѣдующими затѣмъ отдѣленіемъ и накопленіемъ сукровичной влаги въ полостяхъ мозга, и была, наконецъ, причиною самой смерти его императорскаго величества».

Протоколъ этотъ скрѣпленъ слѣдующими подписями:

1. Дмитріевскаго вотчиннаго гошпиталя младшій лекарь Яковлевъ.

2. Л. Гв. Казачьяго полка штабъ-лекарь Васильевъ.

3. Таганрогскаго карантина главный медиц. чиновникъ д-ръ Лакіеръ.

4. Придворный врачъ колежскій ассесоръ Добертъ.

5. Медико-хирургъ надворный совѣтникъ Тарасовъ.

6. Штабъ-лекарь надворный совѣтникъ Александровичъ.

7. Докторъ медицины и хирургіи статскій совѣтникъ Рейнгольдъ.

8. Дѣйств. статскій сов. лейбъ-медикъ Стоффрегенъ.

9. Баронетъ Яковъ Виллiе, тайный совѣтникъ и лейбъ-медикъ.

Видѣлъ описанные медиками признаки и при вскрытіи тѣла Е. И. В. Государя Императора Александра Павловича находился генералъ-адьютантъ Чернышевъ.

Въ дополненіе къ этому протоколу небезынтересно привести слѣдующія, касающіяся бальзамированія тѣла, строки изъ воспоминаній Н. И. Шенига. Шенигъ состоялъ при баронѣ Дибичѣ по квартирмейстерской части.

«21-го числа, поутру въ 9 часовъ, по приказанію Дибича, отправился я, какъ старшій въ чинѣ изъ числа моихъ товарищей, для присутствія при бальзамированіи тѣла покойнаго государя. Вошедъ въ кабинетъ, я нашелъ его уже раздѣтымъ на столѣ, и четыре гарнизонные фельдшера, вырѣзывая мясистыя части, набивали ихъ какими-то разваренными въ спиртѣ травами и забинтовывали широкими тесьмами. Добертъ и Рейнгольдъ, съ сигарами въ зубахъ, варили въ кастрюлькѣ въ каминѣ эти травы. Они провели въ этомъ занятіи всю ночь, съ той поры, какъ Виллiе вскрылъ тѣло и составилъ протоколъ. Черепъ на головѣ былъ уже приложенъ, а при мнѣ натягивали кожу съ волосами, чѣмъ немного измѣнилось выраженіе чертъ лица. Мозгъ, сердце и внутренности были вложены въ серебряный сосудъ, въ родѣ сахарной большой жестянки съ крышкою, и заперты замкомъ. Кромѣ вышесказанныхъ лицъ и караульнаго казацкаго офицера, никого не только въ комнатѣ, но и во всемъ дворцѣ не было видно. Государыня наканунѣ переѣхала на нѣсколько дней въ домъ Шихматова. Доктора жаловались, что ночью всѣ разбѣжались и что они не могутъ даже добиться чистыхъ простынь и поло-

тенецъ. Это меня ужасно раздосадовало. Давно-ли всѣ эти мерзавцы трепетали одного взгляда, а теперь забыли и страхъ, и благодѣянія. Я тотчасъ-же пошелъ къ Волконскому, который принялъ меня въ постели, разсказалъ, въ какомъ положеніи находится тѣло государя, и тотъ, вскочивъ, послалъ фельдъегеря за камердинерами. Черезъ четверть часа они явились и принесли бѣлье. Между тѣмъ фельдшера перевертывали тѣло, какъ кусокъ дерева, и я съ трепетомъ и любопытствомъ имѣлъ время разсмотрѣть его. Я не встрѣчалъ еще такъ хорошо сотвореннаго человѣка. Руки, ноги, всѣ части тѣла могли бы служить образцомъ для ваятеля; нѣжность кожи необыкновенная; одно только мѣсто, которое неосторожно хватилъ Тарасовъ, было чернаго цвѣта.

По окончаніи бальзамированія, одѣли государя въ парадный общій генеральскій мундиръ, съ звѣздою и орденами въ петлицѣ, на рукахъ перчатки и положили на желѣзную кровать, на которой онъ скончался, накрывъ все тѣло кисеею. Въ ногахъ поставили аналой съ Евангеліемъ, которое поочереди читали священники, смѣняясь каждые два часа»...

Протоколъ вскрытія тѣла несомнѣнно одинъ изъ важнѣйшихъ документовъ, съ которымъ приходится считаться,—и на него нужно обратить особое вниманіе.

Казалось-бы, что хоть по поводу такого документа не должно было бы быть разногласій, хотя бы съ формальной стороны. На самомъ-же дѣлѣ—мы сразу наталкиваемся на противорѣчія, изъ которыхъ одно въ высшей степени важное, такъ какъ оно обнаруживаетъ подлогъ.

Какъ мы только что видѣли изъ записокъ Н. И. Шенига, протоколъ былъ составленъ лейбъ-медикомъ Вилліе. Между тѣмъ докторъ Тарасовъ въ своихъ воспоминаніяхъ утверждаетъ, что протоколъ былъ составленъ имъ, Тарасовымъ. Это противорѣчіе, само по себѣ довольно интересное, можетъ, впрочемъ, быть объяснено ошибкой Шенига, приписавшаго авторство протокола Вилліе, какъ старшему въ чинѣ изъ присутствовавшихъ медиковъ. Но другое противорѣчіе ничѣмъ необъяснимо: оно, повторяю, обнаруживаетъ, подлогъ. Тарасовъ пишетъ, что хотя онъ и составлялъ протоколъ, но *не подписывалъ его;* между тѣмъ подъ протоколомъ значится его подпись! Само собой разумѣется, что Тарасовъ, если и могъ

что-либо напутать въ своихъ воспоминаніяхъ, не могъ забыть того факта—подписывалъ онъ протоколъ или нѣтъ. Однако, онъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что хотя онъ и составлялъ протоколъ, но не подписывалъ. Этому нельзя не вѣрить. Но какимъ же образомъ, въ силу какихъ обстоятельствъ, его подпись появилась на офиціальномъ актѣ? Что подпись эта была необходима, это—очевидно, гораздо необходимѣе даже подписей старшихъ по чину Рейнгольда и Стоффрегена, т. к. Тарасовъ, хотя и не имѣвшій званія лейбъ-медика, былъ въ медицинскомъ мірѣ ближайшимъ послѣ Вилліе лицомъ къ Александру I; отсутствіе его подписи было-бы болѣе чѣмъ странно.

И—подпись его появилась... безъ его вѣдома! И онъ объ этомъ не узналъ, и позже, т. к. воспоминанія его, въ которыхъ онъ утверждаетъ, что не подписывалъ, написаны много лѣтъ спустя, когда подлинникъ протокола съ «*его*» подписью уже хранился въ архивахъ.

Съ другой стороны является вопросъ: почему-же онъ не подписалъ имъ-же составленнаго протокола?

Разъ подпись его была необходима, ему, очевидно, было предложено подписать; между тѣмъ онъ не подписалъ. Почему? Очевидно, онъ отказался. Но почему-же?

Дальше. кн. Волконскій поручилъ ему бальзамировать тѣло. Тарасовъ отказался, мотивируя свой отказъ «сыновнимъ чувствомъ и благоговѣніемъ къ императору».

Смѣю думать, что не ошибусь, если скажу, что эта мотивировка отказа со стороны врача—была не болѣе какъ лирической маской, прикрывавшей настоящую причину, ту самую причину, по которой онъ отказался подписать и протоколъ вскрытія тѣла. Какова-же могла быть эта причина? Это—загадка, которую трудно разрѣшить, если согласиться съ тѣмъ, что таганрогская драма происходила дѣйствительно такъ, какъ намъ о ней говоритъ офиціальная исторія. Но объ этомъ послѣ.

Разберемся въ самомъ протоколѣ.

Г. Василичъ въ своей «Легендѣ о Старцѣ Кузмичѣ» пишетъ:

«Мы почерпываемъ въ немъ (т. е. въ протоколѣ) одно очень цѣнное обстоятельство, указывающее на то, что вскрытъ былъ именно трупъ умершаго императора Александра, а не кого-

нибудь другого. Именно описаніе стараго рубца на ногѣ, оставшагося отъ бывшей язвы, а у Александра былъ именно на этой ногѣ рубецъ отъ заживленія послѣ рожистаго флегмонознаго процесса на той-же ногѣ. Такимъ образомъ, устанавливается сразу же тожество вскрываемаго съ умершимъ императоромъ».

Къ сожалѣнію, тожество это не сразу «устанавливается», такъ какъ намъ извѣстно, что рожистое воспаленіе, которымъ императоръ страдалъ въ январѣ 1824 г., было на лѣвой ногѣ, а въ протоколѣ упоминается о «различныхъ рубцахъ, особенно на правой ногѣ».

Кромѣ того, г. Василичъ (на той-же страницѣ 112 своей книги) пишетъ:

«Что-же касается болѣзни, унесшей Александра въ могилу, то слѣдуетъ признать, хотя она не названа нигдѣ своимъ настоящимъ именемъ, что это былъ типичный брюшной тифъ».

Не знаю, какія соображенія привели г. Василича къ столь категорическому заключенію; что касается меня, то, не обладая познаніями по медицинѣ, я поступилъ слѣдующимъ образомъ для правильной оцѣнки протокола.

Я переписалъ въ нѣсколькихъ копіяхъ протоколъ отъ словъ «и нашли слѣдующее» до словъ «сіе анатомическое изслѣдованіе очевидно доказываетъ», (выпустивъ въ текстѣ только слова «государь императоръ») и разослалъ эти копіи нѣсколькимъ выдающимся представителямъ русскаго медицинскаго міра съ препроводительнымъ письмомъ, текстъ котораго считаю долгомъ привести полностью:

«Обращаюсь къ Вамъ съ большой просьбой, въ исполненіи которой, надѣюсь, Вы мнѣ не откажете. Я въ настоящее время занятъ однимъ историческимъ изслѣдованіемъ, и мнѣ, между прочимъ, попался одинъ документъ, представляющій изъ себя протоколъ вскрытія тѣла нѣкоего лица, умершаго въ первой половинѣ XIX столѣтія (чѣмъ и объясняется «стиль» этого документа). Будьте добры, прочтите этотъ протоколъ, копію съ котораго Вамъ присылаю, такъ-же какъ и нѣкоторыя къ нему примѣчанія и—напишите мнѣ Ваше безпристрастное заключеніе: отъ какой причины (болѣзни или случайности) этотъ человѣкъ могъ скончаться. Я буду крайне признателенъ Вамъ за скорѣйшій отвѣтъ» . . . и т. д.

Примѣчанія, приложенныя мною къ протоколу и упоминаемыя въ письмѣ, были слѣдующія:

1. Объясненіямъ о происхожденіи нѣкоторыхъ пятенъ на тѣлѣ можно вѣрить, но также можно и не довѣрять. Кромѣ того, нужно замѣтить, что, если эти мѣры и были приняты, то онѣ были приняты за три дня до смерти; что вскрытіе тѣла было сдѣлано 30 часовъ послѣ смерти.

2. Предполагаемыя причины смерти: брюшной тифъ; сотрясеніе мозга, происшедшее отъ несчастнаго случая, а именно—паденія изъ экипажа при быстрой ѣздѣ (почва—глины и камни); малярія; жестокое обращеніе (тѣлесныя наказанія).

3. Вышеприведенныя причины смерти могутъ быть ошибочны и потому должны быть приняты лишь «къ свѣдѣнію», а отнюдь не «къ руководству». Возможно, что этотъ человѣкъ умеръ и отъ другихъ причинъ.

Кромѣ вышеизложенныхъ, я никакихъ примѣчаній или комментаріевъ не сдѣлалъ. Вторая и четвертая «предполагаемыя причины смерти» были прибавлены мною, ввиду высказывавшихся нѣкоторыми лицами предположеній, что вмѣсто императора былъ похороненъ или расшибшійся на смерть фельдъегерь Масковъ, или умершій отъ тѣлесныхъ наказаній солдатъ мѣстнаго гарнизона.

Привожу полученные мною отвѣты:

1. На основаніи присланнаго протокола вскрытія можно сдѣлать весьма сомнительныя предположенія. Вскрытіе не даетъ картины болѣзни. Изъ всего отмѣченнаго въ протоколѣ можно предположить, что смерть послѣдовала отъ удара, т. е. отъ кровоизліянія въ мозгу, но была-ли тому причина болѣзнь или несчастный случай—изъ протокола не видно. Трупныя пятна на тѣлѣ могутъ быть у всякаго трупа, а рубцы на ногахъ свидѣтельствуютъ о бывшемъ когда-то язвенномъ процессѣ. Можно также думать, что умершій страдалъ сифилисомъ, на что указываютъ сращенія мозговыхъ оболочекъ, рубцы на голеняхъ и измѣненія въ печени, впрочемъ, послѣдніе могли быть и самостоятельными, если покойникъ былъ алкоголикъ. *Тифъ нужно исключить*, т. к. при брюшномъ тифѣ обычно бываютъ измѣненія въ селезенкѣ, опуханіе кишечныхъ железъ и язвы на нихъ. *Малярія тоже влечетъ увеличеніе селезенки*

На тѣлесныя наказанія тоже нѣтъ указаній (рубцы на ягодицахъ, спинѣ и т. п.). Мое заключеніе не полно, но иначе и быть не можетъ, т. к. протоколъ далекъ отъ научнаго описанія и черезчуръ кратокъ. (Д-ръ Н. И. Чигаевъ).

2. Протоколъ составленъ не соотвѣтственно научнымъ требованіямъ, такъ что причину смерти установить нельзя. *Менѣе всего однако она могла бы зависѣть отъ приведенныхъ Вами 4-хъ №№, т. к.: 1) при брюшномъ тифѣ должны были быть измѣненія въ кишечникѣ и увеличеніе селезенки, 2) при маляріи же—рѣзкое увеличеніе послѣдней, равно какъ исхуданіе въ томъ и другомъ случаѣ,* а тутъ вездѣ жиръ; при №№ 2 и 4-мъ характерные болѣе или менѣе слѣды, а ихъ нѣтъ. Принимая во вниманіе сомнительные признаки сифилиса (рубцы на ногахъ, сращеніе оболочки мозга съ черепомъ, описаніе вскрытія грудной полости, большая величина печени)—можно думать, не отъ него-ли умеръ покойный. (Д-ръ М. М. Манасеинъ).

3. Извините, что отвѣчаю Вамъ нѣсколько поздно, но для того, чтобы дать болѣе опредѣленный отвѣтъ мнѣ нужно было показать протоколъ спеціалисту анатому-паталогу. Данныя, сообщаемыя въ протоколѣ, слишкомъ недостаточны, чтобы опредѣлить причину смерти. На основаніи описанія органовъ можно только съ увѣренностью сказать, что *смерть произошла не отъ брюшного тифа и не отъ маляріи.* Данныя же, приводимыя относительно полости черепа и мозга, также слишкомъ незначительны и не полны, чтобы усмотрѣть въ нихъ причину смерти (Хирургъ д-ръ К. П. Домбровскій).

4. Причина смерти—кровоизліяніе въ мозгъ вслѣдствіе склероза сосудовъ мозга на почвѣ луэса—сращенія мозговыхъ оболочекъ съ черепомъ и пр., утолщеніе черепныхъ костей.—Изъ протокола вскрытія *никакъ нельзя допустить смерть отъ тифа или маляріи* (Хирургъ д-ръ В. Б. Гюббенетъ).

(Курсивъ въ текстахъ писемъ—мой).

Суммируя содержаніе этихъ писемъ, мы видимъ, что при всей трудности опредѣлить по протоколу вскрытія причину смерти—смерть эта отнюдь не могла произойти ни отъ брюшного тифа, ни отъ маляріи (т. е. «крымской лихорадки»).

Указанія-же на сифилисъ совершенно не совпадаютъ со всѣмъ тѣмъ, что намъ извѣстно объ Александрѣ I.

Такимъ образомъ, протоколъ вскрытія, который, по мнѣнію историковъ, придерживающихся офиціальной версіи о таганрогской драмѣ, является однимъ изъ неоспоримыхъ подтвержденіи этой версіи,—въ дѣйствительности кореннымъ образомъ подрываетъ довѣріе къ ней.

Что касается записокъ Н. И. Шенига, онѣ сами по себѣ весьма интересны, но не могутъ играть никакой роли въ разбираемомъ намъ вопросѣ, т. к. Шенигъ является очевидцемъ только тѣхъ событій, которыя послѣдовали за вскрытіемъ тѣла, начиная съ бальзамированія. Впрочемъ, фраза «немного измѣнилось выраженіе чертъ лица»—можетъ быть отмѣчена.

Таковы документы, относящіяся къ первымъ двумъ днямъ, послѣдовавшимъ за катастрофой 19-го ноября.

VI.

Извѣстіе о кончинѣ императора пришло въ Варшаву къ цесаревичу Константину Павловичу 25-го ноября вечеромъ, а въ С.-Петербургъ—двумя днями позже. То, что произошло затѣмъ въ столицѣ, хорошо извѣстно.

Опрометчивая присяга Николая Павловича императору Константину, опрометчивая и ничѣмъ необъяснимая, т. к. онъ самъ заявилъ членамъ Государственнаго Совѣта, что ему еще съ 13-го іюля 1819 года извѣстно объ отреченіи Константина; лихорадочная переписка между Варшавой и Петербургомъ; общая растерянность; возстаніе 14-го декабря и наступившее затѣмъ тяжелое затишье. Таковы были результаты той таинственности, въ которую облекъ Александръ I вопросъ о престолонаслѣдіи.

Обо всемъ этомъ распространяться здѣсь, конечно, не мѣсто, т. к. прямого отношенія къ разбираемому нами вопросу всѣ эти событія не имѣютъ. Единственнымъ прямымъ послѣдствіемъ явилось то, что князь П. М. Волконскій долгое время оставался безъ всякихъ указаній,—что ему дѣлать. Цесаревичъ извѣстилъ его въ дружескомъ письмѣ, что всѣ указанія придутъ изъ Петербурга, а Петербургъ безмолвствовалъ.

Только 3-го декабря императрица Марія Феодоровна и Николай Павловичъ написали Волконскому, чтобы онъ за всѣми распоряженіями обращался къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ.

Черезъ день Николай Павловичъ снова написалъ князю, на этотъ разъ извѣщая его, что всѣ флигель-адьютанты, не находящіеся при войскахъ, а также генералъ-адьютантъ кн.

Трубецкой получили приказаніе ѣхать въ Таганрогъ; на это Волконскій письмомъ отъ 14 декабря отвѣтилъ, что поручитъ перевозъ тѣла Трубецкому.

Разбирая бумаги, оставшіеся въ кабинетѣ Александра въ Таганрогѣ, Волконскій и Дибичъ нашли церемоніалъ погребенія Екатерины II; Шильдеръ по этому поводу дѣлаетъ предположеніе, что Александръ взялъ этотъ документъ съ собой на случай смерти своей жены. Съ такимъ предположеніемъ можно соглашаться, но можно и не соглашаться: здоровье Елизаветы Алексѣевны далеко не было такъ плохо, чтобы явилась необходимость запастись церемоніаломъ погребенія, а то обстоятельство, что это былъ церемоніалъ погребенія *императрицы* Екатерины отнюдь не можетъ служить подтвержденіемъ, что, взявъ его съ собою, Александръ думалъ именно объ *императрицѣ* Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Если-бъ онъ думалъ о самомъ себѣ, то онъ иного церемоніала тоже не могъ бы взять: церемоніалы похоронъ Петра III и Павла I врядъ ли нашли-бы себѣ мѣсто среди документовъ Александра...

11-го декабря тѣло было перевезено изъ дворца въ соборъ Александровскаго монастыря, гдѣ и оставалось до 29-го числа, когда печальный картежъ двинулся въ Петербургъ.

Императрица Елисавета Алексѣевна не сопровождала тѣло, а осталась въ Таганрогѣ до 21-го апрѣля.

Передъ выступленіемъ печальной процессіи она призвала къ себѣ д-ра Тарасова и сказала ему:

— «Я знаю всю вашу преданность и усердную службу покойному императору, и потому никому не могу лучше поручить, какъ вамъ, наблюдать во все путешествіе за сохраненіемъ тѣла его и проводить гробъ его до самой могилы».

Кромѣ того, кн. Волконскій, въ письмѣ къ Николаю I отъ 4-го января, сообщаетъ, что ввиду «неприбытія сюда никого изъ Петербурга», императрица поручила генералъ-адьютанту графу Орлову-Денисову сопровождать тѣло и быть, такъ сказать, главнымъ распорядителемъ всей церемоніи.

Это «неприбытіе никого изъ Петербурга» само по себѣ немного странно, послѣ того, какъ еще 5-го декабря флигель-адьютанты и генералъ-адьютантъ князь Трубецкой получили приказаніе выѣхать въ Таганрогъ. Этого нельзя даже объяснить событіемъ 14-го декабря, т. к. оно имѣло мѣсто девять дней

спустя, когда казалось-бы всѣ эти лица должны бы были уже находиться въ пути въ Таганрогъ. Странно также, что Елисавета Алексѣевна поручила наблюденіе за тѣломъ Тарасову, а не Вилліе.

Черезъ день послѣ отбытія тѣла изъ Таганрога императрица Елисавета Алексѣевна написала своей матери письмо такого содержанія:

«Tous les liens terrestres sont rompus entre nous. Ceux dans leternite seront differents, ils seront plus doux, surement, mais tant que je porte encore cette triste enveloppe mortelle, il est douloureux de me dire qu'il n'aura plus de part a mon existence ici-bas. Amis d'enfance, nous avons marche ensemble pendant 32 ans. Nous avons traverse ensomble toutes les epoques de la vie. Souvent eloignes, nous nous retrouvions toujours d'une maniere ou d'une autre, enfin sur le vrai chemin, nous ne goutions que la douceur de notre union. C'est dans ce moment qu'elle m'a ete enlevee. Surement je le meritais, je ne sentais pas assez le bienfait de Dieu, je ressentais peut etre encore trop de petits inconvenients. Enfin quoique cela soit, Dieu l'a voulu. Qu'il daigne permettre que je ne perde pas le fruit de cette douloureuse croix—ce n'est pas pour rien qu'elle m'a ete envoye. Je roconnais la main de Dieu dans toute la direction de ma destinee en y reflechissant».

Я привожу это письмо исключительно съ цѣлью дать побольше документальныхъ данныхъ; само по себѣ оно не даетъ никакихъ особенно интересныхъ указаній. Хотя нельзя не обратить вниманіе на немного загадочный, двусмысленный характеръ нѣкоторыхъ фразъ...

Итакъ, 29-го декабря печальный кортежъ прослѣдовалъ на сѣверъ подъ общимъ наблюденіемъ генералъ-адьютанта графа Орлова-Денисова и при непосредственномъ наблюденіи за тѣломъ—со стороны доктора Тарасова.

Маршрутъ шествія былъ таковъ: Харьковъ, Курскъ, Орелъ, Тула, Москва.

Порученіе, возложенное на гр. Орловъ-Денисова, было не изъ легкихъ. Немедленно вслѣдъ затѣмъ, какъ кончина императора стала извѣстна, по всей Россіи внезапно распространился слухъ, что императоръ не умеръ, а скрылся; въ

гробу-же везутъ чужой трупъ. Что послужило причиной къ зарожденію и распространенію такого слуха—сказать трудно; но фактъ тотъ, что слухъ этотъ принялъ угрожающіе размѣры. Опасались даже, что народъ на пути слѣдованія процессіи потребуетъ вскрытія гроба. Графъ Орловъ-Денисовъ «наблюдалъ вездѣ строгій порядокъ и военную дисциплину», какъ пишетъ Тарасовъ въ своихъ воспоминаніяхъ .(Мы знаемъ, что называется «строгимъ порядкомъ и военной дисциплиной» даже въ XX столѣтіи и потому легко можно представить себѣ, въ чемъ они выражались сто лѣтъ назадъ).

3-го февраля процессія прибыла въ Москву. На протяженіи версты отъ подольской заставы по обѣимъ сторонамъ дороги были выстроены войска съ заряженными ружьями. Когда гробъ былъ поставленъ въ Архангельскомъ соборѣ, стеченіе народа было огромное. Ввиду тревожныхъ слуховъ — были приняты необычайныя мѣры предосторожности: въ 9 часовъ вечера запирали ворота Кремля и у каждаго входа стояли заряженныя орудія. Пѣхота расположилась въ Кремлѣ, а кавалерійская бригада — въ экзерциргаузѣ съ осѣдланными лошадьми. По городу всю ночь ходили военные патрули.

Интересно привести для характеристики царствовавшаго настроенія письма А. Булгакова къ его брату.

— «Не повѣришь, что за вздорные слухи распространяютъ кумушки и пустословы по городу. Жаль, право, что князь Дмитрій Владиміровичъ (московскій генералъ-губернаторъ Голицынъ) удостоиваетъ ихъ вниманія, что много говорятъ о мѣрахъ, кои возьмутся для прекращенія или предупрежденія безпорядковъ. Говорятъ, что подписками обязываютъ фабрикантовъ не выпускать фабричныхъ въ день процессіи, что кабаки будутъ заперты, и множество другихъ подобныхъ мѣръ»... (27 января 1826 г.) «Филаретъ съ духовенствомъ лобзали останки безцѣнные, а послѣ всѣ царевичи, князь Дмитрій Владиміровичъ, генералъ-адьютанты и т. д. Какъ я буду теперь дурачить и смѣяться надъ глупцами, кои трусили уѣзжать изъ Москвы или просили часовыхъ для себя на это время... Благоговѣніе народа было таково, что нельзя не быть тронуту. Надобно было видѣть, съ какимъ чувствомъ всѣ прикладывались. Всѣ почти кланялись въ землю. Во всю ночь были поклонщики. Ночь не была потеряна. Дабы доставить

всѣмъ удовольствіе приложиться къ безцѣнному праху, впускали солдатъ здѣшняго гарнизона».

Это послѣднее письмо весьма курьезно. Во-первыхъ, ни Филаретъ, ни царевичи (вѣроятно-грузинскіе), ни Голицынъ— не могли «лобзать останки безцѣнные», т. к. гробъ былъ закрытъ и не открывался за все время нахожденія его въ Москвѣ; во-вторыхъ, какъ я уже упоминалъ выше, съ 9-ти часовъ вечера всѣ входы въ Кремль были закрыты и охранялись артиллеріей, такъ что наврядъ-ли «были поклонщики во всю ночь». Возможно, впрочемъ, что таковыми поклонщиками вообще, а не только ночью, являлись «солдаты здѣшняго гарнизона».

Въ другомъ письмѣ (отъ 7-го февраля) Булгаковъ пишетъ: «А. С. Марковичъ, фельдъегерь, бывшій при государѣ во время его болѣзни, кончины, и послѣ оной, видѣлъ все происходившее въ горестное это время, обмывалъ драгоцѣнное тѣло, дежурилъ четверо сутокъ при ономъ, не спавши; открытіе тѣла, бальзамировка, все это происходило въ его глазахъ. Я не могъ отъ него оторваться, и онъ, видя наше любопытство, удовлетворилъ оное въ полной мѣрѣ»...

Къ этому можно было-бы добавить, что фельдъегерь Марковичъ «удовлетворилъ любопытство» Булгакова не только «въ полной мѣрѣ», но и свыше мѣры, т. к. онъ, Марковичъ, ни при болѣзни, ни при кончинѣ, ни при «открытіи тѣла», ни при «бальзамировкѣ» не присутствовалъ, и ужъ тѣмъ болѣе, конечно, не дежурилъ «четверо сутокъ не спавши»... Въ общемъ письма Булгакова интересны, конечно, только поскольку они иллюстрируютъ тревожное настроеніе, царившее въ обществѣ. Къ такой-же категоріи документовъ нужно отнести и записку, составленную нѣкимъ дворовымъ человѣкомъ Федоромъ Федоровымъ, подъ заглавіемъ «Московскія Новости или новые правдивые и ложные слухи, которые послѣ виднѣе означутся, которые правдивые, а которые лживые, а теперь утвердить ни однихъ не могу, но рѣшился на досугѣ описывать для дальняго времени незабвеннаго, именно 1825 года, съ декабря 25-го дня».

Въ этой запискѣ приведены всѣ «слухи», ходившіе тогда по Москвѣ, касательно смерти Александра.

Основная мысль большинства этихъ «слуховъ», что Александръ не умеръ, а скрылся, и что въ гробу везутъ другое тѣло.

Но, какъ письма Булгакова, такъ и записки Федора Федорова—документы, такъ сказать, проблематическіе. Вернемся къ документамъ болѣе серьезнымъ.

Въ запискахъ д-ра Тарасова читаемъ слѣдующее:

«Я имѣлъ особенное предписаніе отъ графа Орлова-Денисова о возможномъ попеченіи за цѣлостью тѣла императора, во время всего шествія. Съ этой цѣлью я представилъ графу, что для удостовѣренія о положеніи тѣла императора необходимо повременамъ вскрывать гробъ и осматривать тѣло. Таковые осмотры при особомъ комитетѣ, въ присутствіи графа, производились въ полночь пять разъ, и каждый разъ я представлялъ по осмотрѣ донесеніе графу о положеніи тѣла».

Эти показанія Тарасова совершенно не совпадаютъ съ тѣмъ, что писалъ графъ Орловъ-Денисовъ въ офиціальномъ своемъ рапортѣ на имя барона Дибича.

Гр. Орловъ-Денисовъ сообщаетъ, что въ теченіи всего пути до Москвы гробъ не вскрывался; что впервые онъ былъ вскрытъ на пути изъ Москвы на сѣверъ, на второмъ ночлегѣ въ селѣ Чашошковѣ 7-го февраля въ 7 часовъ вечера. При этомъ присутствовали, кромѣ самого Орлова-Денисова и Тарасова, генералъ-адъютанты графъ Остерманъ-Толстой, Бороздинъ и Сипягинъ и пять флигель-адъютантовъ (Германъ, Шкуринъ, Кокошкинъ, гр. Залуцкій и Плаутинъ), а также полковникъ кавалергардскаго полка Араповъ и вагенмейстеръ Соломко.

Второй осмотръ былъ произведенъ по выступленіи изъ Новгорода, причемъ присутствовалъ и графъ Аракчеевъ.

Третій-же и послѣдній осмотръ имѣлъ мѣсто въ деревнѣ Бабинѣ, причемъ онъ былъ произведенъ Вилліе, получившимъ на то приказаніе отъ императора Николая I.

По этому поводу Вилліе пишетъ:

«Сего 26-го февраля въ 7 часовъ пополудни, въ Бабинѣ, я производилъ осмотръ тѣла блаженной памяти императора Александра; раскрывъ его до мундира, я не нашелъ ни малѣйшаго признака химическаго разложенія, обнаруживающагося обыкновенно выдѣленіями сѣрнисто-водороднаго газа,

обладающаго весьма ѣдкимъ запахомъ; мускулы крѣпки и тверды и сохраняютъ свою первоначальную форму и объемъ. Поэтому я смѣло утверждаю, что тѣло находится въ совершенной сохранности, и мы обязаны этимъ удовлетворительнымъ результатомъ точному соблюденію во время пути необходимыхъ мѣръ предосторожности. Поэтому я не буду принимать никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ до прибытія въ Царское Село».

Изъ приведенныхъ выше выдержекъ видно, что разногласія въ документахъ продолжали преслѣдовать тѣло до мѣста его послѣдняго успокоенія.

Тарасовъ утверждаетъ, что тѣло было осматриваемо пять разъ въ полночь. По свидѣтельствамъ-же гр. Орлова-Денисова (на котораго тотъ-же Тарасовъ ссылается) и баронета Вилліе,—мы видимъ, что тѣло осматривалось только три раза въ 7 час. вечера, причемъ третій разъ осматривалъ не Тарасовъ, а самъ Вилліе.

Въ день послѣдняго осмотра тѣла въ Тоснѣ кортежъ встрѣтила императрица Марія Феодоровна.

Это обстоятельство, между прочимъ, довольно непонятно. Бабино, гдѣ тѣло осматривалось въ 7 часовъ вечера, находится на разстояніи 45 верстъ къ югу отъ Тосны. Какимъ образомъ императрица могла встрѣтить кортежъ въ тотъ-же самый день въ Тоснѣ?

Во всякомъ случаѣ интересно отмѣтить тотъ фактъ, что императрица Марія Феодоровна выѣхала одна, т. е. безъ сопровожденія кого-либо изъ семьи, навстрѣчу тѣла, проѣхавъ разстояніе около 100 верстъ отъ Петербурга. Ввиду указанной мной выше явной несообразности относительно встрѣчи въ Тоснѣ, можно предположить, что она доѣхала до Бабина, слѣдствіемъ чего и явилось новое освидѣтельствованіе тѣла по «приказанію императора Николая»; это объяснило-бы также внезапное отстраненіе Тарасова и замѣну его баронетомъ Вилліе.

28-го февраля печальная процессія приблизилась къ Царскому Селу и была встрѣчена императоромъ Николаемъ, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, принцемъ Вильгельмомъ Прусскимъ, принцемъ Оранскимъ, первыми чинами двора, духовенствомъ и жителями Царскаго Села.

Гробъ былъ поставленъ въ дворцовой церкви на катафалкъ подъ балдахиномъ.

1 марта князь А. Н. Голицынъ, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія вызвалъ къ себѣ Тарасова и спросилъ его: «можно-ли открыть гробъ и можетъ-ли императорская фамилія проститься съ покойнымъ императоромъ?»

— «Я отвѣчалъ утвердительно (пишетъ Тарасовъ въ своихъ «Запискахъ») и увѣрилъ его, что тѣло въ совершенномъ порядкѣ и цѣлости, такъ что гробъ могъ бы быть открытъ даже для всѣхъ. Потомъ онъ (Голицынъ) мнѣ сказалъ, что императоръ мнѣ приказалъ, чтобы въ двѣнадцать часовъ ночи я, при немъ и графѣ Орловѣ-Денисовѣ, со всею аккуратностью открылъ гробъ и приготовилъ все, чтобъ императорская фимилія могла вся, кромѣ царствующей императрицы, которая тогда была беременна, родственно проститься съ покойникомъ. Въ 11 час. вечера священникъ и всѣ дежурные были удалены изъ церкви, а при дверяхъ, внѣ оной, поставлены были часовые; остались въ ней: князь Голицынъ, гр. Орловъ-Денисовъ, я и камердинеръ покойнаго императора, Завитаевъ. По открытіи гроба я снялъ атласный матрацъ изъ ароматныхъ травъ, покрывавшій все тѣло, вычистилъ мундиръ, на который пробилось нѣсколько ароматныхъ спецій, перемѣнилъ на рукахъ императора бѣлыя перчатки (прежнія нѣсколько измѣнили свой цвѣтъ) возложилъ на голову корону и обтеръ лицо, такъ что тѣло представлялось совершенно цѣлымъ, и не было ни малѣйшаго признака порчи. Послѣ этого князь Голицынъ, сказавъ, чтобы мы оставались въ церкви за ширмами, поспѣшилъ доложить императору. Спустя нѣсколько минутъ, вся императорская фамилія съ дѣтьми, кромѣ царствующей императрицы, вошли въ церковь при благоговѣйной тишинѣ, и всѣ цѣловали въ лицо и руку покойнаго. Эта сцена была до того трогательна, что я не въ состояніи вполнѣ выразить оную. По выходѣ императорской фамиліи я снова покрылъ тѣло ароматнымъ матрацомъ и, снявъ корону, закрылъ гробъ попрежнему. Всѣ дежурные и караулъ снова введены были въ церковь ко гробу, и началось чтеніе Евангелія».

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько Тарасовъ могъ слѣдить «изъ-за ширмъ» за происходившимъ въ церкви, интересно

отмѣтить слѣдующее показаніе прусскаго генерала фонъ-Герлаха, записанное имъ со словъ принца Вильгельма, при особѣ котораго онъ состоялъ:

«Императрица Марія Феодоровна нѣсколько разъ поцѣловала руку усопшаго и говорила: «Oui, c'est mon cher fils, mon cher Alexandre! Ah! comme il a maigri!». Трижды она возвращалась къ гробу и подходила къ тѣлу».

5-го марта тѣло было перевезено изъ Царскаго Села въ Чесму, гдѣ, подъ наблюденіемъ Тарасова, и было переложено въ другой гробъ, а на слѣдующій день перевезено по особому церемоніалу въ С.-Петербургъ и поставлено въ Казанскомъ соборѣ. Здѣсь оно оставалось въ теченіи семи дней, при чемъ императоръ Николай I, вопреки совѣту приближенныхъ лицъ, запретилъ открывать гробъ «для жителей столицы», и какъ пишетъ Тарасовъ—«кажется единственно по той причинѣ, что цвѣтъ лица покойнаго государя былъ немного измѣненъ въ свѣтло-каштановый, что произошло отъ покрытія онаго въ Таганрогѣ уксусно-древесною кислотою, которая, впрочемъ, ни мало не измѣнила чертъ лица».

Приводя эту догадку Тарасова, Шильдеръ сопоставляетъ ее съ приведенными уже мною выше строками изъ письма кн. П. М. Волконскаго къ статсъ-секретарю Вилламову: «ибо хотя тѣло и бальзамировано, но отъ здѣшняго сырого воздуха лицо все почернѣло и даже черты лица покойнаго совсѣмъ измѣнились, чрезъ нѣсколько-же времени и еще потерпятъ»...

13-го марта 1826 г. разыгрался эпилогъ таганрогской драмы:

«Въ одиннадцать часовъ, во время сильной мятели, погребальное шествіе направилось изъ Казанскаго собора въ Петропавловскую крѣпость... Въ тотъ же день происходили отпѣваніе и погребеніе. Во второмъ часу пополудни пушечные залпы возвѣстили міру, что великій монархъ снисшелъ въ землю на вѣчное успокоеніе». (Шильдеръ, т. IV, стр. 442).

Теперь, когда мы ознакомились со всѣми имѣющимися документами, попробуемъ вывести безпристрастное заключеніе.

Читатель не посѣтуетъ на меня, если для полноты картины я время до времени буду возвращаться къ указаннымъ уже въ предыдущихъ главахъ противорѣчіямъ, недомолвкамъ, фак-

тамъ. Мнѣ казалось лучшимъ, приводя документы, параллельно отмѣчать то, что въ нихъ было достойнымъ особаго интереса. Теперь-же, суммируя содержаніе всего вышеизложеннаго и выводя заключеніе, придется, конечно, поневолѣ припоминать кое-что уже сказанное—не подробности, а самое существенное.

Въ краткомъ предисловіи къ этой книгѣ я изложилъ схему моего изслѣдованія: 1. Имѣлъ-ли Александръ I намѣреніе отречься отъ престола? 2. Если онъ имѣлъ это намѣреніе, то привелъ-ли онъ его въ исполненіе въ бытность свою въ Таганрогѣ, или умеръ, не успѣвъ осуществить это намѣреніе?

Таковы были первые два вопроса. Первый разрѣшенъ утвердительно безъ всякаго труда, да онъ, впрочемъ, никогда ни въ комъ не возбуждалъ сомнѣнія. Теперь мы со всей возможной полнотой изслѣдовали второй вопросъ. Какой-же безпристрастный отвѣтъ мы можемъ на него дать?

Я, съ полнымъ безпристрастіемъ, взвѣшивая всѣ pro и contra отвѣчаю на него утвердительно: да, императоръ Александръ I воспользовался своимъ пребываніемъ въ Таганрогѣ и легкимъ недомоганіемъ, чтобы привести свой планъ въ исполненіе.

Онъ скрылся, предоставивъ хоронить чье-то чужое тѣло.

Вотъ причины, приведшія меня къ такому убѣжденію.

1. Постоянныя, такъ сказать—хроническія и безнадежныя противорѣчія, встрѣчающіяся во всѣхъ документахъ, относящихся къ таганрогской драмѣ; тогда какъ эти документы должны-бы были (я-бы сказалъ: были обязаны!) согласоваться даже въ мелкихъ подробностяхъ. Я уже указывалъ на то, что изъ этихъ документовъ нельзя даже почерпнуть такихъ краеугольныхъ свѣдѣній о кончинѣ Александра, какъ: обстоятельства, при которыхъ наступила смерть, число лицъ присутствовавшихъ при ней, поведеніе императрицы и т. п.

2. Завѣдомо подложная подпись Тарасова подъ протоколомъ вскрытія тѣла, потому что нельзя-же въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы Тарасовъ лгалъ въ своихъ «Запискахъ», утверждая, что онъ протокола не подписывалъ.

3. Странное и тревожное настроеніе и не менѣе странные поступки императрицы Маріи Феодоровны, императора Николая I и князя П. М. Волконскаго: переписка Волконскаго съ

Вилламовымъ; скороспѣлый и несомнѣнно заднимъ числомъ писанный «Журналъ» князя; запрещеніе Николая I открыть гробъ для народа въ Казанскомъ соборѣ; неумѣстныя повторныя восклицанія императрицы Маріи Феодоровны въ Царскомъ Селѣ—«oui, c'est mon cher fils, mon cher Alexandre». Почему бы матери при видѣ тѣла сына понадобилось повторять такія слова, производящія впечатлѣніе—«да право-же это онъ»... Таинственная поѣздка ея-же въ Бабино и т. д.

4. Немедленно послѣ смерти распространившіеся слухи, что везутъ чужое тѣло. Вѣдь почему-нибудь такіе слухи возникли-же! А вѣдь это слухъ необычный. Кончина монарха часто зарождаетъ всякіе пересуды и всевозможные комментаріи, но только таганрогская драма породила *такой* слухъ. И слухъ этотъ, очевидно, показался народу настолько вѣроятнымъ, что хотѣли насильно вскрыть гробъ, а властямъ—настолько опаснымъ, что въ Московскомъ Кремлѣ по вечерамъ приставляли артиллерію къ воротамъ и посылали патрули по городу.

5. Исчезновеніе продолженія записокъ императрицы Елизаветы Алексѣевны послѣ 11-го ноября.

Записки эти несомнѣнно были писаны тоже заднимъ числомъ, на что указываетъ хотя бы такая фраза, какъ «онъ посмотрѣлъ... съ тѣмъ самымъ видомъ, который я наблюдала позже въ ужасныя минуты».

Продолженіе это, какъ я уже упоминалъ, несомнѣнно имѣлось, но оно исчезло; оно было, вѣроятно, уничтожено императоромъ Николаемъ I. Упоминалъ я также и о томъ, что Николай I уничтожилъ многіе документы, касающіеся именно послѣдняго періода жизни своего брата.

6) Протоколъ вскрытія тѣла.

Я уже выше объяснялъ, какъ я поступилъ съ копіями этого протокола. Врачи, давшіе мнѣ отвѣты, извѣстны на всю Россію, а нѣкоторые и за-границей. Рѣдкое единодушіе, съ которымъ они отрицаютъ возможность смерти отъ брюшного тифа или маляріи и указанія троихъ изъ нихъ, въ томъ числѣ европейски извѣстнаго сифилидолога М. П. Манассеина, на возможность смерти отъ сифилиса несомнѣнно убѣждаютъ, что въ Таганрогѣ было вскрыто тѣло не Александра I. Если даже допустить, что императоръ Александръ когда бы то ни было и гдѣ бы то ни было заразился сифилисомъ (что совершенно не

соотвѣтствуетъ всему тому, что о немъ извѣстно),—то весь ходъ «болѣзни» все-таки не соотвѣтствуетъ такому исходу.

7) Поведеніе самого императора, начиная съ отъѣзда изъ Петербурга; его отдѣльныя фразы и намеки.

Вспомнимъ хотя бы слѣдующіе изъ нихъ: «Я скоро переселюсь въ Крымъ и буду жить частнымъ человѣкомъ. Я отслужилъ 25 лѣтъ, и солдату въ этотъ срокъ даютъ отставку». Кн. Волконскій напоминаетъ ему, что ему уже около 50-ти лѣтъ и получаетъ отвѣтъ: «я слишкомъ чувствую это и увѣряю васъ, что я очень часто вспоминаю объ этомъ». По этому поводу нельзя не вспомнить словъ Александра, сказанныхъ имъ въ Кіевѣ еще въ 1817 г.: «когда кто-нибудь имѣетъ честь находиться во главѣ такого народа, какъ нашъ, онъ долженъ въ моментъ опасности первый идти ей на встрѣчу. Онъ долженъ оставаться на своемъ посту только до тѣхъ поръ, пока его физическія силы ему это позволяютъ; по прошествіи этого срока онъ долженъ удалиться... Что касается меня—я пока чувствую себя хорошо, но черезъ 10—15 лѣтъ, когда мнѣ будетъ 50 лѣтъ...»).

10-го и 14-го ноября онъ повторилъ ту же фразу—«надо считаться съ моими нервами, которые слишкомъ разстроены и безъ того, а лѣкарство разстроитъ ихъ еще больше»;—11-го ноября Вилліе пишетъ: «когда я говорю о кровопусканіи, онъ приходитъ въ бѣшенство и не удостоиваетъ говорить со мной»; 14-го ноября, отказавшись отъ лѣкарства, Александръ говоритъ Вилліе: «я надѣюсь, вы не сердитесь на меня за это, у меня мои причины»; того же числа онъ говоритъ духовнику: «прошу исповѣдать меня не какъ императора, а какъ простого мірянина».

Удивительно еще одно обстоятельство. Послѣ бесѣды съ духовникомъ—а бесѣдовалъ онъ еще, когда «болѣзнь» не предвѣщала ничего трагическаго—онъ за всѣ послѣдующіе четыре дня ни разу не выражалъ желанія видѣть священника и при «кончинѣ его» священникъ также не присутствовалъ. Это совершенно не похоже на Александра, который, если-бъ онъ дѣйствительно умиралъ, конечно потребовалъ къ себѣ священника. Да и близкіе къ нему люди, т. е. императрица и князь Волконскій, несомнѣнно послали-бы за священникомъ, хотя-бы чтобы прочитать отходную молитву.

Я привелъ главныя причины, убѣдившія меня въ томъ, что императоръ Александръ не умеръ въ Таганрогѣ; опускаю много мелочей, которыя читатель самъ усмотритъ изъ моихъ комментарій къ документамъ.

Теперь естественно возникаетъ вопросъ: если императоръ Александръ привелъ свое намѣреніе въ исполненіе и скрылся, то какъ и при какихъ обстоятельствахъ онъ могъ это сдѣлать?

Великій князь Николай Михайловичъ въ своей брошюрѣ «Легенда о кончинѣ» и т. д. (стр. 36) приводитъ разговоръ, имѣвшій мѣсто (въ его присутствіи) между Н. К. Шильдеромъ и однимъ лицомъ, про которое Великій Князь пишетъ, что не считаетъ себя въ правѣ его назвать. Это лицо, оппонируя, Шильдеру «на цѣлую серію его мистическихъ догадокъ» сказало: «Я допускаю возможность всѣхъ вашихъ предположеній по поводу исчезновенія Александра, кромѣ одного самаго основного и которое мнѣ кажется недопустимымъ. Какъ вы допускаете, чтобы можно было «escamoter» (скрыть, подмѣнить, сдѣлать «фокусъ») тѣло императора?!» Приводя эту фразу, Великій Князь добавляетъ:

— «Долженъ и я всецѣло присоединиться къ этому мнѣнію и сказать, что болѣе чѣмъ сомнительно допустить возможность подмѣны покойника, когда этимъ покойникомъ является русскій государь».

«Escamoter» чей-либо трупъ—несомнѣнно задача очень нелегкая, почти невозможная, въ виду полицейскихъ, врачебныхъ и зачастую юридическихъ препятствій; но—«escamoter» тѣло императора-самодержца, когда онъ самъ того желаетъ — не можетъ встрѣтить ни малѣйшихъ препятствій. Для этого Александру достаточно было трехъ-четырехъ лицъ, посвященныхъ въ его тайну. Эти лица, распредѣливъ между собой степень активнаго участія, должны были только найти подходящаго покойника, чтобы положить его въ гробъ вмѣсто императора, затѣмъ своимъ образомъ дѣйствій импонировать другимъ, непосвященнымъ, заставляя ложь принимать за истину, и—наконецъ—хранить молчаніе.

Въ обстановкѣ, при которой совершилось исчезновеніе Александра, все это было вовсе не трудно.

Гдѣ-то тамъ, за тридевять земель, въ Таганрогѣ, въ небольшомъ домѣ, при микроскопическомъ составѣ свиты и прислуги,

большинство которой даже не жило во дворцѣ—при маломальской осмотрительности и осторожности вся эта мистическая драма могла быть разыграна безъ сучка, безъ задоринки, не возбуждая ни въ комъ не малѣйшаго подозрѣнія; но повидимому разыграна она была не особенно удачно: кто-то или не справился съ своей задачей, или проговорился, или что-то пошло не совсѣмъ гладко; возникли подозрѣнія и тревожный слухъ сразу разнесся по всей Россіи.

Но кто-же могли быть лица, которыхъ императоръ посвятилъ въ свою тайну? Это, конечно, были такія лица, безъ сообщничества которыхъ онъ не могъ привести свой планъ въ исполненіе.

Такими лицами являются: императрица Елисавета Алексѣевна, ближайшій другъ государя, генералъ-адъютантъ, князь Петръ Михайловичъ Волконскій и одинъ изъ врачей — или лейбъ-медикъ баронетъ Вилліе, или докторъ Тарасовъ. Участіе этихъ трехъ или четырехъ лицъ было необходимо.

Посмотримъ же теперь, было-ли въ образѣ дѣйствій этихъ лицъ что-либо такое, что могло бы дать намъ хотя бы косвенное указаніе на ихъ сообщничество.

Во-первыхъ,—императрица Елисавета Алексѣевна.

Извѣстно, что супружеская жизнь ея была очень несчастлива; ничто не связывало этихъ двухъ людей, кромѣ того, что называется внѣшними приличіями. Каждый жилъ своей отдѣльной жизнью, своими радостями, огорченіями, увлеченіями. И вотъ внезапно, послѣ многолѣтняго отчужденія, разыгрывается по-истинѣ драматическая идиллія таганрогскаго уединенія. Было ли то со стороны Александра желаніе оставить по себѣ хорошее воспоминаніе въ женѣ, которую онъ, связавъ съ собой, выбросилъ изъ своей жизни и предъ которой онъ былъ виноватъ не менѣе, если не болѣе, чѣмъ она была виновата передъ нимъ,—или было это только желаніе имѣть въ нужную для него минуту надежнаго товарища, который «не выдастъ»— это загадка, ключъ къ которой супруги унесли въ могилу. Вѣроятнѣе всего, что въ поѣздкѣ въ Таганрогъ играло роль и то и другое. Объ этомъ можно заключить и изъ образа дѣйствій императора и изъ писемъ императрицы.

Тутъ мы опять можемъ найти указанія въ таинственномъ 11-го ноября.

На этомъ числѣ, какъ я уже неоднократно подчеркивалъ, обрываются записки императрицы на фразѣ: «Виллiе былъ веселъ, онъ сказалъ мнѣ, что у императора жаръ, но что я должна войти, что онъ не въ такомъ состоянiи, какъ наканунѣ»...

Супруги имѣли продолжительный разговоръ, содержанiе котораго неизвѣстно. Но въ этотъ же день, какъ я тоже уже отмѣчалъ, императрица писала своей матери письмо поражающее своей загадочностью: «Гдѣ убѣжище въ этой жизни? когда вы думаете, что все устроили къ лучшему и можете вкусить этого лучшаго, является неожиданное испытанiе, которое отнимаетъ у васъ возможность наслаждаться окружающимъ...»

Что обозначаютъ эти туманныя, полныя пессимизма слова? Какое явилось «неожиданное испытанiе, отнимающее возможность наслаждаться окружающимъ»? Вѣдь не легкое—каковымъ оно было тогда даже по официальнымъ источникамъ—недомоганiе государя.

Затѣмъ, страннымъ является ея пребыванiе въ домѣ Шихматовыхъ, куда она уѣхала 20-го ноября до 29-го. Почему она туда переѣхала? Почему Волконскiй еще 18-го утромъ предупредилъ Шихматовыхъ, чтобы они приготовились къ пріему императрицы? Если даже допустить, что ее удалили изъ дворца на время вскрытiя и бальзамированiя тѣла, но почему же она оставалась у Шихматовыхъ такъ долго? Если бы она оставалась до 11 декабря, то это еще можно было бы объяснить желанiемъ ея—или князя Волконскаго—чтобы она не возвращалась во дворецъ, пока тѣло не будетъ перевезено въ соборъ...

Наконецъ, почему она, несмотря на выраженное ею намѣренiе (въ письмахъ къ своей матери и свекрови) оставаться въ Таганрогѣ, «пока онъ останется, а когда онъ уѣдетъ и я уѣду»—не сопровождала тѣло въ Петербургъ, а осталась въ Таганрогѣ еще четыре мѣсяца. Здоровье ея было вполнѣ удовлетворительно и ужъ во всякомъ случаѣ болѣе удовлетворительно, чѣмъ оно было четыре мѣсяца спустя. Она всѣмъ распоряжалась, ѣздила на панихиды; «почеркъ ея сталъ тверже», какъ пишетъ императоръ Николай I въ частномъ письмѣ къ Волконскому.

Я не думаю утверждать, что вышеприведенные факты

являются неопровержимыми доказательствами участія императрицы въ исчезновеніи ея супруга: такихъ доказательствъ и не можетъ существовать, конечно, а если они и существовали, то были уничтожены; но все это во всякомъ случаѣ является страннымъ, даетъ возможность дѣлать извѣстныя предположенія, незамѣтно приводящія васъ къ заключенію, что она была—да и не могла не быть,—посвящена въ тайну Александра.

Одно лицо, которое я не могу назвать и о которомъ я уже упоминалъ, возражая мнѣ по этому поводу въ частномъ письмѣ, пишетъ:

— «Вы, вѣроятно, не дали себѣ труда прочесть внимательно всѣ письма Елисаветы Алексѣевны къ ея матери, маркграфинѣ Баденской о ходѣ болѣзни, о кончинѣ мужа. Вѣдь съ матерью она бы не стала «финтить», если бы она сомнѣвалась, что тотъ покойникъ, предъ которымъ дважды совершались въ сутки панихиды, не ея мужъ, а другой человѣкъ...»

На это я могу отвѣтить только одно: она и не сомнѣвалась, что этотъ покойникъ не ея мужъ, а разъ что по тѣмъ или инымъ причинамъ она должна была хранить тайну, то такія же другія письма она могла писать своей матери, человѣку ей лично, какъ дочери, близкому, но совершенно чужому Россіи, Александру и тому, что составляло семейную и династійную тайну семьи, въ которую она, Елизавета Алексѣевна, вступила...

Да вдобавокъ, и дальнѣйшая судьба самой вдовы Александра настолько загадочна, что заслуживала бы особаго изслѣдованія...

Слѣдующимъ за императрицей главнымъ дѣйствующимъ лицомъ таганрогской драмы является кн. П. М. Волконскій.

Я уже указывалъ на его переписку съ статсъ-секретаремъ Вилламовымъ, на его настойчивые совѣты закрыть гробъ въ Таганрогѣ; я только что упоминалъ о его посѣщеніи Шихматовыхъ 18-го ноября утромъ, послѣ того, что онъ «впервые завладѣлъ постелью Вилліе, чтобъ быть ближе къ императору» и т. п.

Но есть еще два пункта весьма существенныхъ для выясненія роли кн. Волконскаго въ разбираемомъ вопросѣ.

Кн. П. М. Волконскій оставилъ обширный архивъ дневниковъ, записокъ, всевозможныхъ документовъ. Часть этого архива, не представляющая почти никакого интереса, оказалась въ собственной Его Величества библіотекѣ, гдѣ хранится и по сію пору, а другая, большая часть, исчезла безслѣдно и была по всѣмъ вѣроятіямъ уничтожена императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

Второй очень загадочный пунктъ—это письма жены Волконскаго къ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ. Эти письма Шильдеръ приводитъ безъ всякихъ коментарій и безъ всякаго отношенія къ тексту своего труда въ приложеніи къ тому четвертому.

Княгиня Софья Волконская пріѣхала въ Таганрогъ послѣ 19-го ноября, вѣроятно въ серединѣ декабря.

Въ письмѣ своемъ отъ 26-го декабря она, между прочимъ, пишетъ (по-французски):

«Кислоты, которыя были примѣнены для сохраненія тѣла, сдѣлали его совершенно темнымъ. Глаза значительно провалились; форма носа наиболѣе измѣнилась, т. к. стала немного орлиной (un peu aquilin)».

Нельзя не отмѣтить, что это совсѣмъ не соотвѣтствуетъ «Запискамъ» Тарасова, но за то вполнѣ совпадаетъ съ показаніями самого Волконскаго.

Въ письмѣ отъ 29-го декабря княгиня констатируетъ, что «императрица присутствовала при послѣдней службѣ (предъ отправленіемъ тѣла въ Петербургъ) и безъ посторонней помощи подошла къ гробу», что указываетъ на весьма удовлетворительное состояніе здоровья Елисаветы Алексѣевны.

Но самымъ интереснымъ и по истинѣ загадочнымъ является письмо отъ 31-го декабря.

«Я осмѣливаюсь снова взяться за перо, чтобы передать вамъ, государыня, съ хорошей оказіей подробности, о которыхъ я узнала во время моего путешествія. Я сейчасъ же испытала чувство сожалѣнія, что ваше величество не узнали о нихъ прежде (или «во время», во французскомъ текстѣ—«dans le temps»; можетъ быть, авторъ письма хотѣлъ сказать «à temps»), такъ же, какъ и обо всѣхъ другихъ письмахъ моего мужа, которыя предшествовали этимъ, и здѣсь мое сожалѣніе еще возросло послѣ всѣхъ новыхъ данныхъ, кото-

рыя я узнала и послѣ того, что я убѣдилась, что нѣсколько лицъ, приближенныхъ къ императору, подозрѣвали и скрывали вещь, которую мой мужъ могъ одинъ замѣтить болѣе несомнѣнно (plus positivement) чѣмъ другіе. Съ его столь преданнымъ сердцемъ, любившимъ императора въ теченіи 29-ти лѣтъ кряду, съ полнымъ самоотреченіемъ, онъ могъ менѣе чѣмъ кто-либо другой—по крайней мѣрѣ, я такъ думаю—ошибиться по поводу того, что происходило въ его прекрасной душѣ. Благосклонность, съ которой вы соизволили, государыня, выслушать меня по поводу отрывка (un passage) изъ одного изъ писемъ моего мужа, которое я по тогдашнимъ обстоятельствамъ (vu le moment d'alors) предпочла не показать вамъ во всей его полнотѣ (или «правдивости», во французскомъ оригиналѣ—«j'avais évité de soumettre dans sa vérité à vos yeux)»; та доброта, съ которой вы изволили мнѣ отвѣтить и отъ которой, несмотря на тотъ моментъ, ничто не ускользало, останется въ моей памяти пока я буду жива; и потому я говорю самой себѣ теперь, что я не должна бояться ознакомить съ моими письмами (т. е.—мной полученными) мать нашихъ государей, которая не посѣтуетъ на меня за мое рѣшеніе сообщить ей извѣстіе тяжелое (une chose pénible), но которое она сможетъ довѣрить тому, который, быть можетъ, найдетъ для себя выгоднымъ узнать интимное наблюденіе, сдѣланное надъ душевнымъ настроеніемъ нашего возлюбленнаго незабвеннаго императора. Я должна добавить, что мой мужъ не знаетъ и никогда не узнаетъ, что я пишу это письмо и что я пересылаю вамъ, государыня, его письма, содержащія въ себѣ сообщеніе, которое онъ никогда не подумаетъ вамъ сдѣлать. Но меня утѣшаетъ мысль, что то, что онъ видѣлъ и что составляетъ его глубокое убѣжденіе по этому поводу не будетъ утеряно; я осмѣливаюсь вамъ это довѣрить и вы сдѣлаете изъ этого то употребленіе, которое небо, ваша мудрость и ваше знаніе нашего новаго государя вамъ подскажутъ. Умоляю васъ, государыня, сохранить для меня эти послѣднія письма моего мужа о несчастіи съ нами случившемся, или же, если ваше величество сочтетъ лучшимъ—передать ихъ запечатанными моей матери».

«Все, что связано съ вашимъ возлюбленнымъ сыномъ, представляетъ изъ себя воспоминаніе, которое я желала бы со-

хранить до моей смерти, но затѣмъ оно уничтожится вмѣстѣ со мной; я чувствую въ этомъ необходимость и сумѣю обезпечить ее заранѣе...»

«Воспоминанія необходимы въ томъ уединеніи, которому я надѣюсь себя посвятить, когда заботы о всѣхъ моихъ дѣтяхъ мнѣ это позволятъ...»

«Прошу васъ видѣть, государыня, въ этомъ письмѣ, написать которое мнѣ придала смѣлость ваша постоянная доброта,—мое преклоненіе предъ вашей добродѣтелью, мою вѣру въ вашу душевную силу, а также увѣренность, что вы никогда никому не откроете содержаніе этого письма»...

Что все это обозначаетъ? Какія данныя, о чемъ княгиня узнала? что подозрѣвали и скрывали приближенныя къ Александру лица? какія письма своего мужа кн. Волконская читала и пересылала императрица Маріи Феодоровнѣ? какое тяжелое извѣстіе сообщала она «матери государей»? Кто могъ найти для себя выгоднымъ знать интимныя наблюденія Волконскаго?

Одно можно заключить изъ этого письма—это то, что дѣло идетъ о какой-то важной тайнѣ, о которой Волконскій былъ болѣе освѣдомленъ, чѣмъ другіе, окружавшіе императора лица: однако эти лица тоже что-то подозрѣвали, и ихъ подозрѣнія явились непріятной неожиданностью. Очевидно также, что эта тайна была интимнаго характера, а не политическаго и не имѣла отношенія къ какимъ-либо революціоннымъ и военнымъ заговорамъ, т. к. въ послѣднемъ случаѣ главнымъ лицомъ обо всемъ освѣдомленнымъ являлся бы не Волконскій, а баронъ Дибичъ.

Кромѣ того, тайна эта несомнѣнно касалась пребыванія государя въ Таганрогѣ; это явствуетъ изъ самаго письма княгини Волконской: она пишетъ о письмахъ, полученныхъ изъ Таганрога отъ мужа, о данныхъ, собранныхъ ею по дорогѣ, о приближенныхъ къ императору, очевидно о находящихся въ Таганрогѣ.

Но какая же, однако, могла быть тайна у Александра въ бытность его въ Таганрогѣ? Мы, вѣдь, знаемъ почти часъ за часомъ, какъ и гдѣ онъ проводилъ время. Одного мы не

знаемъ—это содержаніе его частныхъ бесѣдъ съ императрицей, Волконскимъ, Вилліе и Тарасовымъ; только эти лица неоднократно оставались съ нимъ съ глазу на глазъ...

Перейдемъ къ той роли, которую могли играть въ исчезновеніи императора доктора Вилліе и Тарасовъ.

Привлеченіе къ дѣлу одного изъ нихъ, а можетъ быть—и даже вѣроятнѣе—обоихъ, являлось необходимымъ.

Спокойный и сдержанный англичанинъ Вилліе мало чѣмъ себя выдалъ, развѣ что своимъ заднимъ числомъ, писаннымъ дневникомъ и въ особенности согласіемъ совершенно стушеваться послѣ подписанія протокола вскрытія тѣла до самаго привоза тѣла въ Бабино. По тому офиціальному положенію, которое онъ занималъ, онъ, конечно, долженъ былъ играть первенствующую роль въ послѣдовавшихъ послѣ 20-го ноября событіяхъ; между тѣмъ, о немъ нигдѣ не упоминается, и даже наблюденіе за перевозомъ тѣла императрица Елисавета Алексѣевна поручаетъ не ему, а Тарасову. Послѣдній пунктъ меня настолько поразилъ, что я предположилъ было, что Вилліе уже не было въ Таганрогѣ, когда печальный кортежъ, двинулся на сѣверъ. Однако, лицо, о которомъ я уже упоминалъ, не считая себя въ правѣ назвать его имени, засвидѣтельствовало мнѣ, что Вилліе оставался все время въ Таганрогѣ и слѣдовалъ затѣмъ за кортежемъ.

Но какую же роль игралъ докторъ Тарасовъ, авторъ «Записокъ»?

Документально мы знаемъ только слѣдующее:

1) Тарасовъ былъ призванъ къ императору лишь 14-го ноября.

2) Онъ отказался вскрывать и бальзамировать тѣло, но составилъ протоколъ вскрытія, который опять таки отказался подписать, слѣдствіемъ чего было появленіе его завѣдомо подложной подписи, и—

3) Императрица Елизавета Алексѣевна поручила ему наблюдать за перевезеніемъ тѣла.

Къ этому еще можно добавить, что онъ является авторомъ воспоминаній, въ которыхъ почти все время противорѣчитъ другимъ офиціальнымъ документамъ и которыя были напеча-

таны въ «Русской Старинѣ» въ 1871-72 гг., т. е. какъ разъ въ тотъ самый періодъ времени, когда возникли слухи о тождествѣ старца Федора Кузьмича съ Александромъ I.

Вотъ все, что можно сказать о Тарасовѣ съ документальной точностью, вѣрнѣе, о его роли въ таганрогской драмѣ.

Мнѣ лично кажется, что Тарасовъ былъ посвященъ въ тайну, но въ послѣднюю минуту. Не обладая хладнокровіемъ и выдержкой своего англійскаго коллеги, онъ, вѣроятно, что называется «заартачился» въ предѣлахъ возможности, конечно, и выразилъ свой протестъ именно отказомъ подписать протоколъ и произвести бальзамированіе; дальше—его «урезонили», тѣмъ болѣе, что онъ, въ сущности говоря, ничего и не могъ подѣлать противъ воли императора и такихъ лицъ, какъ императрица, Волконскій и Вилліе. Для того же, чтобы его окончательно «задобрить», ему предоставили на видъ очень важную роль—наблюдать за перевозомъ тѣла, безвозвратно обязавъ его такимъ образомъ хранить молчаніе.

Спѣшу еще разъ повторить, что это только мои предположенія.

Вотъ все, что можно сказать, не давая слишкомъ большого простора фантазіи, о лицахъ, посвященныхъ въ тайну.

Теперь, прежде чѣмъ закончить эту главу и вмѣстѣ съ тѣмъ первую часть этой книги, намъ остается разобраться, поскольку возможно, еще въ одномъ вопросѣ: чье тѣло было похоронено вмѣсто Императора Александра I?

Этотъ вопросъ въ сущности говоря — второстепенной важности.

При твердо-выраженной волѣ императора въ большомъ городѣ не трудно было въ концѣ концовъ подобрать въ одномъ изъ госпиталей подходящаго—болѣе или менѣе—покойника. Розыски, конечно, начались исподволь, вѣроятно съ 11-го ноября, и когда нашли то, чего хотѣли, тогда и была инсценирована послѣдняя картина драмы. Если это было именно такъ, то розыски заняли семь дней. 17-го Волконскій привелъ розыски къ желаннымъ результатамъ, въ ночь на 18-е «завладѣлъ постелью Вилліе, чтобъ быть ближе къ императору», т. е. для того, чтобы окончательно уговориться о приведеніи плана въ исполненіе; выработавъ всѣ детали, онъ 18-го утромъ озаботился пріисканіемъ помѣщенія для импе-

ратрицы въ домѣ Шихматовыхъ, и—19-го утромъ императоръ «умеръ» въ присутствіи одной только императрицы, пока Волконскій и Дибичъ заблаговременно опечатывали бумаги въ его кабинетѣ.

Привозъ чужого трупа и исчезновеніе императора, вѣроятно, состоялось въ ночь съ 19-го на 20-е, можетъ быть и раньше. Офиціальные документы хранятъ молчаніе о томъ, что происходило во дворцѣ съ 11-ти часовъ утра 19-го ноября до 7-ми часовъ вечера 20-го ноября.

Но чье же тѣло, однако, могло быть подложено?

Существуютъ три предположенія.

Первое,—наиболѣе распространенное и, въ сущности говоря, наименѣе вѣроятное — указываетъ на тѣло фельдъегеря Маскова, умершаго, какъ извѣстно, 3-го ноября при паденіи изъ экипажа по дорогѣ въ Таганрогъ. Я уже приводилъ (глава II) подробности этого печальнаго событія по «Воспоминаніямъ» Д. К. Тарасова.

Великій князь Николай Михайловичъ въ своей брошюрѣ «Легенда о кончинѣ Александра I», даетъ по этому поводу слѣдующія интересныя свѣдѣнія.

«Во время моихъ бесѣдъ съ покойнымъ Николаемъ Карловичемъ Шильдеромъ, онъ неоднократно останавливался на этомъ случаѣ и обращалъ мое вниманіе на замѣтку Тарасова. Послѣ ряда усилій, чтобы найти кого-либо изъ потомковъ убившагося фельдъегеря Маскова, Шильдеру удалось напасть на слѣдъ нѣкоего Аполлона Аполлоновича Курбатова, профессора химіи въ технологическомъ институтѣ. Я лично пригласилъ профессора къ себѣ, и вотъ что онъ мнѣ передалъ въ 1902 г., вскорѣ послѣ кончины самого Шильдера. А. А. Курбатовъ приходился по матери своей внукомъ фельдъегеря Маскова, и у нихъ въ семьѣ сложилось не то убѣжденіе, не то предположеніе, что будто-бы дѣдъ ихъ, Масковъ, похороненъ въ соборѣ Петропавловской крѣпости, вмѣсто императора Александра I, что это преданіе ему, профессору, тоже извѣстно, и, что дѣти Маскова допускали возможность такого преданія. Къ сожалѣнію, всѣ дѣти Маскова давно умерли, ихъ было пять, два сына и три дочери, также не было въ живыхъ отца А. А. Курбатова, Аполлона Митрофановича, скончавшагося въ 1857 г. и его жены, Александры Нико-

лаевны, рожденной Масковой, умершей въ 90-хъ годахъ. Самъ профессоръ (въ то время уже пожилой человѣкъ), скончался въ 1903 году. Другихъ потомковъ, какъ сыновей Маскова, такъ и остальныхъ его дочерей, мнѣ не удалось отыскать. Во всякомъ случаѣ курьёзно, что такого рода преданіе могло вообще существовать и, по показанію профессора Курбатова, оно хранилось въ семьѣ въ тайнѣ и по понятнымъ причинамъ избѣгалось къ оглашенію. Въ Московскомъ Лефортовскомъ архивѣ я нашелъ не только формулярный списокъ Маскова, но и подробное донесеніе капитана Михайлова командиру фельдъегерскаго корпуса, майору Васильеву, писанное 6-го ноября 1825 г. изъ Таганрога. Оно схоже съ разсказомъ Шильдера и съ описаніемъ Тарасова, но кромѣ того указано точно мѣсто, гдѣ похороненъ фельдъегерь Масковъ, а именно въ томъ селеніи, гдѣ случилось съ нимъ несчастье: «4-го числа ноября преданъ землѣ въ семъ же означенномъ селеніи при фельдшерѣ Вельшѣ, который былъ посланъ по приказанію начальника главнаго штаба его Высокопревосходительства генералъ-адьютанта Дибича изъ города Орѣхова». Семейству Маскова пожаловано было, по Высочайшему повелѣнію, полное содержаніе, которое онъ получалъ при жизни, и, кромѣ того, нѣсколько разъ отпускалась сумма на уплату долговъ, а младшая дочь, Александра (впослѣдствіи Курбатова) опредѣлена была на казенное содержаніе въ мѣщанское училище благородныхъ дѣвицъ».

«Слѣдовательно, внѣ всякаго сомнѣнія, что тѣло погибшаго фельдъегеря Маскова было похоренено на другой день послѣ происшествія, т. е. 4 ноября, за 15 дней до кончины государя».

Въ этомъ разсказѣ великаго князя Николая Михайловича интересенъ, конечно, тотъ фактъ, что въ семьѣ Маскова существовало убѣжденіе относительно погребенія убившагося фельдъегеря въ усыпальницѣ императорской фамиліи.

Почему такое предположеніе, обратившееся съ годами въ убѣжденіе, могло возникнуть?

За вѣроятность такого предположенія могъ бы свидѣтельствовать самый фактъ его возникновенія. Въ самомъ дѣлѣ: умираетъ фельдъегерь отъ несчастнаго случая, двѣ недѣли

спустя умираетъ императоръ. Ни по обстоятельствамъ, ни по времени, протекшему отъ одной смерти до другой — казалось бы нельзя было найти ни малѣйшаго повода для предположенія, что тѣло Маскова было погребено вмѣсто императора. Между тѣмъ въ семьѣ появляется убѣжденіе, что это именно такъ было, и убѣжденіе это не выносится такъ сказать—на улицу, а наоборотъ—держится въ глубочайшей тайнѣ; слѣдовательно, нельзя заподозрить никакихъ корыстныхъ цѣлей. Съ другой стороны, мы видимъ, что семья Маскова осыпана изъ ряда вонъ выходящими милостями. Ей въ видѣ пенсіи оставляютъ полностью получавшееся Масковымъ жалованіе, а позже—уже Николай I нѣсколько разъ уплачиваетъ долги семьи погибшаго фельдъегеря, и дочь его опредѣляется въ училище на казенный счетъ. Страннымъ тоже можетъ показаться тотъ фактъ, что Маскова похоронили, вопреки обычаю православной церкви, на слѣдующій-же день послѣ смерти, въ присутствіи какого-то фельдшера, спеціально командированнаго бар. Дибичемъ.

Если прибавить къ этому еще «необыкновенное выраженіе въ чертахъ лица государя» при полученіи извѣстія о смерти Маскова, то преданіе, хранящееся въ его семьѣ, несомнѣнно пріобрѣтаетъ нѣкоторое правдоподобіе.

Съ другой стороны весьма вѣсскимъ аргументомъ противъ такого предположенія является продолжительность промежутка времени между 4 и 19-мъ ноября. Если Масковъ умеръ 3-го ноября, то зачѣмъ понадобилось императору отложить исполненіе своего плана до 19-го, разъ что ему пришла мысль похоронить вмѣсто себя Маскова? Да и какъ могли бы сохранить и тайно перевезти въ Таганрогъ трупъ умершаго фельдъегеря? тайно перевезти — это еще, конечно, было возможно, но—сохранить въ теченіи двухъ недѣль?

Возможно такое объясненіе: что Масковъ не умеръ 3-го ноября, а позже, ближе къ 19-му; что 4 ноября похоронили въ присутствіи фельдшера пустой гробъ, и что Тарасовъ, опубликовавшій свои воспоминанія уже послѣ того, какъ онъ былъ посвященъ въ тайну Александра I, умышленно придумалъ всю сцену своего доклада императору о смерти Маскова. Но такое объясненіе мало правдоподобно.

Вдобавокъ, этому противорѣчитъ и самый протоколъ вскрытія тѣла, не указывающій на поврежденіе черепныхъ и иныхъ костей.

Второе предположеніе о томъ, чье тѣло могло быть похоронено вмѣсто Александра таково: присужденный къ тѣлеснымъ наказаніямъ солдатъ таганрогскаго гарнизона не вынесъ «шпицрутеновъ» и умеръ; воспользовались его трупомъ. Это предположеніе тоже болѣе, чѣмъ сомнительно, т. к. тоже не соотвѣтствуетъ протоколу вскрытія тѣла.

Самымъ правдоподобнымъ является третье предположеніе котораго придерживался и Н. К. Шильдеръ—что похоронено было тѣло одного солдата (или фельдфебеля) Семеновскаго полка, находившагося и умершаго случайно въ Таганрогѣ; причемъ человѣкъ этотъ имѣлъ нѣкоторое сходство съ императоромъ Александромъ.

Мнѣ лично неизвѣстно, на какихъ точныхъ данныхъ основывалъ покойный историкъ свою гипотезу; надо полагать, что какія-нибудь данныя у него были о пребываніи и смерти этого солдата въ Таганрогѣ. Во всякомъ случаѣ, если его догадка покоилась на какихъ-либо основаніяхъ, то она является, конечно, самой правдоподобной, т. к. несомнѣнно похоронено было тѣло кого-то, умершаго за день до 18-го ноября и болѣе или менѣе похожаго на императора, скорѣе... менѣе, если судить по письму княгини Волконской (провалившіеся глаза, немного орлиный носъ).

Быть можетъ, важную роль сыгралъ въ этомъ докторъ Александровичъ, о которомъ нигдѣ не упоминается, кромѣ частнаго письма изъ семьи Шихматовыхъ, и чья подпись фигурируетъ подъ протоколомъ вскрытія; быть можетъ ему, какъ «штабъ-лекарю», т. е. главному мѣстному врачу, была поручена миссія подыскать въ одномъ изъ госпиталей нужнаго покойника. Появился онъ во дворцѣ впервые 18-го числа, по Шихматовскимъ письмамъ для подачи медицинской помощи; но ни Вилліе, ни Тарасовъ, ни кн. Волконскій о немъ не упоминаютъ, хотя казалось бы, что будь онъ призванъ «профессіонально», они должны были объ этомъ упомянуть.

Это, конечно, изъ области предположеній, но предположеній возможныхъ.

Въ концѣ концовъ, повторяю, что такъ или иначе найти чужое тѣло было нетрудно, разъ того желалъ императоръ съ молчаливаго согласія императрицы, Волконскаго и Вилліе; а чье именно тѣло было подложено, это уже вопросъ второстепенный.

Воля царственнаго мистика была исполнена и сохранена въ тайнѣ, опять таки—болѣе или менѣе—въ тайнѣ... Слухи возникли еще почти у открытаго гроба, и войска съ артиллеріей во главѣ охраняли во время шествія на сѣверъ эту плохо охраненную тайну...

VIII.

Осенью 1836 года въ окрестностяхъ города Красноуфимска (Пермской губ.) къ находившейся тамъ кузницѣ подъѣхалъ верхомъ на красивой лошади пожилой мужчина лѣтъ шестидесяти и просилъ подковать лошадь. Кузнецъ, выполняя заказъ, вступилъ въ то-же время въ разговоръ съ проѣзжимъ: куда и откуда онъ ѣдетъ, какъ звать и т. д. На всѣ эти вопросы старикъ отвѣчалъ неохотно и уклончиво. Такой образъ дѣйствій проѣзжаго, а также его барскія манеры, не соотвѣтствовавшія его крестьянскому кафтану—все это вмѣстѣ возбудило подозрѣнія кузнеца. Собралась понемногу толпа, которая въ концѣ концовъ и повела незнакомца въ городъ на допросъ.

На допросѣ онъ отказался дать какія-либо свѣдѣнія о себѣ, кромѣ того, что онъ непомнящій родства бродяга по имени Федоръ Кузьмичъ. Однако его наружность, манера говорить и держаться заставили допрашивавшихъ его лицъ отнестись къ нему съ большой мягкостью и осторожностью. Его всячески старались убѣдить открыть всю правду, дабы не подвергнуть его послѣдствіямъ закона о бродяжничествѣ; но онъ упорно стоялъ на своемъ. Результатомъ этого упорства было то, что его наказали двадцатью ударами плети и сослали на поселеніе въ Томскую губернію.

Ко времени этого допроса въ Красноуфимскѣ слѣдуетъ, по всѣмъ, вѣроятіямъ отнести слѣдующій разсказъ крестьянки Феклы Степановны Коробейниковой, слышанный ею отъ самаго Кузьмича.

«По какому-то случаю дано было знать императору Николаю Павловичу, и по распоряженію Его Величества былъ присланъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Онъ по пріѣздѣ своемъ въ городъ, прямо явился въ острогъ и перваго посѣтилъ старца Федора Кузьмича и сильно оскорбился на начальствующихъ, хотѣлъ ихъ привлечь къ суду, но старецъ уговорилъ Великаго Князя оставить все въ забвеніи. Просилъ также, чтобы его осудили на поселеніе въ Сибирь, что также было исполнено». 26 марта 1837 г. Федоръ Кузьмичъ прибылъ съ 43-ей партіей ссыльныхъ въ Боготольскую волость Томской губерніи и былъ помѣщенъ на жительство на казенный Краснорѣченскій винокуренный заводъ, хотя и былъ приписанъ къ деревнѣ Зерцалы. Какъ во время переѣзда, такъ и во время пребыванія его на заводѣ съ нимъ обращались очень хорошо. Смотритель завода его очень любилъ, доставлялъ ему все необходимое и не назначалъ его ни на какія работы. Такое же отношеніе къ нему было и со стороны служащихъ и рабочихъ. Прожилъ онъ на заводѣ около пяти лѣтъ, а въ 1842 году переѣхалъ въ Бѣлоярскую станицу въ избу нарочно для него выстроенную казакомъ Семеномъ Николаевичемъ Сидоровымъ.

Родственникъ этого Сидорова—вѣроятно, братъ—Матвѣй Николаевичъ Сидоровъ, разсказывалъ впослѣдствіи, что какая-то высокопоставленная особа, по имени Марія Федоровна, присылала старцу одежду и деньги *).

Прожилъ онъ у Сидоровыхъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, т. к. крестьяне сосѣднихъ деревень постоянно посѣщали его, обращались къ нему за совѣтами, старались переманить его каждый въ свою деревню, словомъ—мѣшали его уединенію. Онъ переѣхалъ на мѣсто своей приписки, въ деревню Зерцалы, и поселился въ общей избѣ у отбывшаго срокъ наказанія каторжанина Ивана Ивановича, человѣка очень бѣднаго, скромнаго и добродушнаго; но здѣсь повторилось то-же, что было у Сидоровыхъ—ему не давали покоя. Ивановъ, замѣтя это, построилъ для него отдѣльную келью внѣ деревни, куда старецъ

*) Императрица Марія Федоровна скончалась въ 1828 г.; такъ что, если разсказъ М. Н. Сидорова имѣетъ въ виду именно ее, то это можетъ относиться только къ первымъ годамъ послѣ таганрогской драмы, или-же къ ея посмертной волѣ.

и переѣхалъ, но жилъ тамъ только урывками, постоянно отлучаясь въ сосѣднія деревни.

Кромѣ того, въ первое лѣто (1843 г.) онъ ушелъ въ Енисейскую тайгу на золотые пріиска Попова, гдѣ и проработалъ нѣсколько мѣсяцевъ. Пріисками управлялъ тогда нѣкто Асташевъ, впослѣдствіи извѣстный золотопромышленникъ, чей сынъ, между прочимъ, служилъ въ гвардіи, былъ хорошо извѣстенъ въ высшемъ петербургскомъ кругу и, если не ошибаюсь, былъ даже флигель-адъютантомъ.

Асташевъ выдѣлялъ Федора Кузьмича изъ числа всѣхъ служащихъ на пріискахъ и отзывался о немъ съ большимъ уваженіемъ.

Шесть лѣтъ спустя, старецъ снова перемѣнилъ свое мѣстожительство и переѣхалъ на берегъ рѣки Чулвинъ, въ двухъ верстахъ отъ села Краснорѣченскаго. Тамъ ему была приготовлена келья богатымъ и очень популярнымъ крестьяниномъ Иваномъ Гавриловичемъ Латышевымъ на его пасѣкѣ.

У Латышева онъ прожилъ восемь лѣтъ, но не на одномъ мѣстѣ: такъ, въ 1851 г. онъ просилъ Латышева перенести его келью въ тайгу, въ 10-ти верстахъ къ сѣверу отъ села Краснорѣченскаго, вблизи деревни Коробейниковой; а въ 1854—снова перебрался на Красную Рѣчку, гдѣ опять таки Латышевъ построилъ ему другую келью въ сторонѣ отъ дороги, въ чащѣ, на обрывѣ.

За этотъ періодъ его жизни популярность его все больше и больше возрастала; онъ же самъ обнаруживалъ все большую и большую склонность къ уединенію. Иногда онъ сидѣлъ по цѣлымъ днямъ запершись у себя въ кельѣ; очень мало кого принималъ, а если съ кѣмъ и бесѣдовалъ, то большей частью внѣ кельи; почти совсѣмъ пересталъ посѣщать сосѣднія деревни, чѣмъ глубоко огорчилъ крестьянъ, привыкшихъ видѣть въ немъ наставника и совѣтника. Во время посѣщенія деревень, онъ обучалъ грамотѣ, священному писанію, исторіи, географіи, давалъ цѣнныя указанія по сельскому хозяйству и земледѣлію въ особенности.

Къ пребыванію его у Латышева относятся слѣдующіе разсказы о немъ современниковъ и лицъ, знавшихъ его.

«Къ Федору Кузьмичу заходили многіе пріѣзжающіе; изъ нихъ были и люди благородные, высокіе. Это безпокоило Фе-

дора Кузьмича. Однажды Федоръ Кузьмичъ, поднявшись на верхъ кельи, замѣтилъ въ трубѣ что-то положенное, крайне смутился этимъ и огорчась, сказалъ хозяину: «зачѣмъ это мнѣ положили неподобающее мнѣ?»

«А что это было, разсказывавшая не могла объяснить, потому что Федоръ Кузьмичъ не объяснилъ и на вопросъ хозяина отвѣчалъ: «Нѣтъ, панокъ, это запечатано», т. е. это его тайна, которую нельзя открыть».

«Федоръ Кузьмичъ обладалъ большой физической силой: такъ, при метаніи сѣна поднималъ на вилы чуть не копну сѣна и металъ это на стогъ, не опирая конца вилъ сперва въ землю, какъ обыкновенно это дѣлаютъ метатели сѣна, а поднималъ всю тяжесть на рукахъ, что приводило въ удивленіе зрителей». (Преосвященный Макарій, епископъ Томскій и Барнаульскій со словъ одной старицы, лично знавшей Федора Кузьмича).

Крестьянинъ села Боготолъ, Булатовъ, который неоднократно посѣщалъ Федора Кузьмича, человѣкъ весьма почтенный и словамъ котораго можно вѣрить высказывалъ о старцѣ Федорѣ Кузьмичѣ мнѣніе, какъ о важномъ лицѣ, принявшемъ на себя добровольно обѣтъ молчанія и со смиреніемъ переносившемъ всѣ наказанія и лишенія ссыльнаго. Онъ нисколько не скрывалъ ходячаго въ этомъ краю мнѣнія нѣкоторыхъ, что это никто другой, какъ императоръ Александръ I, но положительныхъ доказательствъ этого послѣдняго никто привести не могъ.

«Преосвященный Афанасій, епископъ Иркутскій, въ бытность свою въ селѣ Краснорѣченскомъ пожелалъ видѣться со старцемъ и попросилъ у хозяина, Латышева, лошадь; запрягли лошадь въ маленькую одноколку и тотчасъ-же послали за старцемъ. Когда старецъ подъѣхалъ къ латышевскому крыльцу, владыка вышелъ встрѣтить его на крыльцо. Выйдя изъ одноколки, старецъ Федоръ поклонился архіерею въ ноги, а владыка старцу, при чемъ они взяли другъ у друга правую руку и поцѣловали, какъ цѣлуются между собой священники. Затѣмъ преосвященный, уступая дорогу старцу, просилъ его идти впередъ, но старецъ не соглашался; наконецъ, владыка, взялъ старца за правую руку, ввелъ его въ горницу, гдѣ раньше самъ сидѣлъ и началъ съ нимъ ходить, не выпуская

его руки, какъ два брата; долго они такъ ходили, много говорили даже не по-нашенски, не по-русски и смѣялись. Мы тогда стали дивиться, кто такой нашъ старецъ, что ходитъ такъ съ архіереемъ и говоритъ не по-нашенски».

(Упоминаемый въ этомъ разсказѣ преосвященный Афанасій послѣ этой первой встрѣчи неоднократно пріѣзжалъ къ Федору Кузьмичу изъ Иркутска, останавливался въ его кельѣ и проживалъ у него иногда по нѣсколько дней).

«Старецъ называлъ себя бродягой и говорилъ, что картины свои купилъ у какого-то князя Волконскаго».

(Картины, о которыхъ тутъ говорится,—двѣ гравюры; одна изъ нихъ, изображающая икону Почаевской Божьей Матери въ чудесахъ, интересна тѣмъ, что на ней есть иниціалы AI на престольныхъ облаченіяхъ въ тѣхъ изображеніяхъ чудесъ отъ иконы, которыя совершались въ храмѣ. Гравюра напечатана въ 1855 г. съ дозволенія цензора, протоіерея Петра Велицкаго, но гдѣ неизвѣстно, т. к. лѣвый нижній уголъ гравюры сгорѣлъ въ 1887 г. по неосторожности купца Хромова, у котораго гравюра хранилась послѣ смерти старца. О какомъ князѣ Волконскомъ идетъ рѣчь, мнѣ доискаться не удалось; во всякомъ случаѣ не о ген.-ад. кн. П. М. Волконскомъ и не о декабристѣ, т. к. обоихъ ихъ ужъ не было въ живыхъ въ концѣ 50-хъ годовъ).

«Однажды на пасѣкѣ Латышева у него былъ графъ Толстой, который пріѣхалъ къ нему утромъ, просидѣлъ до поздняго вечера, но о чемъ говорили они между собой—неизвѣстно».

«Однажды старецъ Федоръ приходитъ къ Парамонову (церковный староста въ с. Краснорѣченскомъ). У Парамонова въ это время жилъ солдатъ Оленьевъ, занимавшійся сапожнымъ мастерствомъ. Увидавъ изъ окна проходившаго въ домъ Федора Кузьмича, Оленьевъ спросилъ у бывшихъ въ избѣ крестьянъ: «кто это?» затѣмъ, бросившись въ избу впередъ старца съ крикомъ: «это царь нашъ, батюшка Александръ Павловичъ!», отдалъ ему честь по-военному; тогда старецъ сказалъ ему: «мнѣ не слѣдуетъ воздавать воинскія почести, я бродяга; тебя за это возьмутъ въ острогъ, а меня здѣсь не будетъ; ты никому не говори, что я царь».

«Однажды со старцемъ былъ такой случай: недалеко отъ

его кельи работники Латышева производили какія-то полевыя работы и при этомъ пѣли пѣсни. Вдругъ они запѣли пѣсню, начинающуюся словами:

«Ѣздилъ русскій бѣлый царь,
«Православный государь
«Изъ своей земли далекой
«Злобу поражать»...

«Во время пѣнія старецъ Федоръ Кузьмичъ сидѣлъ на заваленкѣ у своей кельи. Лишь только онъ услышалъ вышеприведенную пѣсню, онъ задрожалъ, заплакалъ и ушелъ въ свою келью, а затѣмъ подозвалъ одного изъ латышевскихъ рабочихъ, приказалъ прекратить пѣніе, а послѣ просилъ Латышева, чтобы онъ не позволялъ своимъ рабочимъ пѣть пѣсни объ Александрѣ I».

«Къ Василію Ускову хаживалъ поселенецъ, плотникъ Семенъ Андреевъ, который часто бывалъ у старца Федора Кузьмича. Онъ разсказываетъ: бывало пойдешь съ Федоромъ Кузьмичемъ гулять по полю или лѣсу, а онъ идетъ и про себя подъ носъ бурчитъ—«былъ царь, теперь бродяга, живу въ бѣдности».

«Отецъ Георгій Бѣлоусовъ слышалъ о томъ, что проходившій въ партіи ссыльныхъ солдатъ узналъ въ старцѣ Федорѣ императора Александра и палъ передъ нимъ на колѣни. Федоръ Кузьмичъ поспѣшилъ поднять его на ноги и просилъ никому не говорить, кто онъ; но солдатъ не послушался и разсказалъ».

«Однажды при починкѣ рамы окна кельи Федора Кузьмича, его сильно безпокоили. Старецъ не вытерпѣлъ и разсердившись, гнѣвно сказалъ: «перестаньте! если бы вы знали, кто я, вы бы не осмѣлились меня такъ безпокоить. Стоитъ мнѣ написать одну строчку въ Петербургъ, и васъ на свѣтѣ не будетъ».

«Латышевы говорили, что Федоръ Кузьмичъ московскій старообрядческій архіерей, скрывающійся здѣсь отъ полиціи».

(Это послѣднее предположеніе во всякомъ случаѣ неправильно, т. к. Федоръ Кузьмичъ неоднократно подчеркивалъ свою непринадлежность къ духовному званію).

«Отецъ Георгій Бѣлоусовъ говорилъ, что старецъ Федоръ Кузьмичъ не причащался, потому, какъ онъ самъ говорилъ о себѣ, что онъ уже отпѣтъ».

«Федоръ Степановичъ Голубевъ свидѣтельствуетъ, что старецъ сказалъ ему: «многіе говорятъ про меня, что я изъ архіереевъ, напрасно они говорятъ это—я изъ людей гражданскихъ». Въ это время въ солдатской казармѣ, недалеко отъ кельи играла музыка. Старецъ сказалъ: «вотъ, любезный, нынче и музыка-то другого направленія; а въ старину была хуже». Видно было, что онъ понималъ хорошо музыку».

За время пребыванія старца у Латышева, онъ, какъ я уже упоминалъ выше, мало кого принималъ и посѣщалъ, и искалъ уединенія. Однако среди мѣстныхъ крестьянъ нѣкоторые пользовались его расположеніемъ: два его бывшихъ квартирохозяина Иванъ Ивановъ и казакъ Сидоровъ, семья крестьянина Ивана Яковлевича Коробейникова, семья Латышева и семья крестьянина Ивана Федотовича Ерлыкова (изъ деревни Мазуля, Ачинскаго округа).

Но самымъ близкимъ его другомъ была одна бѣдная сирота, крестьянка Александра Никифоровна, которая познакомилась съ нимъ, когда ей было всего еще двѣнадцать лѣтъ, и которой онъ замѣнилъ умершихъ родителей.

Исторія этой дѣвушки въ высшей степени любопытна съ точки зрѣнія интересующаго насъ вопроса.

Проведя свое дѣтство около старца, она переняла отъ него то, что можно было бы назвать почти религіозной маніей, и рѣшила отправиться странствовать по русскимъ монастырямъ. Ея братья всячески старались оттоворить ее и хотѣли выдать ее замужъ. Но она настояла на своемъ и въ 1849 году, снабженная старцемъ подробными свѣдѣніями о маршрутѣ путешествія, о монастыряхъ, о лицахъ, оказывающихъ гостепріимство странникамъ, пустилась въ далекій путь...

«Какъ бы мнѣ увидать царя? говорила она старцу, разспрашивая его о разныхъ высокопоставленныхъ лицахъ.

«Погоди», задумчиво отвѣчалъ онъ: «можетъ быть и не одного царя на своемъ вѣку увидать прійдется, Богъ дастъ и разговаривать съ нимъ будешь»...

Этимъ словамъ Федора Кузьмича суждено было, въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, сбыться. Слѣдуя данной

ея инструкціи, Александра Никифоровна разыскала въ Почаевѣ графиню Остенъ-Сакенъ, и проживъ тамъ нѣсколько дней, приняла приглашеніе графини поѣхать вмѣстѣ съ нею въ Кременчугъ, гдѣ находился мужъ графини, извѣстный своимъ благочестіемъ, графъ Дмитрій Ерофеевичъ и его семья. Молодая сибирячка очень понравилась Остенъ-Сакенамъ и они пріютили ее у себя на нѣсколько мѣсяцевъ.

Случилось такъ, что какъ разъ, когда Александра Никифоровна жила у графа, пріѣхалъ въ Кременчугъ императоръ Николай и тоже остановился у Остенъ-Сакеновъ. Она была ему представлена и, повидимому, тоже завладѣла его симпатіей. Онъ съ ней долго бесѣдовалъ, разспрашивая о Сибири.

Александра Никифоровна, бойкая и смышленая дѣвушка, нисколько не растерялась отъ такой казалось бы удивительной для нея встрѣчи и отвѣчала императору на всѣ его вопросы.—«Вотъ», говоритъ государь Остенъ-Сакену: «какая у тебя смѣлая гостья пріѣхала».—«А чего же мнѣ, говорю, бояться? Со мной Богъ, да святыми молитвами великій старецъ Федоръ Кузьмичъ, а вы всѣ такіе добрые: ишь какъ меня угощаете!».

«Графъ только улыбнулся, а Николай Павловичъ какъ бы насупился».

Покидая Кременчугъ, императоръ велѣлъ Остенъ-Сакену дать дѣвушкѣ записку-проспускъ на случай, если-бы она поѣхала въ Петербургъ.

«Если будешь въ Петербургѣ», сказалъ онъ Александрѣ Никифоровнѣ: «заходи во дворецъ, покажи ту записку и нигдѣ не задержатъ,—разсказала бы мнѣ о своихъ странствованіяхъ; если будетъ тебѣ въ чемъ нужда, обратись ко мнѣ, я тебя не забуду».

Этотъ разсказъ Александры Никифоровны (цитируемый также г. Василичемъ въ его книгѣ) несмотря на его, казалось бы, анекдотичность, совершенно правдивъ, такъ-же какъ и продолженіе его принимающее почти, какъ справедливо замѣчаетъ г. Василичъ, сказочный характеръ. Продолженіе это касается ея второй поѣздки и ея замужества; я приведу его послѣ.

Запиской, выданной ей по Высочайшему повелѣнію графомъ Остенъ-Сакеномъ, Александра Никифоровна не имѣла

случая воспользоваться, т. к. въ Петербургъ не поѣхала, а проживъ три мѣсяца у графа и посѣтивъ нѣсколько окрестныхъ монастырей, вернулась во-свояси.

Вотъ какъ она описываетъ свою встрѣчу съ Федоромъ Кузьмичемъ (цитирую по книгѣ г. Василича: «Императоръ Александръ и старецъ Федоръ Кузьмичъ»).

«Долго обнималъ меня Федоръ Кузьмичъ, прежде чѣмъ приступить ко мнѣ съ разспросами о моихъ странствованіяхъ, и все-то я разсказывала ему, гдѣ была, что видѣла и съ кѣмъ разговаривала: слушалъ онъ меня со вниманіемъ, обо всемъ разспрашивалъ подробно, а потомъ сильно задумался: смотрѣла я на него, смотрѣла, да и говорю ему спроста: «батюшка Федоръ Кузьмичъ! Какъ вы на императора Александра Павловича похожи!» Какъ я только это сказала, онъ весь въ лицѣ измѣнился, поднялся съ мѣста, брови нахмурились, да строго такъ на меня: «а ты почемъ знаешь? кто тебя научилъ такъ сказать мнѣ?» Я и испугалась. «Никто, говорю, батюшка,—ато я такъ спроста сказала; я видѣла во весь ростъ портретъ императора Александра Павловича у графа Остенъ-Сакена, мнѣ и пришло на мысль, что вы на него похожи, и такъ же руку держите, какъ онъ».

На это старецъ ничего ей не отвѣтилъ, а вышелъ въ другую комнату, заплакалъ и утиралъ слезы рукавомъ рубашки.

Помимо всѣхъ вышеприведенныхъ разсказовъ имѣются еще слѣдующія свѣдѣнія о пребываніи старца у Латышева.

Онъ велъ обширную переписку съ разными лицами и постоянно получалъ всякія извѣстія о положеніи дѣлъ въ Россіи, но тщательно скрывалъ чернила и бумагу. Вставалъ онъ очень рано, но какъ онъ проводилъ свободное время, никто не зналъ, т. к. келья была заперта. Въ молитвѣ? Въ писаніи писемъ? Вѣроятнѣе всего—и въ молитвѣ, и въ писаніи писемъ? Вѣроятнѣе всего—и въ молитвѣ, и въ писаніи писемъ.

Пища его была самая скромная: сухари и вода, но онъ никогда не отказывался, когда его угощали, не только отъ рыбы, но даже и отъ мяса. «Я вовсе не такой постникъ, за какого ты принимаешь меня», сказалъ онъ однажды одной изъ своихъ почитательницъ.

Всякаго рода совѣты давалъ онъ безвозмездно; разговаривалъ съ незнакомыми всегда стся или прохаживаясь по ком-

натѣ, держа руки на бедрахъ или придерживая одной рукой грудь. Были у него двѣ знакомыя старушки, пришедшія въ Сибирь вмѣстѣ съ нимъ въ одной партіи, новгородскія огородницы, крѣпостныя; онъ часто посѣщалъ ихъ. 30-го августа (въ день Александра Невскаго) старушки заготовляли въ его честь незатѣйливое деревенское пиршество, и онъ проводилъ у нихъ цѣлый день. Въ такихъ случаяхъ онъ бывалъ всегда въ немного приподнятомъ настроеніи, вспоминалъ о Петербургѣ: «Какія торжества были въ этотъ день въ Петербургѣ! стрѣляли изъ пушекъ, развѣшивали ковры, вечеромъ по всему городу было освѣщенье!..»

Вообще (пишетъ г. Василичъ) знаніе петербургской придворной жизни и этикета, а также событій начала нынѣшняго (19-го) и конца прошлаго (18-го) столѣтій онъ обнаруживалъ необычайное; зналъ всѣхъ государственныхъ дѣятелей и высказывалъ иногда довольно вѣрныя (это зависитъ отъ точки зрѣнія, добавлю я отъ себя) характеристики ихъ. Съ большимъ благоговѣніемъ отзывался онъ о митрополитѣ Филаретѣ, архимандритѣ Фотіи и др. Разсказывалъ объ Аракчеевѣ, его военныхъ поселеніяхъ, о его дѣятельности, вспоминалъ о Суворовѣ, Кутузовѣ и пр. Замѣчательно, что Федоръ Кузьмичъ никогда не упоминалъ объ императорѣ Павлѣ I и не касался характеристики Александра Павловича. Только событія, тѣсно связанныя съ именемъ этого императора, неизбѣжно должны были вызывать въ немъ нѣкоторыя сужденія.

IX.

По возвращеніи Александры Никифоровны изъ Россіи ей не было отбоя отъ жениховъ, да и братья ея продолжали настаивать на ея замужествѣ; но она по-прежнему посвящала все свое время заботамъ о старцѣ, который въ свою очередь руководилъ ея поступками.

— «Погоди», говорилъ онъ ей: «успѣешь еще выйти замужъ. За твою доброту Богъ не оставитъ тебя, и царь позаботится наградить тебя за твое обо мнѣ попеченіе».

— «Не трогайте ее», убѣждалъ онъ ея братьевъ: «она не останется на вашей шеѣ и не будетъ нуждаться въ вашемъ хлѣбѣ, самъ царь наградитъ ее своей казной».

Въ концѣ 1857 года онъ снаряжаетъ свою любимицу на богомолье въ Россію и снова снабжаетъ ее всевозможными свѣдѣніями о различныхъ лицахъ; особенно настаиваетъ онъ на томъ, чтобы она посѣтила въ дальнихъ пещерахъ Кіево-Печерской Лавры нѣкоего схимника Парѳенія.

— «А что, Сашенька, ты меня не боишься?»

— «Что же мнѣ васъ бояться-то, Федоръ Кузьмичъ, вѣдь вы ласковы всегда ко мнѣ были, да и другихъ-то никого не обижаете».

— «Это только теперь я съ тобой такой ласковый, а когда я былъ великимъ разбойникомъ, то ты, навѣрное, испугалась бы меня».

Привожу дальнѣйшее описаніе путешествія Александры Никифоровны по книгѣ г. Василича, который въ свою очередь приводитъ его по запискамъ самой молодой женщины. При этомъ г. Василичъ, какъ я уже упоминалъ, справедливо

замѣчаетъ: «исторія Александры Никифоровны принимаетъ уже совершенно сказочный характеръ, напоминая собой сверхъестественныя приключенія героевъ тысячи и одной ночи. Тѣмъ не менѣе достовѣрность дальнѣйшихъ событій вполнѣ подтверждается неопровержимыми фактами и заставляетъ только удивляться».

Вотъ подробности путешествія.

Всѣ, на кого указывалъ ей Федоръ Кузьмичъ, принимали ее съ особеннымъ гостепріимствомъ, указывали дальнѣйшій путь и ограждали отъ разныхъ случайностей. Въ Петербургѣ черезъ генерала (фамилію его она забыла) ей пришлось проѣхаться въ Валаамъ на одномъ пароходѣ съ покойной императрицей Маріей Александровной, которая, узнавъ отъ своихъ фрейлинъ о томъ, что на пароходѣ находится молодая сибирячка, пригласила ее къ себѣ и долго разговаривала о Сибири.

Въ Кіевѣ она разыскала отца Парфенія, который, между прочимъ, сказалъ ей:

— «Нечего тебѣ дѣлать въ Сибири. Оставайся здѣсь, поговѣй у меня, а когда причастишься Св. Таинъ, я скажу тебѣ, куда отправиться».

Исполнивъ его приказаніе, Александра Никифоровна пришла къ нему за совѣтомъ.

— «Если кто-нибудь будетъ звать тебя въ Почаевъ, то поѣзжай туда», сказалъ о. Парфеній; «и приходи ко мнѣ, я благословлю тебя».

— «Но я уже была тамъ».

— «Все равно, поѣзжай».

На другой день въ церкви по окончаніи службы она встрѣтила какого-то пожилого офицера, который пристально на нее смотрѣлъ и въ концѣ концовъ спросилъ ее:

— «О чемъ вы такъ горько плакали?»

— «Не знаю куда идти: хочется воротиться домой, а старецъ Парфеній совѣтуетъ отправиться въ Почаевъ».

— «Поѣдемте вмѣстѣ въ Почаевъ», отвѣтилъ офицеръ: «я тоже туда ѣду; а теперь пойдемте ко мнѣ чай кушать».

— «А вы семейный?» спросила она въ замѣшательствѣ.

— «Да, у меня большое семейство. Не бойтесь, у меня останавливаются разныя странницы. Меня здѣсь всѣ знаютъ. Я— майоръ Федоровъ».

Войдя въ домъ майора, она тотчасъ увидѣла все его семейство: это была цѣлая толпа странницъ и странниковъ... Дня черезъ два майоръ собрался ѣхать въ Почаевъ. Александру Никифоровну очень безпокоила мысль, что она не имѣетъ паспорта, потому что старому срокъ давно уже истекъ...

— «Я вашъ паспортъ», замѣтилъ ей по этому поводу майоръ: «со мной можете быть совершенно спокойны, васъ никто не обидитъ. Поѣдемте».

По прибытіи въ Почаевъ, по совѣту майора, Александра Никифоровна остановилась у двухъ старушекъ, ему знакомыхъ. На другой день, послѣ обѣдни, приходитъ какой-то монахъ и проситъ Александру Никифоровну пожаловать къ преосвященному Исидору (тогдашнему экзарху Грузіи, пріѣзжавшему въ Почаевъ и жившему тамъ по нѣскольку недѣль).

— «Зачѣмъ я къ нему пойду? вѣдь преосвященный меня не знаетъ. Не обманъ ли это какой?» а потому и отказалась отъ приглашенія. Черезъ нѣсколько минутъ монахъ вернулся и повторилъ просьбу преосвященнаго; тогда, скрѣпя сердце, отправилась Александра Никифоровна къ нему.

Преосвященный тотчасъ же принялъ ее очень радушно, усадилъ за столъ, велѣлъ подать кофе и закидалъ ее разными вопросами.

— «Какъ это вы не боитесь», сказалъ онъ ей между прочимъ: «въ такихъ лѣтахъ (ей было тогда 32 года) пускаться въ такое дальное путешествіе? мой совѣтъ—выходите-ка вы лучше замужъ, а я отыщу вамъ жениха хорошаго».

Нечего и говорить, какъ поразило такое предложеніе со стороны почтеннаго архіерея набожную странницу. Преосвященный позвонилъ и велѣлъ пригласить дожидавшагося у него въ кабинетѣ майора Федорова.

— «Вотъ», сказалъ преосвященный: «вы очень понравились майору Федору Ивановичу, и онъ непремѣнно хочетъ просить руки вашей. Мой отеческій совѣтъ—не отказывайтесь».

Преосвященный Исидоръ отъ себя вытребовалъ изъ Краснорѣченскаго ея метрику и Александра Никифоровна вышла замужъ за майора Федора Ивановича Федорова.

Проживши въ Кіевѣ съ мужемъ, уже вышедшимъ въ отставку, пять лѣтъ, она овдовѣла и воротилась на родину, но уже не застала въ живыхъ старца Федора Кузьмича.

На этомъ оканчивается удивительная исторія путешествій и замужества Александры Никифоровны. Вернувшись въ Сибирь, она поселилась въ Томскѣ, гдѣ и скончалась въ преклонномъ возрастѣ.

Въ томъ-же 1857 году, когда Федоръ Кузьмичъ отправилъ свою любимицу въ Россію, онъ познакомился съ состоятельнымъ томскимъ купцомъ Семеномъ Феофановичемъ Хромовымъ, который настолько увлекся старцемъ, его разговорами, совѣтами, что построилъ на своей заимкѣ (въ 4 верстахъ отъ Томска) отдѣльную келью и убѣдилъ Федора Кузьмича переѣхать туда. 31 октября 1858 года старецъ распростился съ Зерцалами и окрестными деревнями, гдѣ онъ въ общей сложности прожилъ около двадцати лѣтъ, и переселился къ Хромову.

Передъ отъѣздомъ онъ перенесъ изъ своей кельи въ часовню образъ Печерской Божьей Матери (привезенный ему одной изъ его ученицъ—Натальей Яковлевной Поповой), и Евангеліе. Въ день своего отъѣзда онъ заказалъ молебенъ, на которомъ присутствовали мѣстные крестьяне, и послѣ молебна поставилъ въ часовнѣ раскрашенный вензель—букву А съ короной надъ ней и летящимъ голубемъ вмѣсто перечерка.

— «Храните этотъ вензель пуще своего глаза», сказалъ онъ при этомъ крестьянамъ.

По другой версіи (свящ. Тыжнова) старецъ при оправѣ иконы въ рамку вложилъ букву А, сказавъ при этомъ:

— «Подъ этой литерой хранится тайна—вся моя жизнь. Узнаете, кто былъ».

Эта икона такъ-же, какъ и вензель хранятся по сію пору въ часовнѣ деревни Зерцалы (Ачинскаго округа).

Приведу опять-таки со словъ современниковъ и лицъ, знавшихъ таинственнаго старца, нѣкоторыя подробности о послѣднихъ шести годахъ его жизни, проведенныхъ у Хромова.

Чиновница Бердяева пріѣхала въ Томскъ искать себѣ квартиру въ семейномъ домѣ; ей указали на домъ Хромова. Придя туда, Бердяева встрѣтилась со старцемъ и, вскрикнувъ, упала въ обморокъ. Старецъ сказалъ хромовскимъ работникамъ: — «Приберите эту женщину».

Ее унесли и привели въ чувство. Послѣ этого старецъ сказалъ Хромову: «Не пропускайте эту женщину сюда».

Впослѣдствіи Бердяева разсказывала, что въ старцѣ Федорѣ она узнала Александра I.

Томскій мѣщанинъ Иванъ Васильевичъ Зайковъ разсказывалъ посланному Великаго Князя Николая Михайловича, Н. А. Лашкову слѣдующее:

Въ 50-хъ и 60-хъ годахъ въ Томскѣ жилъ совѣтникъ губернскаго суда Левъ Ивановичъ Савостинъ. Онъ часто посѣщалъ старца и раза два приводилъ туда Зайкова.

«Старецъ былъ глуховатъ на одно ухо, потому говорилъ немного наклонившись. При насъ во время разговора, онъ или ходилъ по келіи, заложивъ пальцы правой руки за поясъ, какъ это дѣлаютъ почти всѣ военные, или стоялъ прямо, повернувшись спиной къ окошку. Прійдя въ келью и поздоровавшись со старцемъ издали, мы молча садились. Старецъ первый предлагалъ вопросы, а Савостинъ отвѣчалъ на нихъ. Во время разговоровъ обсуждались всевозможные вопросы: государственные, политическіе и общественные. При обсужденіи первыхъ, Савостинъ становился передъ старцемъ въ почтительную позу и не перемѣнялъ ее, пока такой разговоръ не прекращался; въ такомъ случаѣ старецъ только приказывалъ, а Савостинъ только слушалъ. Говорили иногда на иностранныхъ языкахъ и разбирали такіе вопросы и реформы, какъ всеобщая воинская повинность, освобожденіе крестьянъ, война 1812 года, причемъ старецъ обнаруживалъ такое знаніе этихъ событій, что сразу было видно, что онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Позднѣе—всѣ эти вопросы осуществились такъ, какъ о нихъ говорилъ старецъ».

Эти показанія Зайкова вполнѣ подтверждаются разсказами Ивана Григорьевича Чистякова, хорошо знавшаго старца.

«Старецъ хорошо зналъ иностранные языки, современныя ему политическія событія и современное ему высшее общество. Разсказывая крестьянамъ или своимъ посѣтителямъ о военныхъ походахъ, особенно о событіяхъ 1812 года, онъ какъ бы перерождался: глаза его начинали горѣть яркимъ блескомъ и онъ весь оживалъ; сообщалъ же онъ такія подробности, вдавался въ описаніе такихъ событій, что казалось бы онъ самъ вновь переживалъ давно прошедшее время. Напримѣръ, разсказывалъ онъ о томъ, что когда Александръ I въ 1814 году въѣзжалъ въ Парижъ, подъ ноги его лошади постилали шел-

ковые платки и матеріи, а дамы на дорогу бросали цвѣты и букеты; что Александру это было очень пріятно; во время этого въѣзда графъ Меттернихъ ѣхалъ справа отъ Александра и имѣлъ подъ собой на сѣдлѣ подушку... Когда въ Россіи появилась ложа масоновъ, Александръ сдѣлалъ засѣданіе изъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ съ цѣлью обсудить вопросъ: «слѣдуетъ ли допустить эту ложу въ Россіи или нѣтъ». «Александръ», замѣтилъ старецъ: «не былъ ни еретикомъ, ни масономъ».

Въ этомъ разсказѣ Чистякова любопытна, между прочимъ, слѣдующая деталь: знаменитый австрійскій канцлеръ Меттернихъ извѣстенъ вообще подъ своимъ княжескимъ титуломъ, и только лицо дѣйствительно хорошо знакомое съ событіями и лицами начала 19-го столѣтія могло—въ глухомъ мѣстечкѣ, гдѣ-то въ Сибири—знать, что Меттернихъ носилъ титулъ графа, хотя, впрочемъ, при вступленіи союзниковъ въ Парижъ онъ уже пять мѣсяцевъ какъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство.

Нѣкто Скворцовъ, который жилъ невдалекѣ отъ кельи старца, разсказывалъ слѣдующее:

«Жили у него два ссыльныхъ, бывшіе истопники царскіе. Одинъ изъ этихъ истопниковъ заболѣлъ и второй пошелъ къ старцу попросить его молитвы. Истопникъ, войдя въ келью старца, бросился передъ нимъ на колѣни и, опустивъ голову и дрожа отъ страха, началъ разсказывать о цѣли своего посѣщенія старца. Старецъ слушалъ его, стоя у окна спиной, а лицомъ къ истопнику, и не перебивалъ его. Окончивъ свой разсказъ, истопникъ смолкъ и слышитъ, что старецъ приближается къ нему, и чувствуетъ, какъ онъ обѣими руками поднимаетъ его съ колѣнъ и одновременно слышитъ и не вѣритъ своимъ ушамъ—чудный, кроткій, знакомый ему голосъ:

— «Успокойся».

Встаетъ, поднимаетъ голову и, взглянувъ на старца, съ крикомъ, какъ снопъ, валится на полъ и теряетъ сознаніе: передъ нимъ стоялъ и говорилъ самъ императоръ Александръ I со всѣми его отличительными характерными признаками, но только уже въ видѣ сѣдого старца съ длинной бородой».

Ольга Максимовна Балахина разсказываетъ:

«Однажды я пришла въ келью старца Федора Кузьмича

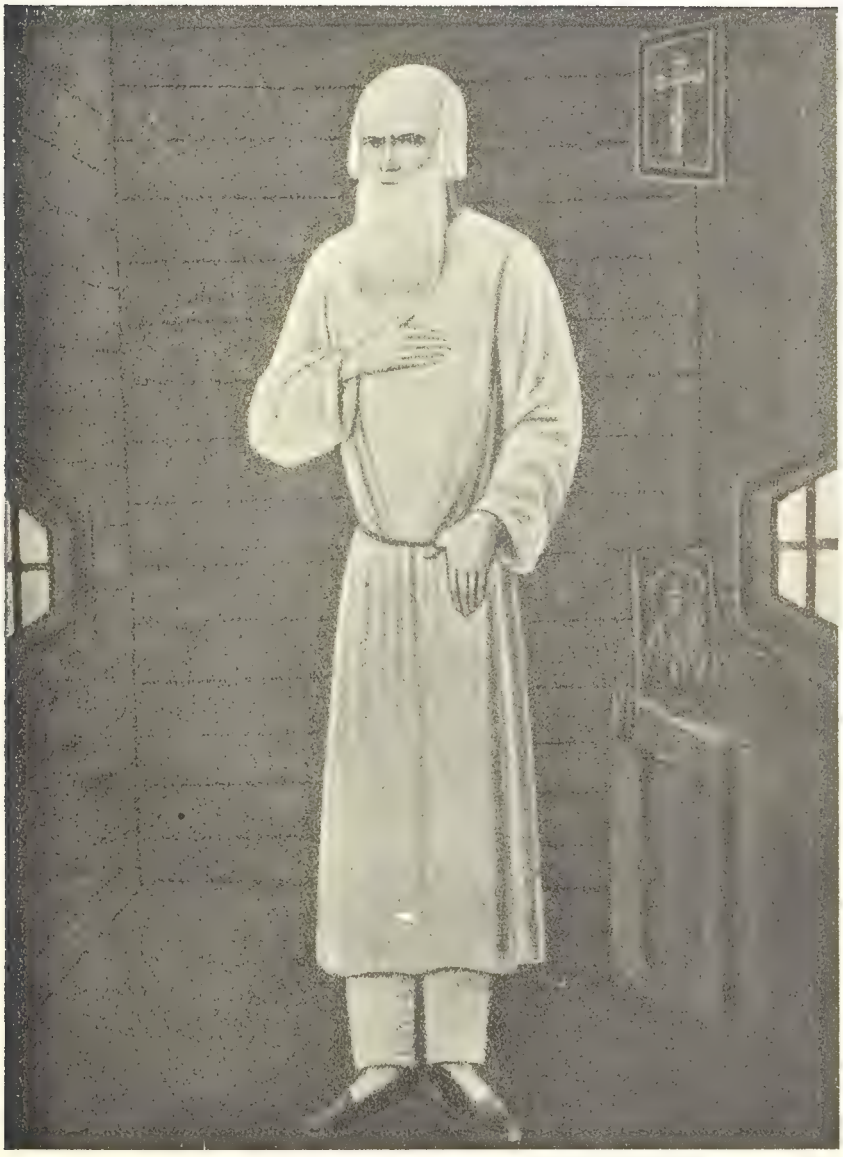
и увидала въ ней Семена Феофановича Хромова, который изъ ящика съ вещами старца вынималъ какія-то бумаги и, взявши одну изъ нихъ, сказалъ мнѣ: «старца называютъ бродягой, а вотъ у него имѣется бумага о бракосочетаніи императора Александра Павловича съ императрицей Елисаветой Алексѣевной. Бумага эта была синеватаго цвѣта, толстая, величиной въ цѣлый обыкновенный листъ бумаги. На бумагѣ нѣкоторыя строки были напечатаны, а нѣкоторыя писаны. Помню, что въ этой бумагѣ Александръ I названъ еще Великимъ Княземъ. Внизу листа находилась черная печать съ изображеніемъ церкви. Что это было такъ, я готова принять присягу хоть сейчасъ».

Г-жа Кручевская, жена этапнаго начальника на Красной Рѣчкѣ, разсказываетъ, что 9 февраля 1862 г. Федоръ Кузьмичъ далъ ей молитву «Тебѣ Бога хвалимъ», написанную старинным почеркомъ на синей бумагѣ. Она поѣхала однажды въ Геѳсиманскій скитъ, въ Москвѣ; осматривая въ покояхъ митрополита Платона развѣшанныя письма многихъ императоровъ, при взглядѣ на письмо Александра I ее поразило сходство почерка Александра съ почеркомъ той молитвы, которую Федоръ Кузьмичъ далъ ей.

А. С. Оконишникова разсказываетъ:

«Разъ я видѣла, какъ изъ кельи старца Федора Кузьмича въ его сопровожденіи вышла молодая барыня и офицеръ въ гусарской формѣ, высокаго роста, очень красивый, похожій на покойнаго наслѣдника Николая Александровича (старшаго сына императора Александра II). Федоръ Кузьмичъ проводилъ ихъ довольно далеко и, когда прощались, мнѣ показалось, что гусаръ у старца поцѣловалъ руку, чего онъ никому не позволялъ дѣлать. Вернувшись, Федоръ Кузьмичъ съ сіяющимъ лицомъ сказалъ: «дѣды-то какъ меня знали, отцы-то какъ меня знали, дѣти-то какъ меня знали, а внуки и правнуки вотъ какимъ видятъ».

Наталья Яковлевна Попова (уже упомянутая выше) спросила разъ старца о его родителяхъ, чтобы помолиться за нихъ. На это старецъ отвѣтилъ: «это тебѣ знать не нужно. Святая Церковь за нихъ молится; если открыть мнѣ свое имя, то меня скоро не будетъ. Тогда Небесная восплачетъ, а земная возрадуется и возгремитъ... И если бы я при прежнихъ условіяхъ жизни находился, то долголѣтней жизни не достигъ бы».



СТАРЕЦЪ ѲЕОДОРЪ КОЗЬМИЧЪ.

Маріамна Ивановна Ткачева, урожденная Ерлыкова, также старалась допытаться отъ старца, кто его родители. Онъ отвѣтилъ: «я родился въ древахъ; если-бы эти древа на меня посмотрѣли, то безъ вѣтра бы вершинами покачали».

Та же госпожа Ткачева приводитъ еще слѣдующія слова старца:—«я въ деньгахъ счета не зналъ, а когда въ партіи шелъ, тогда узналъ гроши и копѣйки».

— «Когда въ 1812 году входилъ французъ въ Москву, Александръ приходилъ къ мощамъ Сергія Радонежскаго и помолился ему со слезами; слышенъ былъ гласъ отъ угодника:— «иди, Александръ, дай полную волю Кутузову, да поможетъ Богъ изгнать француза изъ Москвы».

Кромѣ того, г-жа Ткачева подтверждаетъ также приведенный выше, со словъ г-на Чистякова, разсказъ Федора Кузьмича о вступленіи императора Александра I въ Парижъ (безъ упоминанія о Меттернихѣ).

Томская мѣщанка, Клавдія Чернышева, разсказываетъ, что при ней какая-то барыня спрашивала старца, откуда онъ родомъ, на что старецъ отвѣтилъ: «Залетный воробышекъ, царскій властелинъ».

Среди разсказовъ современниковъ о старцѣ слѣдовало бы отвести значительное мѣсто «запискамъ «самого Семена Феофановича Хромова; но къ сожалѣнію, Хромовъ искренно или неискренно, по простотѣ души или изъ разсчета, посвятилъ девять десятыхъ своихъ записокъ всевозможнымъ... чудесамъ, совершеннымъ Федоромъ Кузьмичемъ частью при жизни, а главнымъ образомъ, послѣ смерти. Тутъ и даръ «провидѣнія», и «исцѣленія», и «благоуханія въ келіи», и «пламя надъ домомъ» въ моментъ смерти старца, и «чудодѣйственная водица съ зубка великаго старца», и т. п. сообщенія человѣка или наивно-вѣрующаго, или съ корыстной цѣлью добивающагося канонизаціи своего таинственнаго жильца. Хромовъ также дѣлаетъ весьма прозрачные намеки на то, что старецъ былъ никто иной, какъ Александръ I, но руководящей мыслью его записокъ является не выясненіе личности старца, а желаніе доказать необходимость причисленія его къ лику святыхъ.

Я приведу ниже тѣ два-три отрывка изъ этихъ записокъ, которые могутъ представлять нѣкоторый фактическій интересъ,

вообще же хромовская «запись» по вышеуказаннымъ причинамъ не можетъ считаться серьезнымъ историческимъ документомъ.

Старецъ Федоръ Кузьмичъ скончался въ своей кельѣ около дома Хромова въ 8 час. 45 мин. 20 января 1864 г.

Передъ смертью онъ сказалъ женѣ Хромова на ея просьбу «объяви хоть имя своего ангела»—«это Богъ знаетъ», а самому Хромову завѣщалъ похоронить его скромно («меня ты не величь»), подтвердилъ, что онъ «не монахъ» и, указывая на маленькій мѣшочекъ, висѣвшій у изголовья кровати, сказалъ—«въ немъ моя тайна».

Объ этой «тайнѣ» намъ еще придется говорить.

Похороненъ старецъ на кладбищѣ Томскаго Алексѣевскаго мужскаго монастыря. На могилѣ его воздвигнута въ настоящее время часовня; въ сооруженіи этой часовни принимали участіе многіе лица, среди которыхъ и членъ Государственнаго Совѣта д. т. с. М. Н. Галкинъ-Врасскій. Надпись на крестѣ гласитъ: «Здѣсь погребено тѣло Великаго Благословеннаго старца Федора Кузьмича, скончавшагося 20 января 1864 года». Слова «великаго благословеннаго» были потомъ по распоряженію томскаго губернатора г-на Мерцалова замазаны бѣлой краской...

Относительно наружности старца, его одежды, а также обстановки его келіи—имѣются слѣдующія достовѣрныя свѣдѣнія.

Роста онъ былъ высокаго (2 арш. 9 или 10 вершковъ), широкоплечій, съ высокой грудью; глаза голубые, лысый, но оставшіеся волосы мягкіе и вьющіеся, борода длинная, черты лица правильныя, красивыя. Характеръ—мягкій, добрый, но вспыльчивый.

Одежда его состояла изъ длинной холщевой блузы, холщевыхъ панталонъ, бѣлыхъ чулокъ и кожаныхъ туфель. Темносиній халатъ или черный кафтанъ, а зимой вылинявшая доха дополняли его незатѣйливый гардеробъ. Носовые платки имѣлъ онъ очень тонкіе, чулки мѣнялъ ежедневно. Чистоту соблюдалъ чрезвычайную, какъ въ своей одеждѣ, такъ и въ своей кельѣ. Обстановка всѣхъ его келій была одна и та-же: столъ, лежанка, два-три стула (самаго примитивнаго образца) и по стѣнамъ нѣсколько картинъ или гравюръ религіознаго со-

держанія: иконы Божьей Матери и Александра Невскаго, виды монастырей, портреты нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ—митрополитовъ, архіереевъ. На столѣ лежало Евангеліе, Псалтирь, акаѳистъ Пресв. Животворящей Троицѣ, молитвенникъ (изд. Кіево-Печерской Лавры) и «Семь словъ на крестѣ Спасителя».

Теперь я приведу нѣсколько небезъинтересныхъ разсказовъ, относящихся къ смерти таинственнаго старца, а также къ обстоятельствамъ, имѣвшимъ мѣсто въ послѣдующіе за его смертью годы.

Протоіерей Илья Іоанновичъ Изосимовъ разсказывалъ—со словъ Ф. Хромова,—что Федоръ Кузьмичъ всю свою жизнь тщательно скрывалъ ото всѣхъ свое настоящее званіе, такъ что на прямой вопросъ Хромова: «молва носится, что ты, дѣдушка, никто иной, какъ Александръ Благословенный, правда ли это?» отвѣтилъ: «Чудны дѣла твои, Господи, нѣтъ тайны, которая бы не открылась». Это было наканунѣ смерти старца, а на другой день, т. е. въ самый день своей кончины, онъ сказалъ Хромову: «панокъ, хотя ты знаешь, кто я, но ты меня не величь, схорони просто».

Статскій совѣтникъ Василій Семеновичъ Садовниковъ въ бытность свою въ Петербургѣ зашелъ въ лавку, гдѣ продавались карточки всѣхъ князей и царей, и, увидавъ среди нихъ карточку старца Федора, спросилъ продавца—почему эта карточка находится среди карточекъ царственныхъ особъ? Купецъ ему отвѣтилъ: «такъ намъ приказано, почему—мы не знаемъ».

О. Илья Изосимовъ—опять таки со словъ Хромова—разсказываетъ о свиданіи Хромова съ министромъ Двора графомъ И. И. Воронцовымъ-Дашковымъ.

«Въ залѣ (у графа Воронцова) вокругъ стола сидѣли восемь генераловъ. На вопросъ, правда-ли, что старецъ есть императоръ Александръ I, я отвѣтилъ: вамъ, какъ людямъ ученымъ, это знать можно лучше меня; потомъ между нами завязался крупный споръ. Одни говорили, что этого быть не могло, потому что исторія передаетъ о болѣзни, смерти и погребеніи императора Александра I; другіе же, наоборотъ, доказывали, что это все могло быть. Споръ былъ продолжительный; дошло даже до того, что одинъ изъ генераловъ сказалъ мнѣ: «если вы, Хромовъ, станете распространять молву о старцѣ и называть

его императоромъ Александромъ I, вы наживете себѣ много непріятностей; я знаю, что Александра I въ дальній путь провожали десять человѣкъ», сталъ называть ихъ по фамиліямъ, но я могъ запомнить только Дибича, Адельберга и Соломку, а другихъ фамилій не упомню. Много было говорено здѣсь, но повидимому, ни къ какому соглашенію здѣсь не пришли. Тотъ господинъ, который пріѣзжалъ за мной, сидѣлъ также среди генераловъ. Позже я узналъ, что это былъ Рудановскій. Прошло много времени, этотъ Рудановскій пишетъ мнѣ телеграмму въ Томскъ—«приготовьте мнѣ квартиру», и, дѣйствительно, онъ вскорѣ пріѣхалъ и жилъ у меня. Зачѣмъ онъ пріѣзжалъ, осталось для меня тайной. Онъ постоянно бывалъ на панихидахъ въ кельѣ у старца Федора».

Иванъ Денисовичъ Митрополовъ, служившій въ Синодѣ, при К. П. Побѣдоносцевѣ, получилъ въ подарокъ отъ барнаульскаго мѣщанина Е. Ф. Сдобникова книгу съ надписью — «книжица, заключающая въ себѣ акаѳистъ Воскресенію Христову, и сказаніе объ антихристѣ»; книгу эту русскими буквами, но славянскимъ слогомъ писанную, подарилъ, по словамъ Сдобникова, старецъ Федоръ одной благочестивой чиновницѣ въ Томскѣ; чиновница эта, проживая затѣмъ въ Бійскѣ, передъ своей смертью въ 1876 году подарила эту книгу одной своей знакомой, келейницѣ Таисіи, проживающей теперь въ Бійскѣ въ собственномъ домѣ. Эта келейница въ свою очередь подарила ее Сдобникову. И. Д. Митрополовъ въ С.-Петербургѣ, въ публичной библіотекѣ сличалъ эту рукопись съ нѣкоторыми писаніями Александра I: оказалось, что нѣкоторыя буквы схожи. Былъ тутъ генералъ Н. Ф. Дубровинъ, который сказалъ Митрополову: «покажите мнѣ эту книжку, я знаю почеркъ Александра I и тотчасъ же скажу, онъ-ли писалъ это». Увидавъ первую страницу акаѳиста, Дубровинъ воскликнулъ:—«Это писалъ Александръ Павловичъ». Затѣмъ смотрѣлъ подлинныя письма, замѣтки и пр., писанныя несомнѣнно рукой Александра I, сличалъ нѣкоторыя буквы; сходство есть, но видно, что въ акаѳистѣ почеркъ измѣненъ намѣренно—однѣ и тѣ же буквы писаны различно. А. Ф. Бычковъ (директоръ Импер. Публ. Библ.) не согласился съ Дубровинымъ».

Однажды старецъ былъ боленъ и лежалъ въ больницѣ, ко-

торую посѣтилъ Клейнмихель; старецъ тогда постарался быть не узнаннымъ имъ и скрылся.

И. Н. Зайковъ разсказываетъ, что глубокой осенью 1864 г. рано утромъ его посѣтили два незнакомца высокаго роста военнаго сословія. Незнакомцы спросили его, знаетъ ли онъ, гдѣ похороненъ старецъ Федоръ.

«Когда я привелъ ихъ въ монастырь и указалъ имъ могилу, они, молясь, стали на колѣни, а затѣмъ тотчасъ же сказали мнѣ, что я имъ больше не нуженъ. Я ушелъ изъ монастыря и больше ихъ никогда не видалъ. Спустя нѣкоторое время явилась вторая пара такихъ же незнакомцевъ, которая тоже вызвала меня указать могилу старца Федора; я и имъ указалъ ее, они же опять меня отпустили, не позволивъ ихъ ждать. Наконецъ, ранней весной слѣдующаго, 1865-го года, также таинственно явилась и изсчезла новая пара военныхъ незнакомцевъ».

Аннѣ Семеновнѣ Оконишниковой старецъ Федоръ подарилъ 50-й псаломъ собственноручно имъ переписанный. Почеркъ старца, по словамъ г-жи Оконишниковой, весьма похожъ на почеркъ документовъ, несомнѣнно писанныхъ императоромъ Александромъ I, видѣнныхъ ею въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ. Къ сожалѣнію, г-жа Оконишникова, всегда носившая при себѣ этотъ псаломъ, потеряла его недавно (въ концѣ 90-хъ или въ началѣ 900-хъ годовъ).

Въ семьѣ Чистяковыхъ сохранился печатный экземпляръ молитвы старца. Вотъ эта молитва:

«Отцу и Сыну и Св. Духу. Покаяніе со исповѣданіемъ по вся дни».

«О, Владыко Человѣколюбче, Господи Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, Троица Святая, благодарю Тя, Господи, за Твое великое милосердіе и многое терпѣніе, аще-бы ни Ты, Господи, и не Твоя благодать покрыла мя грѣшнаго по вся дни и нощи, и часы, то уже бы азъ, окаянный, погиблъ, аки прахъ, предъ лицомъ вѣтра за свое окаянство, и любность, и слабность, и за вся свои пріестественные грѣхи, а когда восхищаетъ пріити ко отцу своему духовному на покаяніе отча лица устыдихся грѣха утаихъ и оные забыхъ и не могохъ всего исповѣдать срама ради и множества грѣховъ моихъ, тѣмъ-же убо покаяніе мое нечистое есть и ложно рекомо, но Ты, Господи, свѣдый тайну сердца

моего молчатися разрѣши и прости въ моемъ согрѣшеніи и прости душу мою яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ. Аминь».

Упомянутый выше г. Митрополовъ говорилъ директору Императорской Публичной Библіотеки въ С.-Петербургѣ, А. Ф. Бычкову, что будто-бы старецъ Федоръ Кузьмичъ исповѣдовалъ священнику тяжкій грѣхъ, что онъ участвовалъ въ кончинѣ императора Павла I, отца своего, и чтобы испросить у Бога прощеніе за это, рѣшилъ взять на себя такой великій подвигъ—удаленіе въ Сибирь.

Въ заключеніе можно еще упомянуть, что Хромовъ пріѣзжалъ въ С.-Петербургъ, видался, какъ выше уже было сказано, съ министромъ Двора, графомъ И. И. Воронцовымъ-Дашковымъ, а также съ оберъ-прокуроромъ Синода К. П. Побѣдоносцевымъ, государственнымъ контролеромъ Т. И. Филипповымъ и княземъ С. А. Долгорукимъ. Не цитирую разсказовъ Хромова, т. к. они не представляютъ особеннаго интереса; вкратцѣ говоря, эти разсказы сводятся къ тому, что упомянутыя лица принимали его любезно и обнаруживали большой интересъ къ личности старца Федора Кузьмича; что онъ, Хромовъ, передалъ черезъ К. О. Побѣдоносцева Императору Александру III шапочку и портретъ, а также копію съ оставшихся записокъ старца, за что удостоился Высочайшей благодарности, и, наконецъ, что князь С. А. Долгорукій вполнѣ допускалъ возможность отождествленія Кузьмича съ Александромъ I.

X.

Мы ознакомились со всѣми документами и свидѣтельскими показаніями, касающимися старца Федора Кузьмича. Я не упомянулъ только такія, которымъ по ихъ наивности или завѣдомой неискренности нѣтъ мѣста въ историческомъ изслѣдованіи. Впрочемъ и эти, неупомянутые мной, документы единогласно свидѣтельствуютъ о тождествѣ Кузьмича съ императоромъ Александромъ. Что же можно вполнѣ безпристрастно заключить изъ всего вышеприведеннаго?

Во-первыхъ, что таинственный старецъ былъ безусловно человѣкъ очень образованный, воспитанный, прекрасно освѣдомленный въ вопросахъ государственныхъ, историческихъ (въ частности—эпохи царствованія Александра I); зналъ иностранные языки, когда-то прежде носилъ военный мундиръ, бывалъ при Дворѣ, зналъ хорошо петербургскую жизнь, нравы, обычаи и привычки такъ называемаго высшаго круга.

Во-вторыхъ, что онъ самовольно принялъ на себя обѣтъ молчанія относительно выясненія своей личности; что онъ удалился отъ міра въ цѣляхъ искупленія какого-то тяжкаго грѣха, мучившаго его всю жизнь; что, не принадлежа къ духовному званію, онъ былъ очень религіозенъ, но не въ «церковномъ» смыслѣ слова, не въ обрядовомъ, а именно въ мистическомъ.

Въ третьихъ, что ни одно показаніе людей, знавшихъ его, не можетъ служить возраженіемъ противъ догадки, что онъ былъ именно императоръ Александръ I; наоборотъ, всѣ указанія свидѣтельствуютъ въ пользу такой догадки, (я не говорю даже о тѣхъ, которыя прямо безъ обиняковъ называютъ старца Александромъ).

Въ самомъ дѣлѣ: наружность, ростъ, возрастъ, глухота на одно ухо, мозоли на колѣняхъ, манера держать руки или на бедрахъ или одну за поясомъ, привычка принимать посторонних стоя и притомъ почти всегда стоя спиной къ свѣту (т. е. къ окну)—все это указываетъ на несомнѣнное сходство съ Александромъ I.

Въ четвертыхъ,—Федоръ Кузьмичъ несомнѣнно велъ съ какими-то лицами обширную переписку, а съ нѣкоторыми даже шифрованную; стоитъ только вспомнить хотя бы удивительную исторію Александры Никифоровны, ея пребываніе у графа Остенъ-Сакена, ея встрѣчу съ Николаемъ I, ея замужество, подробныя указанія на разныхъ лицъ, данныя ей старцемъ... Тутъ кстати слѣдуетъ замѣтить, что несмотря на несомнѣнность факта, что Федоръ Кузьмичъ велъ переписку—ни одна строка изъ этой переписки не стала достояніемъ исторіи; всѣ письма какъ-то таинственно исчезали. Такъ, напримѣръ, дѣтямъ графа Д. Е. Остенъ-Сакена достовѣрно извѣстно, что отецъ ихъ переписывался со старцемъ и держалъ его письма въ особомъ пакетѣ, но пакетъ этотъ послѣ смерти графа куда-то безслѣдно исчезъ, совершенно такъ же какъ исчезали документы, касающіеся послѣднихъ годовъ жизни Александра I.

Слѣдуетъ признать, что если тайна смерти императора была не особенно хорошо охранена, то тайна жизни старца была очень хорошо скрыта.

Отъ Федора Кузьмича ничего не осталось, кромѣ его келіи у Хромова, на стѣнѣ которой, какъ безсильный протестъ противъ тайны, висятъ рядомъ портреты императора и старца, да еще двѣ записки, писанныя Кузьмичемъ и о которыхъ я буду говорить послѣ.

Въ пятыхъ—нельзя не считаться съ тѣмъ фактомъ, что четыре человѣка признали въ старцѣ императора Александра: солдатъ Оленьевъ, чиновница Бердяева, бывшій придворный истопникъ и еще одинъ солдатъ, шедшій въ партіи ссыльныхъ. Я привелъ пять «пунктовъ», наиболѣе обращающихъ на себя вниманіе, такихъ пунктовъ читатель можетъ еще прибавить много, вчитавшись внимательно въ цитированные мной документы. Но что, въ сущности говоря, по моему мнѣнію, является особенно интереснымъ—это слѣдующее.

Александръ I «офиціально» умеръ въ 1825 году. Слухи о

томъ, что онъ не умеръ, возникли сейчасъ же; но такъ же быстро какъ они возникли, такъ же быстро они и заглохли. Черезъ какой-нибудь годъ или два никто уже больше не думалъ о таганрогской драмѣ. Проходитъ около сорока лѣтъ, и вдругъ почему-то слухи не только возникаютъ, но молва прямо указываетъ на какого-то сибирскаго отшельника и называетъ его именемъ умершаго сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ царя. Почему? Какъ это могло случиться? Какія причины заставили гдѣ-то въ глухомъ уголкѣ потревожить давно забытую и похороненную тѣнь?

Великій Князь Николай Михайловичъ вспоминаетъ по этому поводу Лжедмитрія I, Лжедмитрія II (Тушинскаго вора), Емельяна Пугачева и Степана Разина, указывая на то, что внезапная кончина наслѣдника престола или самого монарха внушала всегда народнымъ массамъ довѣріе къ самымъ грубымъ проявленіямъ фантазіи смѣлыхъ авантюристовъ.

Съ этимъ до извѣстной степени нельзя не согласиться; но такая точка зрѣнія не можетъ быть примѣнена къ Федору Кузьмичу; такъ еще пожалуй можно объяснить возникновеніе слуховъ по поводу смерти Александра I въ Таганрогѣ въ 1825 г.; но ни Григорій Отрепьевъ, ни Пугачевъ не объявлялись сорокъ лѣтъ послѣ смерти царевича Дмитрія или императора Петра III, а уже тѣмъ болѣе не скрывали «тайны своего происхожденія»; наоборотъ, они всячески оповѣщали о немъ, urbi et orbi, именно потому, что они надѣвали на себя чужую личину.

Федоръ Кузьмичъ, наоборотъ, упорно хранилъ свою тайну: ни тѣлесныя наказанія при допросѣ въ Красноуфимскѣ, ни увѣщанія сибирскихъ преосвященныхъ, ни просьбы окружавшихъ его въ послѣдніе дни его жизни—не заставили его раскрыть тайну его жизни, его прошлое, его настоящее имя.

Хотя С. Ф. Хромовъ и удостовѣряетъ, что Федоръ Кузьмичъ—какъ мы видѣли выше—такъ сказать «полу-признался», что онъ императоръ Александръ, но я уже высказывалъ мой взглядъ на показанія Хромова.

Кстати. Лицо, о которомъ я уже неоднократно упоминалъ, не называя его, сдѣлало мнѣ такое возраженіе:

— «Неужели вы допускаете возможность, что Александръ I,

если бы онъ былъ Кузьмичемъ, позволилъ бы себя высѣчь публично 50-ью ударами розогъ?»

На это я отвѣчу: а что-же онъ, собственно говоря, могъ другое сдѣлать?

Неужели-же черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ своей офиціальной смерти онъ долженъ былъ сказать при видѣ розогъ или плетей—«не смѣйте меня бить. Я императоръ Александръ?» Если бы онъ поступилъ такъ, то, навѣрное, ему никто не повѣрилъ бы, а наказаніе было бы удесятерено.

Кромѣ того, человѣкъ, рѣшившій уйти отъ міра и приведшій свой планъ въ исполненіе, т. е. переносившій въ теченіе 12-ти лѣтъ всякаго рода лишенія и ограждавшій свою тайну, неужели внезапно выдалъ эту тайну отъ страха быть высѣченнымъ? Чаша испытанія и искупленія выпивается до дна... тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ нельзя было и поступить иначе. Сказать—«Я—Александръ I» можно, но какъ это доказать? Не сослаться же на императора Николая Павловича, который, хотя, конечно, и зналъ тайну своего брата, но не могъ въ силу чисто государственныхъ соображеній раскрыть ее.

Къ категоріи такихъ же, по моему, наивныхъ вопросовъ относится и слѣдующій:

— «Если Федоръ Кузьмичъ былъ Александръ I, то гдѣ же онъ скрывался въ теченіе 12-ти лѣтъ?»

Да тамъ же, гдѣ онъ скрывался, если-бъ онъ и не былъ Александромъ! Если можно было бы узнать, гдѣ скрывался Федоръ Кузьмичъ до 1837 года, то, само собой разумѣется, многое могло бы быть выяснено болѣе несомнѣнно и документально.

Скажу больше: самый фактъ, что жизнь Кузьмича до 1837 г. осталась невыясненной, наводитъ на мысль, что и выяснять ее, вѣроятно, было нежелательно.

Во всякомъ случаѣ вполнѣ очевидно, что онъ скитался по разнымъ монастырямъ и въ особенности на югѣ Россіи; на это указываетъ освѣдомленность, съ которой онъ составилъ маршрутъ путешествія Александры Никифоровны. Проведя нѣсколько лѣтъ въ южной и центральной Россіи, онъ переѣхалъ на сѣверъ, гдѣ въ концѣ концовъ и былъ арестованъ,

По поводу личности Федора Кузьмича не лишена интереса слѣдующая догадка, приводимая Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ.

Императоръ Павелъ I въ бытность свою еще наслѣдникомъ престола былъ въ связи съ Софьей Степановной Черторыжской, рожденной Ушаковой, вышедшей впослѣдствіи вторично замужъ за графа П. К. Разумовскаго. Отъ этой связи родился сынъ, получившій имя — Семенъ Афанасьевичъ Великій. О немъ извѣстно слѣдующее.

Восьми лѣтъ его помѣстили въ С.-Петербургѣ въ Петропавловскую школу и, «чтобы онъ не догадался о причинѣ этого предпочтенія», ему выбрали въ товарищи «неважныхъ лицъ». По окончаніи курса его перевели въ Морской кадетскій корпусъ, и 5 марта 1789 года онъ былъ произведенъ въ мичмана. Во время шведской войны С. А. Великій служилъ подъ начальствомъ капитана Травакина и 28 іюня былъ присланъ къ императрицѣ Екатеринѣ II курьеромъ съ донесеніемъ. Произведенный въ лейтенанты, онъ, въ числѣ другихъ офицеровъ, былъ посланъ для усовершенствованія въ Англію и, служа въ англійскомъ флотѣ, умеръ на кораблѣ «Vanguard» въ 1794 году, въ Вестъ-Индіи. По другимъ свѣдѣніямъ онъ утонулъ въ Кронштадтѣ. Но по документамъ архива морского министерства, онъ скончался 13 августа на кораблѣ «Vanguard» на Антильскихъ островахъ.

Это—все. Съ другой стороны извѣстно, что графиня Остенъ-Сакенъ, жена Дмитрія Ерофеича, была рожденная Ушакова, а также, что въ семьѣ Ушаковыхъ встрѣчались имена Федоръ и Кузьма; нѣкоторые Ушаковы даже назывались Федорами Кузьмичами. Сопоставляя всѣ эти данныя съ тѣмъ фактомъ, что мать С. А. Великаго была тоже изъ рода Ушаковыхъ, возникло предположеніе — не былъ ли сибирскій старецъ С. А. Великимъ.

Вел. Кн. Николай Михайловичъ, приводя въ своей книгѣ эти данныя, совершенно справедливо замѣчаетъ:

«Здѣсь пока не имѣется никакихъ данныхъ, чтобъ поддержать гипотезу».

Что касается меня, то я совершенно отрицаю правдоподобіе этой гипотезы, даже не потому, что я лично признаю то-

жество Федора Кузьмича съ Александромъ I, но просто даже на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя мы имѣемъ о С. А. Великомъ.

Сопоставимъ хотя-бы извѣстныя намъ даты.

С. А. Великій поступилъ восьми лѣтъ отъ роду въ Петропавловское училище, по окончаніи котораго перешелъ въ морской кадетскій корпусъ. Въ 1789 г. онъ былъ произведенъ въ офицеры. Павелъ I женился въ 1776 г.; слѣдовательно, рожденіе С. А. Великаго не можетъ быть отнесено позже чѣмъ къ 1775 г., т. к. онъ родился до женитьбы цесаревича Павла. Принявъ во вниманіе возрастъ его при поступленіи въ Петропавловское училище и годъ производства его въ офицеры, надо предположить, что онъ родился въ 1771 или 1772 году—если не ранѣе—т. е. за пять или за шесть лѣтъ до рожденія Александра I. Иначе говоря, въ 1864 г. ему было-бы 93—92 года, что не соотвѣтствуетъ возрасту Федора Кузьмича. Но это, такъ сказать, хронологическія вычисленія, на которыя можно возразить—«а почему вы знаете, сколько дѣйствительно было лѣтъ Кузьмичу, когда онъ умеръ?»

Есть другіе доводы, опровергающіе всякую возможность отнестись серьезно къ гипотезѣ о томъ, что сибирскій старецъ могъ быть С. А. Великимъ.

Во-первыхъ, нѣтъ положительно никакихъ данныхъ сомнѣваться въ томъ, что лейтенантъ Великій утонулъ въ Антильскомъ морѣ; архивы даютъ намъ точное число его смерти.

Во-вторыхъ, если даже допустить, что Великій не утонулъ, а скрылся въ 1794 году, то—почему бы онъ это сдѣлалъ? Александръ I имѣлъ свои причины рѣшиться на такой поступокъ—мистицизмъ, угрызенія совѣсти, усталость и т. п., но молодой лейтенантъ, который имѣлъ всю жизнь передъ собой, жизнь и... карьеру, о чемъ мы можемъ судить по факту посылки его съ донесеніемъ къ Екатеринѣ II, почему бы онъ вдругъ рѣшился «уйти отъ міра»? Да, наконецъ, какъ онъ фактически могъ бы осуществить эту мысль? Симулировать смерть дома, въ постели, будучи императоромъ-самодержцемъ—нетрудно, но фиктивно утонуть въ Антильскомъ морѣ, будучи офицеромъ англійскаго флота—невозможно.

Въ третьихъ, предположивъ невозможное возможнымъ и допустивъ, что С. А. Великій какимъ-то чудомъ умудрился

исчезнуть и обратиться въ Федора Кузьмича, не слѣдуетъ забывать, что это произошло 13 августа 1794 г. (день, когда онъ утонулъ), т. е. больше чѣмъ за два года до смерти императрицы Екатерины II,—поэтому онъ никакъ не могъ бы обладать тѣми познаніями о политической, придворной, свѣтской и военной жизни конца 18-го столѣтія и первой четверти 19-го, каковыми, какъ намъ извѣстно, въ изобиліи обладалъ Федоръ Кузьмичъ.

Мнѣ кажется, что вышеприведенныхъ соображеній вполнѣ достаточно, чтобъ категорически отвергнуть гипотезу о превращеніи С. А. Великаго въ Федора Кузьмича.

Теперь, прежде чѣмъ закончить мое изслѣдованіе, я считаю своимъ долгомъ упомянуть еще о тѣхъ единственныхъ автографахъ старца Федора Кузьмича, которые намъ извѣстны. Автографы эти—двѣ записки, найденныя въ мѣшечкѣ, висѣвшемъ у изголовья умирающаго старца, про который онъ сказалъ: «въ немъ моя тайна».

Записки эти короткія, узкія, лентообразныя бумажки, исписанныя съ двухъ сторонъ. (Факсимиле приведены мною на отдѣльной страницѣ).

На первой запискѣ написано—

на лицевой сторонѣ:

«видишили накакое васъ бѣзсловесйе счастйе слово изнесе».

на обратной сторонѣ:

«Но егда убо *А* молчатъ *П* нѣвозвѣщаютъ»

На второй запискѣ:

на лицевой сторонѣ:

1, 2, 3, 4,
о, в, а, зн, *а* крыются струфиань
і, Д к ео а м в, р,
С, З, Д Я

на обратной сторонѣ:

во во
1837 Г. Мар. 26 в „вол.
43.Пар.,

Эти двѣ бумажки извѣстны подъ названіемъ Тайны Федора Кузьмича»; кромѣ нихъ, имѣется еще одинъ только автографъ старца, извѣстный подъ названіемъ «Записи Федора Кузьмича», факсимиле котораго читатель тоже можетъ видѣть на отдѣльной страницѣ. Интересъ сосредоточенъ, конечно, на «Тайнѣ». Многіе изслѣдователи старались разгадать ее, расшифровать.

Пробовалъ и я, но результатомъ моихъ стараній похвастаться не могу.

Во всякомъ случаѣ, считаю долгомъ подѣлиться съ читателями моими заключеніями, ничего особеннаго не представляющими, но могущими, быть можетъ, послужить матеріаломъ для болѣе проницательныхъ изслѣдователей.

1) Первая записка, какъ на лицевой, такъ и на обратной сторонѣ ничего таинственнаго изъ себя не представляетъ. Это—отдѣльныя фразы болѣе или менѣе понятныя и во всякомъ случаѣ къ шифру второй записки никакого отношенія не имѣющія.

2) «Видишили на какое васъ бѣзсловесйе (или «бѣзсловесне», какъ читаютъ нѣкоторые толкователи) счастйе слово (или «слава») изнѣсе».

Это можно понять такъ:

«Видишь-ли на какое молчаніе васъ обрекло ваше счастье и ваше слово (т. е. обѣщаніе)» или «ваша слава».

3) «Но егда убо *А* молчатъ *П* не возвѣщаютъ».

Если согласиться съ тѣмъ, что Федоръ Кузьмичъ былъ императоръ Александръ, то смыслъ этой фразы очень понятенъ: «Но когда Александры молчатъ, то Павлы не возвѣщаютъ», т. е. «но когда Александръ хранитъ молчаніе, то его не терзаютъ угрызенія совѣсти относительно Павла».

4) Первая половина лицевой стороны второй записки представляетъ изъ себя, конечно, ключъ къ шифру, при помощи котораго Федоръ Кузьмичъ, вѣроятно, велъ переписку съ какими-то лицами; вторая половина, т. е. «*а* крыются струфианъ»—очень загадочна.

Я обратилъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство.

Въ вышеприведенной фразѣ шестнадцать буквъ; въ «ключѣ» встрѣчается тоже число—шестнадцать знаковъ: не

Марины

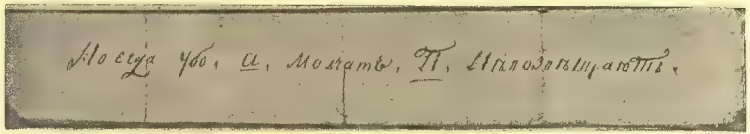
Ежели при жизни моей, немогъ бы я привести къ совершенію сего постановленія, я возлагаю на наслѣдниковъ моихъ исполнить во всей силѣ, и со всею точностію, сію столь близскую къ сердцу моему обязанность, пребывая на всегда вамъ благосклоннымъ.

Александръ

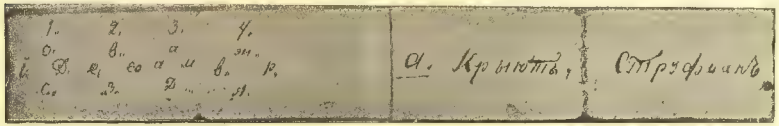
Почеркъ Императора Александра I.

Лицевая сторона.

Обратная сторона.

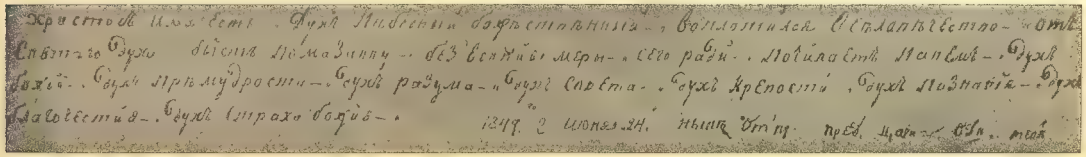


Лицевая сторона.



Обратная сторона.

„ТАЙНА“ ѲЕОДОРА КОЗЬМИЧА.



„КОПІЯ СЪ ОСТАВЛЕННОЙ ЗАПИСИ ВЕЛИКАГО СТАРЦА ѲЕОДОРА КОЗЬМИЧА“.

говорю буквъ, а именно—знаковъ, т. к. тамъ дважды попадаются комбинаціи изъ двухъ буквъ, соединенныхъ въ одинъ знакъ («ео», «зн»).

Затѣмъ меня заинтересовало слово «струфианъ»; въ «толковомъ словарѣ» В. Даля я нашелъ слѣдующее:

«Строусъ, страусъ, струсъ, струсь, струфь строфіонъ... будутъ «селенія сіріномъ и селища струфіономъ» (Исайя)».

Пересмотрѣвъ «Книгу пророка Исайи», я нашелъ, что фраза эта взята изъ стиха 21 главы 13.

Опять таки если согласиться съ тѣмъ, что Кузьмичъ и Александръ одно и то-же лицо, то фразу:

«*а* крыются струфианъ»,

можно прочесть: «я скрываю тебя, Александръ, какъ страусъ, прячущій голову подъ крыло».

5) Обратная сторона второй записки не представляетъ ничего другого, какъ только дату и такъ сказать адресъ, т. е.: 26 марта 1837 года (день, когда старецъ прибылъ въ Сибирь) «43 пар.» (43-я партія, съ которой онъ прибылъ), «в. вол.» (по всѣмъ вѣроятіямъ—«боготольская волость»; можетъ быть, старецъ по ошибкѣ, или опискѣ, или незнанію поставилъ «в» вмѣсто «б»).

6) Буква «д», писанная такъ, какъ въ «тайнѣ», очень характерна для почерка Александра I; обращаетъ на себя вниманіе не то, что она писана какъ французское «g»—это часто встрѣчалось въ 19 столѣтіи—но что нижній завитокъ перечеркнутъ рѣзкимъ штрихомъ.

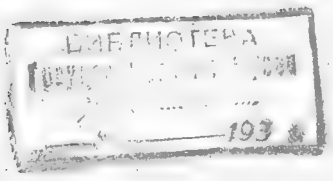
По этому поводу не могу не отмѣтить одной особенности въ «записи» старца, писанной безусловно тѣмъ же почеркомъ, что и «тайна». Въ «записи» буква «д» писана иначе, т. е. съ завиткомъ кверху, причемъ завитокъ тщательно вычерченъ съ нажимомъ пера, какъ сдѣлалъ бы человѣкъ не привыкшій писать эту букву именно такъ.

Заканчивая мое изслѣдованіе вопроса объ императорѣ Александрѣ I и сибирскомъ отшельникѣ Федорѣ Кузьмичѣ, я, можетъ быть, долженъ былъ бы написать еще нѣсколько страницъ патетическаго заключенія. Но я думаю, что это излишне. Я привелъ всѣ извѣстные и доступные изслѣдова-

телю документы, сопоставилъ ихъ, отмѣтилъ всѣ ихъ особенности, высказалъ мое мнѣніе, въ искренности котораго читатель, надѣюсь, не усумнится, а затѣмъ—пусть каждый судитъ по своему.

По моему—императоръ Александръ I не умеръ въ Таганрогѣ, а удалился отъ міра и скончался въ 1864 году въ образѣ Федора Кузьмича... Въ этомъ я убѣдился, изучая доводы и документы противниковъ такой точки зрѣнія.

1 мая (18 апрѣля) 1012 г.
Лондонъ.



„КН-ВО ПРОМЕТЕЙ."

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ПОВАРСКОЙ, 10.

Степнякъ-Кравчинскій, С. М.

Собраніе сочиненій подъ редакціей С. А. Венгерова.

Т. I. Штундистъ Павелъ Руденко. Съ предисловіемъ П. А. Кропоткина. Ц. 1 р.

Т. III. Домикъ на Волгѣ. Сказка о копѣйкѣ и др. Ц. 1 р.

Т. IV. Андрей Кожуховъ. Романъ. Ц. 1 р.

Т. V. Эскизы и силуэты. Ц. 1 р.

Т. VI. Критика и публицистика. Ц. 1 р.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. Океанъ. Рисунки и обложка работы худ. Б. Анисфельда. Ц. 60 к.

ВОЙНИЧЪ, Е. Оводъ. Романъ изъ жизни Италіи. Переводъ З. Венгеровой. Изданіе 4-е. Ц. 75 к.

МАКАРОВЪ, ГЛѢБЪ. Разсказы для дѣтей. Съ рисунками. Ц. 1 р.

Изъ письма Льва Толстого къ автору.

Ясная Поляна.

Прочелъ ваши разсказы для дѣтей. Большинство ихъ очень, очень хороши. Оцѣнка ихъ сдѣлана не только мною, но и тѣми крестьянскими дѣтьми, которымъ я давалъ для прочтенія. Они прочли ихъ, все запомнили и прекрасно передали. Особенно нравится мнѣ въ вашихъ разсказахъ то, что тотъ выводъ—нравственный или практическій,—который вытекаетъ изъ разсказа, не сказанъ, а предоставлено самимъ дѣтямъ сдѣлать его. Я дѣлалъ этотъ опытъ съ крестьянскими дѣтьми, и они прекрасно говорили мнѣ о томъ смыслѣ, который вытекаетъ изъ разсказа. Желательно бы было нѣсколько упростить языкъ; но въ общемъ разсказы очень хороши. Очень совѣтую вамъ продолжать это прекрасное дѣло. Благодарю васъ за присылку книгъ, желаю вамъ всего лучшаго.

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

1908, 17 Марта.

Всѣ книги издат-ва „ПРОМЕТЕЙ" высылаются наложен. платежомъ.

„КН-ВО ПРОМЕТЕЙ.“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ПОВАРСКОЙ, 10.

АМФИТЕАТРОВЪ, А. В.

Паутина. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
Аглая. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
Раздѣлъ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
Дочь Викторіи Павловны. Романъ. Печатается.
Марья Лусьева за-границей. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
Девятидесятники. Романъ. Ч. I. Ц. 1 р. 50 к.
Девятидесятники. Романъ. Ч. II. Ц. 1 р. 50 к.
Сумерки божковъ. Романъ. Ч. I. Ц. 1 р. 25 к.
Сумерки божковъ. Романъ. Ч. II. Ц. 1 р. 50 к.
Противъ теченія Ц. 1 р.
Антики. Ц. 1 р. 25 к.

А. В. Амфитеатровъ ярко талантливъ, много на своемъ вѣку видѣлъ и между прочими достоинствами обладаетъ однимъ превосходнымъ и рѣдкимъ, какъ бѣлый воронъ среди черныхъ, достоинствомъ—великолѣпнымъ русскимъ языкомъ, богатымъ, сочнымъ, своеобычнымъ, но въ то же время безъ вывертокъ и щегольства . . . Это настоящій писатель, отмѣченный при рожденіи поцѣлуемъ Аполлона въ уста“.

„Русское Слово“ 20. XI. 1910. А. А. ИЗМАЙЛОВЪ.

Левъ Ждановъ.

Въ стѣнахъ Варшавы. Ром.-хроника. Ч. I. Ц. 1 р. 50 к.
Въ стѣнахъ Варшавы. Ром.-хроника. Ч. II. Ц. 1 р. 50 к.
Осажденная Варшава. Романъ-хроника. Ц. 1 р. 25 к.
„Сгибла Польша“. Романъ-хроника. Ц. 1 р. 25 к.
Послѣдній фаворитъ. Романъ-хроника. Ц. 1 р. 75 к.

—Живое изложеніе, умѣлый діалогъ, множество выраженій, взятыхъ изъ старинныхъ источниковъ,—все это дѣлаетъ хроники г. Жданова занимательными и полными историческаго интереса.

„Вѣстникъ Европы“, Евг. Л.

Всѣ книги издат-ва „ПРОМЕТЕЙ“ высылаются наложен. платежомъ.

„КН-ВО ПРОМЕТЕЙ.“
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ПОВАРСКОЙ, 10.

УПТОНЪ СИНКЛЕРЪ

Собраніе сочиненій въ 4 томахъ.

Т. I. Испытанія любви. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
Т. II. Джунгли. Романъ. Ц. 1 р.
Т. III. Деньги. Романъ. Ц. 1 р.
Т. IV. Царь Мидасъ. Романъ. Ц. 1 р.

Двумя крупными, свѣжими и бодрыми талантами, двумя писателями *большой силы и высокаго пафоса подарила насъ* современная *Америка*, страна „business“, практицизма и здраваго смысла. *Это — Джэкъ Лондонъ*, выпускаемый теперь издательствомъ „Прометей“, и *Уптонъ Синклеръ*, три тома котораго тоже только что вышли въ этомъ издательствѣ.

Исторія литовской эмигрантской семьи, всѣ силы и соки которой съ правильностью машины, съ непреложностью рока высасываетъ крупный капиталъ, — написана въ романѣ „Джунгли“ не только глубоко-трогательно, но и потрясающе-ярко.

Картины боенъ мясного треста въ Чикаго, царящая здѣсь наглость и холодная жестокость вызвали, какъ извѣстно, въ Америкѣ сильное движеніе противъ трестовъ и, какъ *слѣдствіе романа, появился даже спеціальный парламентскій актъ.*

Неожиданными для американскаго писателя были страстная горечь и неукротимый гнѣвъ, проникающіе „Джунгли“, и въ этомъ главная красота романа.

Но еще пышнѣе, еще ярче развернулся талантъ Синклера въ „Испытаніяхъ любви“, на которыхъ стоитъ остановиться подробнѣе.

На протяженіи пятисотъ страницъ дѣйствуютъ въ сущности только два героя; вниманіе автора направлено почти исключительно внутрь ихъ душъ, и, тѣмъ не менѣе, отъ книги нельзя оторваться, она приковываетъ, она влечетъ къ себѣ и терзаетъ въ то же время.

„Пламенѣющій духъ“ — такъ называетъ Синклеръ своего героя Тирсиса, и такъ же хочется назвать этого страннаго, влекущаго и ужасающаго автора.

„Книга о „Западнѣ“—какъ называетъ Тирсисъ жизнь человѣка—такъ правильнѣе было бы озаглавить „Испытанія любви“. Первые нѣсколько десятковъ страницъ неожиданно переносятъ васъ въ атмосферу „Безнадежно погибающихъ“ Г. Банга—это раннее дѣт-

Всѣ книги издат-ва „ПРОМЕТЕЙ“ высылаются наложен. платежомъ.

ство Тирсиса, похоже внутренне и по колориту на дѣтство героя датскаго автора.

Романъ ширится, растетъ: душа Тирсиса, создателя новой красоты, творца новой религіи, безстрашнаго философа и мощнаго поэта, окрѣпла въ борьбѣ, опредѣлила свое высокое назначеніе.

Но шагъ за шагомъ, безъ гнѣва и жестокости, движимая только своей собственной, невѣдомой смертнымъ волей, — жизнь захлопываетъ передъ ними одну дверь за другой, жалящими терніями покрываетъ тропинку за тропинкой, обезкрыливаетъ ихъ порывы клеветой людей, непониманіемъ и — бѣдностью, бѣдностью..

Нѣтъ возможности даже приблизительно передать все очарованіе этой странной книги, („Испытанія Любви") но такія страницы, какъ моментъ рожденія у Тирсиса ребенка или убійство оленя въ лѣсу, или скитальчество въ палаткѣ у озера, — эти страницы и многія другія написаны не только „Пламенѣющимъ духомъ", но и истиннымъ художникомъ слова, которому вѣдома великая тайна творчества, его обаяніе и высокая радость.

„Рѣчь", 25 іюня 1912 г.

Л. Василевскій.

Романъ этотъ („Джунгли") не новъ: онъ вышелъ еще въ 1906 году и тогда же былъ переведенъ на всѣ языки. Весь читающій міръ былъ захваченъ этой простой исторіей переселенческой литовской семьи, постепенно распадающейся и погибающей, какъ путникъ въ непроходимой чащѣ джунглей, въ дебряхъ безпросвѣтнаго, тяжелаго труда, полуживотнаго существованія и полнаго безправія, бьющейся, какъ рыба въ сѣтяхъ, въ паутинѣ жестокости и эксплоатаціи, изъ которой ткутся богатства американскихъ милліардеровъ. За этой заурядной, скромной семьей стоитъ цѣлая армія такихъ же обездоленныхъ трудящихся массъ, дебри того безправія и нищеты, изъ которыхъ, какъ ядовитые цвѣты джунглей, выростаютъ сказочные милліарды. Къ романамъ Синклера не предъявляешь запросовъ художественности; это почти сплошь публицистика, но въ своей сухой, статистической точности они подчасъ краснорѣчивѣе многихъ художественныхъ произведеній. „Джунгли"—лучшій изъ романовъ Синклера.

„Современное Слово", 31 марта 1912 г.

КНИГ-ВО „ПРОМЕТЕЙ“.

С.-Петербургъ, Поварской, 10.

ДЖЭКЪ ЛОНДОНЪ.

Т. IX. Бѣлый Клыкъ . . 1.—	Т. XII. Приключеніе . . . 1.25
Т. X. Мартинъ Идэнъ . . 1.50	Т. XIII. До Адама . . . . 1.—
Т. XI. Когда боги смѣются. 1.—	Т. XIV. Любовь къ жизни. 1.—

УПТОНЪ СИНКЛЕРЪ.

Т. I. Испытанія любви . . 1.50	Т. III. Деньги . . . . . 1.—
Т. II. Джунгли . . . . . 1.—	Т. IV. Царь Мидасъ . . . 1.—

АМФИТЕАТРОВЪ, А.

Паутина. Романъ 1.25	Марья Лусьева за-границей. Романъ 1.25
Аглая. Романъ 1.25	Девятидесятники. Ч. I и II по 1.50
Раздѣлъ. Романъ 1.50	

Макаровъ, Глѣбъ. Дѣтскіе разсказы. Съ иллюстраціями и письмомъ Льва Толстого къ автору . . . . . 1.—

Кн. Барятинскій, В. В. Царственный мистикъ. (Императоръ Александръ I—Ѳедоръ Козьмичъ) 1.25

Зин. Венгерова. Т. I. Англійскіе писатели 19 вѣка . . . 1.25

Ивановъ-Разумникъ. Т. IV. Левъ Толстой 1.25

А. Дастръ, проф. Жизнь и смерть . . . . . 1.—

КНИГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ НАЛОЖЕН. ПЛАТЕЖОМЪ.

Ц. 1 р. 25 коп.

3p.